

ЖЕНСКИЕ
ТАИНЫ

Роман,
возглавивший
список бестселлеров
Sunday Times

ЛЕДИ ЭЛИЗАБЕТ

ЭЛИСОН УЭЙР

Казалось бы, нам известно всё о королеве Елизавете.
Но книга Элисон Уэйр поражает мастерским описанием страстей и увлекательным
рассказом о целеустремленном характере юной героини.

The Lady

Женские тайны (Азбука-Аттикус)

Элисон Уэйр
Леди Элизабет

«Азбука-Аттикус»

2008

Уэйр Э.

Леди Элизабет / Э. Уэйр — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Женские тайны (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-06961-9

Англия, 1536 год. В английской истории не было королевского двора более пышного и блестящего. Но под сверкающей позолотой живет измена... Элизабет Тюдор, дочь Генриха VIII, самого могущественного из королей, которых когда-либо знала Англия. Ей предназначено взойти на престол, ибо она – наследница короля. Но все изменится в одночасье, когда Анна Болейн, ее мать, будет казнена за предательство. Друзья сделаются врагами, и единственное, на что ей остается надеяться в борьбе за будущий трон, – это на собственные силы...

ISBN 978-5-389-06961-9

© Уэйр Э., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Тюдоры	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	43
Глава 6	58
Глава 7	66
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Элисон Уэйр Леди Элизабет

THE LADY ELIZABETH

by Alison Weir

Copyright © 2008 by Alison Weir

All rights reserved

© К. Плешков, перевод, 2013

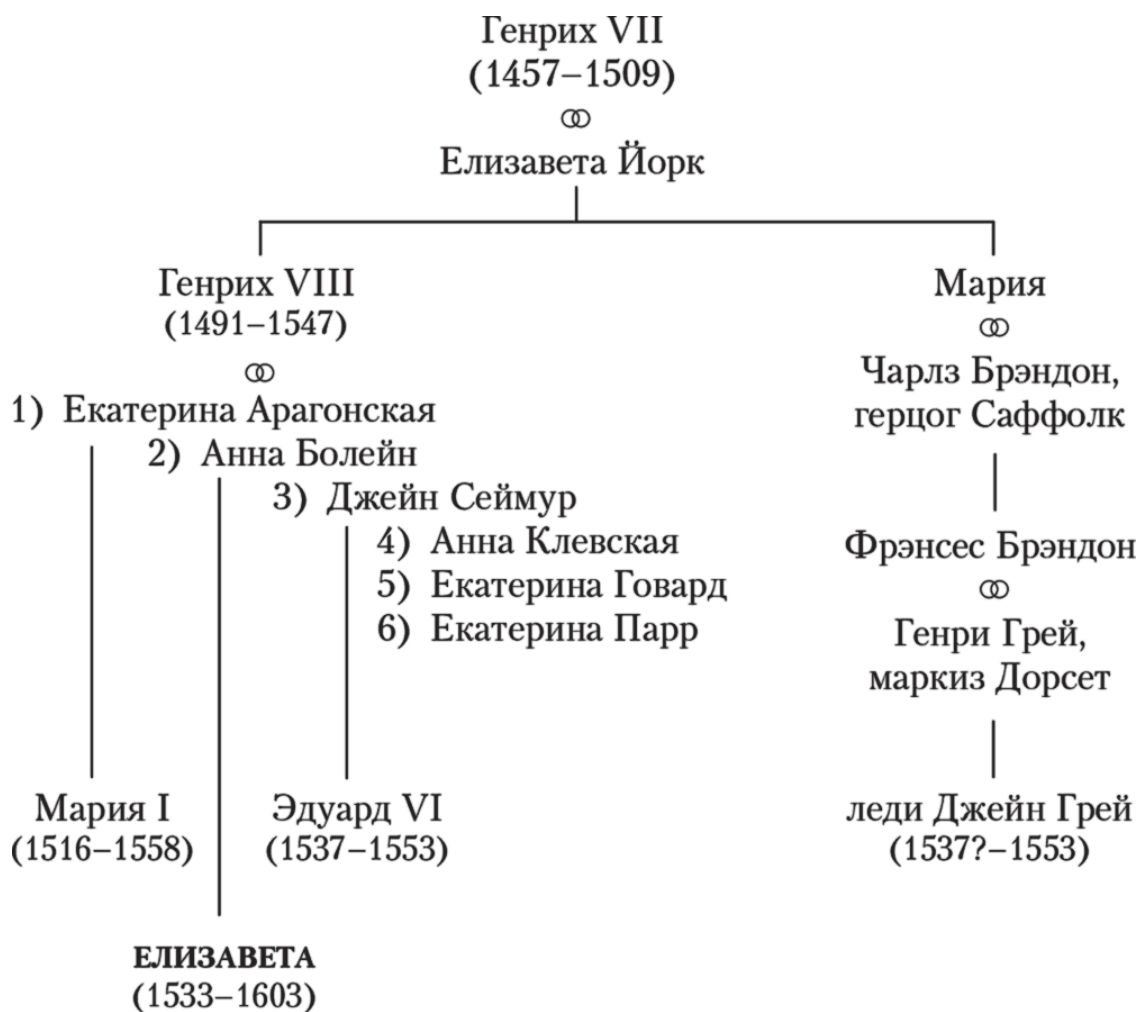
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моим дорогим подругам Трейси Борман, Саре Гриввуд, Кейт Уильямс, Марте Уиттом, Энн Моррис и Шивон Кларк за помощь и поддержку, со всей любовью

Тюдоры

Часть первая

Дочь короля

Глава 1

1536

Жарким безветренным июльским утром леди Мэри, дочь короля Генриха Восьмого, въехала верхом на белой лошади во внутренний двор большого загородного дворца Хэтфилд. За ней следовали четверо камердинеров, две фрейлины и женщина-шут.

Спешившись, она тут же наклонилась поцеловать маленькую девочку. Следуя напоминанию няни, та присела в неуклюжем реверансе перед старшей сестрой, которую не видела много месяцев. Серьезное веснушчатое личико окаймляли длинные пряди блестящих рыжих волос, выбивавшиеся из-под расшитого белого чепчика с завязанными ниже подбородка тесемками.

– Как же ты выросла, милая! – воскликнула Мэри своим грубоватым голосом, глядя Элизабет по волосам и поправляя ее серебряную подвеску. – Тебе ведь уже почти три года?

Элизабет неуверенно взглянула на богато одетую женщину с мрачным лицом и худощавой фигурой. В отличие от матери Элизабет, Мэри нельзя было назвать красавицей: курносый нос, узкий рот, а волосы, хотя и такие же рыжие, как у Элизабет и их отца, закручивались тонкими завитками. И конечно, Мэри была совсем старая – целых двадцати лет от роду, как говорили крохе.

– Я привезла тебе подарки, сестренка, – улыбнулась Мэри, давая знак фрейлине, которая протянула ей деревянную шкатулку. Внутри, завернутые в бархат, лежали янтарные четки и украшенное драгоценными камнями распятие. – Для твоей часовни.

– Красивые, – ответила Элизабет, осторожно перебирая бусины.

– Как дела у моей сестренки, леди Брайан? – Мэри выпрямилась и поцеловала гувернантку. – И у вас? Рада снова вас видеть, хотя и предпочла бы встретиться не при столь печальных обстоятельствах.

– Я тоже, леди Мэри. У нас все хорошо, спасибо, – ответила женщина.

Наблюдавшую за ними Элизабет немного озадачили их слова и мимолетная боль, тенью скользнувшая по некрасивому лицу Мэри.

– Я сама с ней поговорю, – сказала старшая сестра.

Леди Брайан кивнула:

– Благодарю вас, ваша светлость. Но, прошу вас, сперва поешьте – уже почти одиннадцать, и обед готов.

Элизабет больше не слушала их, полностью сосредоточившись на новых четках.

– Я привезла с собой шутовку, чтобы потом развлечься, если понадобится, – сообщила Мэри, и Элизабет наострила уши. Шуты ей нравились, они были смешные.

Пока для Мэри в большом зале торжественно выставляли на стол жареного гуся и горячий салат, Элизабет отправили обедать в детскую.

– Надеюсь, ваша светлость нас извинит, – сказала няня, обращаясь к леди Мэри. – Ее светлость леди Элизабет пока слишком мала, чтобы есть вместе со взрослыми.

Заставив девочку еще раз присесть в реверансе, она увела ее за руку.

Едва они ушли, Мэри положила нож и печально покачала головой.

– Даже не знаю, как ей сказать, Маргарет, – угрюмо проговорила она, ища поддержки у своей бывшей гувернантки.

Леди Брайан успокаивающе коснулась ее руки:

– На вашем месте я не была бы с ней слишком откровенной, госпожа.

– Нет, конечно, – с горячностью согласилась Мэри. – Часто ли она говорит о матери? Думаете, она сильно расстроится? Вряд ли она могла столь близко ее знать.

– Боюсь, да. Ее светлость – я имею в виду ее мать – постоянно держала девочку при себе, куда больше, чем подобает королеве. Если помните, она даже отказалась от кормилицы, – неодобрительно фыркнула леди Брайан.

Мэри с нарастающей тревогой взглянула на нее, боясь неизбежного:

– Думаете, она поймет?

– Она многое понимает, – ответила леди Брайан. – Миледи развита не по годам. Она очень сообразительная девочка, и ума ей не занимать.

– Но при всем при том она еще ребенок, – возразила Мэри, – так что постараюсь объяснить ей все как можно мягче. И да помогут мне Пресвятая Дева и все святые.

Видя ее беспокойство, леди Брайан попыталась перевести разговор на другую тему, но, пока она и сэр Джон беседовали о домашних делах и погоде, без особого аппетита гоняя по тарелкам кусочки еды, Мэри, сердце которой было исполнено любви и сострадания к сестренке, не могла думать ни о чем, кроме как о предстоявшей тяжелой задаче.

«Почему?» – спрашивала она себя. Почему она согласилась приехать и исполнить ужасное поручение? Само существование Элизабет причиняло ей безмерную боль и страдания; именно из-за матери Элизабет, откровенной шлюхи Анны Болейн, Мэри лишилась всего самого дорогого в жизни: собственной матери – праведной королевы Екатерины, положения, перспектив на трон и замужество, а также любви ее отца-короля. И все же Мэри понимала, что ей не за что ненавидеть невинное дитя, – более того, она одарила очаровательную малышку всей любовью, на какую была способна, и теперь, когда жестокий удар судьбы обрушился и на Элизабет, она могла лишь сострадать малышке.

Как только трапеза завершилась, Элизабет снова привели к сестре, и они вместе вышли из дворца в залитый солнцем парк в сопровождении следовавших на некотором отдалении слуг. Под яркими лучами дневного светила, при почти полном безветрии, сестры в шелковых платьях с длинными рукавами изнемогали от жары. Элизабет спасала широкополая соломенная шляпа; Мэри же мучилась в нарядном французском уборе с завязками ниже подбородка. По ее сжатым губам Элизабет догадалась, что та чем-то расстроена.

– Я много думала о тебе, сестренка, – заговорила Мэри. – Я должна была приехать повидаться с тобой, убедиться, что у тебя все хорошо, и... – Голос ее затих.

– Спасибо, сестра, – ответила Элизабет.

Мэри снова погладила длинные рыжие кудри, выбивавшиеся из-под соломенной шляпы, и вновь закручинилась. Девочка, как бы ни была юна, почувствовала ее горе.

– Что случилось? – спросила Элизабет. – Почему ты такая грустная?

– О милая моя Элизабет! – воскликнула Мэри, опускаясь на колени в траву и крепко обнимая сестренку.

Элизабет высвободилась – будучи замкнутым ребенком, она не любила, когда ее тискали. Но Мэри ничего не замечала – она горько плакала. Элизабет увидела леди Брайан, которая пристально наблюдала за ними, стоя неподалеку с фрейлинами Мэри и нянями, и ее озадачило, почему гувернантка не спешит ей на помощь.

– Иди сюда, сестренка, – позвала Мэри, всхлипывая и промокая глаза белым платком. – Сядем.

Она потянула Элизабет в тень дуба на каменную скамью, откуда открывался величественный вид на дворец из красного кирпича за ухоженным садом, и усадила на нее девочку.

– Наш отец велел мне кое о чем тебе сообщить, и ты очень расстроишься, – сказала Мэри. – Будь смелой девочкой... как и мне пришлось в свое время.

– Я смелая, – не слишком убежденно заверила ее Элизабет, со страхом гадая, о чем пойдет речь.

Внешне ничего не изменилось – ее распорядок дня оставался прежним, прислуга все так же приседала перед ней в реверансе и относилась к Элизабет с должным почтением. Если бы не слова ее гувернера, она бы даже не поняла, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– А почему, – спросила она ясным мелодичным голосом своего гувернера, сэра Джона Шелтона, – вчера вы называли меня «леди принцесса», а сегодня просто «леди Элизабет»?

Застигнутый врасплох, сэр Джон Шелтон потерял роскошную каштановую бороду и нахмурился. Поколебавшись, он посмотрел на стоявшую перед ним Элизабет, чей стальной взгляд повелевал дать ответ. Уже не впервые его потрясла ее врожденная королевская власть, не подобавшая, по его мнению, женщине, но достойная восхищения в принце – наследнике, в котором столь отчаянно нуждалась Англия.

– Так приказал король, ваш отец, – осторожно объяснил он.

– Почему? – спросило дитя, сузив темные глаза.

– Приказы короля всегда должны исполняться, – заявил сэр Джон.

Лицо девочки помрачнело, она надула губы и нахмурила брови. Сэр Джон уклонился от ответа на ее вопрос, но Элизабет не собиралась отступать. К счастью для него, вошла леди Брайан, как всегда выглядевшая безупречно в темном бархатном платье. Она командовала армией нянек и слуг с тех пор, как ее королевской подопечной в возрасте трех месяцев выделили собственную прислугу.

Леди Брайан несла стопку свежевystиранного и умашенного травами белья, направляясь к резному сундуку в изножье кровати Элизабет. Увидев сэра Джона, заведовавшего всем хозяйством, она грациозно присела, нисколько не умалив своего достоинства, а затем наклонилась, собираясь сложить белье в сундук, но Элизабет потянула ее за юбку. Гувернантка, знавшая все на свете, наверняка могла ответить на ее вопрос.

– Миледи, – молвила она, – я спрашивала сэра Джона, почему он называл меня вчера «леди принцесса», а сегодня «леди Элизабет». Почему так?

К удивлению Элизабет, на глазах гувернантки выступили слезы. Неужели леди Брайан, неизменно спокойная и сдержанная, готова расплакаться? Она всегда учила Элизабет, что женщина не должна выдавать своих чувств, никогда не смеялась громко и не давала воли слезам. Девочка не могла даже вообразить подобного, и это привело ее в оторопь. Но, возможно, ей просто показалось, потому что, когда она снова взглянула на леди Брайан, та уже полностью овладела собой.

– У вас новый титул, миледи Элизабет, – сообщила она, явно пытаясь приободрить ее. – Так распорядился его величество король.

– Но почему? – настаивала девочка. Она чувствовала – от нее что-то скрывают...

– Наверняка у короля имелись на то свои причины, – отрезала леди Брайан тоном, не допускающим дальнейших дискуссий. – Лучше скажите, где куклы, с которыми вы играли?

– Я уложила их спать, – без особого интереса ответила Элизабет.

– Утром? Что за притча! – воскликнула гувернантка. – Взгляните, у меня тут в корзинке красивый шелк и несколько кусочков холста. Принесите-ка свою лучшую куклу, а я помогу вам сделать ей чепчик.

Элизабет нехотя побрела к миниатюрной колыбели возле ее кровати. Ясно было, что ответов на свои вопросы в ближайшее время она не получит.

Элизабет часто сидела с гувернанткой, которая учила ее тому, что полагалось знать всем хорошо воспитанным девочкам. Они разглядывали красочные картинки в роскошных книгах, которые дал король, или перебирали шелк для вышивания, причем леди Брайан позволяла девочке самой выбирать цвета. Потом она учила Элизабет, как делать ряды из разных стежков. Элизабет обучалась быстро и легко. Она уже знала алфавит и числа от одного до ста, а в часовне пыталась разобрать латинские слова мессы.

– Что говорит отец Мэтью? – допытывалась она, и леди Брайан прикладывала палец к губам, терпеливо объясняя вполголоса.

После службы Элизабет донимала священника, требуя, чтобы тот научил ее столь занятым словам и фразам.

– Должен признать, у миледи принцессы есть дар к языкам, – сказал священник сэру Джону Шелтону и леди Брайан.

Он оказался прав: Элизабет достаточно было услышать слово, чтобы запомнить его навсегда.

Когда вышивание надоедало – все-таки Элизабет шел всего третий год, и ее непоседливая натура постоянно требовала чего-то нового, – леди Брайан всячески отвлекала ее от дум, заполняя день всевозможными развлечениями. Элизабет гуляла в обширном парке Хэтфилда, обреталась в конюшне, общаясь со своим пони в яблоках, или на кухне, наблюдая, как повар готовит марципан, который ей разрешали попробовать после того, как тот остывал, – Элизабет отличалась неумеренной любовью к сладкому. Потом следовала сказка – не слишком мрачная, что-нибудь вроде старой истории мастера Чосера про петуха Шантеклера, над которой Элизабет всегда от души смеялась, – а затем легкий ужин, состоявший из густого супа и хлеба, молитва и отход ко сну.

Когда Элизабет устраивалась в уютной постели на пуховом матрасе и накрахмаленных простынях, под бархатным покрывалом и балдахином с вышитым гербом Англии, леди Брайан крестила ей лоб и усаживалась с книгой в высоком кресле возле камина, рядом с мерцающей свечой. В комнате было тепло, и вскоре она засыпала, уронив книгу на колени.

Но Элизабет не спала. Она лежала с открытыми глазами, размышляя над загадками и чудесами, которыми полнилась ее жизнь...

Самые ранние воспоминания были связаны с отцом – ее рослым, величественным родителем, королем Генрихом Восьмым, самым чудесным существом в мире. Больше всего Элизабет жалела, что не могла видаться с ним как можно чаще. Редкие дни, когда он навещал ее в Хэтфилде, становились самыми радостными в ее жизни. Похожий на Бога в своих роскошных бархатных одеждах и мехах, украшенных драгоценностями, он щекотал ее ниже подбородка, а после подбрасывал в воздух и крутил вокруг. Элизабет визжала от восторга, ее чепчик с ленточками сползал набок, длинные рыжие локоны развевались на ветру.

– Как дела у моей малышки Бесси? – спрашивал он. – Тебя заставляют сидеть за книгами и молитвами? Или, как им велено, разрешают играть, когда захочешь?

Он заговорщицки подмигивал, и Элизабет понимала – можно спокойно отвечать: да, она много играет и ей очень нравится последняя кукла или игрушка, что он ей прислал.

– Но я учу буквы и катехизис, сэр, – добавляла она.

– Очень хорошо, очень хорошо, – говорил он, усаживая ее на свои широкие мощные бедра, и она прижималась щекой к яркой грубой ткани его камзола, украшенного самоцветами и золотом.

Она вдыхала его благодный запах – аромат трав, мускусных духов и бескрайних просторов – и устраивалась поудобнее, с наслаждением чувствуя, как его жесткая рыжая борода щекочет ей лоб.

– А знаешь, Бесси, – сказал он однажды, – когда я был молодым королем, мне не хотелось ни читать молитвы, ни заниматься государственными делами. Я хотел наслаждаться жизнью. И как ты думаешь, что я делал? Я выбирался из дворца по черной лестнице и уходил на охоту, а мои советники даже не догадывались, что меня нет.

– И вас не наказывали? – потрясенно спросила Элизабет.

– Ха! – взревел отец. – Я король. Они никогда бы не посмели!

– И если ты король, можно делать все, что захочешь? – спросила она, воображая новые горизонты.

– Конечно, – ответил отец. – Люди обязаны исполнять мою волю.

В его голосе прозвучали резкие нотки, которых она, будучи слишком маленькой, не заметила.

– Тогда, – изрекла она, – я стану королем, когда вырасту.

Она не поняла, почему ее слова так его рассердили. Внезапно он превратился из любящего отца в человека из стали, лицо заледенело, глаза злобно вспыхнули. Не говоря ни слова, он снял ее с коленей, не слишком бережно поставил на пол и выпрямился во весь свой внушительный рост.

– Ты никогда не сможешь стать королем, – проговорил он столь же спокойно, сколь и грозно. – Пока у тебя нет брата, ты моя наследница, но женщина не должна править ни по законам природы, ни по Закону Божьему. Так что хватит глупостей, ибо у меня будет сын, который станет моим наследником!

А потом он ушел, и его широкоплечая фигура скрылась за дверью детской. Но с тех пор он появлялся еще не раз, по-прежнему веселый и шумный, как будто ничего не случилось, и она поняла, что его приступы ярости подобны штормам, которые приходят и уходят.

Каждый раз, когда приезжал отец, ее спокойный и упорядоченный мир взрывался многообразием красок, весельем и шумом. Отца всегда окружали роскошно одетые джентльмены и леди, оказывавшие ей знаки внимания, а также сопровождали полчища министров, чиновников и слуг, многие из которых, как ей говорили, были очень важными особами. Она наблюдала, как они старались угодить отцу, и восторгалась тем, как они беспрекословно выполняли его приказы. Как же чудесно быть дочерью такого короля!

Отец часто говорил, что она высокая леди. Все должны были ей кланяться и никто не смел отнестись к ней непочтительно, ибо она тоже была очень важной персоной. Именно потому она жила вдали от королевского двора в своем собственном доме, с личной прислугой. Она была принцессой Англии, и, как рассказала ей леди Брайан, однажды, если Бог не сочтет нужным послать ей брата, она станет королевой, несмотря на слова отца. Так объявило нечто под названием «парламент», и никто не мог ему возразить.

Но то были воспоминания не столь давние. Первое же, что она помнила, – как отец, показывая дочь лордам и леди, носил ее на руках по дворцу в блистательном мире, где он жил. Оба они были одеты в желтое; она чувствовала, что произошло нечто особенное, хотя и не знала точно, что именно. Отец твердил, как он рад, что умерла какая-то старая ведьма, но Элизабет понятия не имела, о ком идет речь, и лишь смутно осознавала, что значит «умерла».

В тот вечер там была и ее мать, тоже в желтом, – это девочка также помнила. Ее прекрасная стройная мать с иссиня-черными волосами, живым притягательным взглядом и колкой улыбкой. Но куда король расхаживал с Элизабет по залу, приглашая придворных восхититься его дочерью, ее мать разговаривала с другими. Как ни странно, Элизабет почти не помнила, чтобы ее родители были вместе. Они порознь приезжали в Хэтфилд, и она понимала: отец слишком часто занят государственными делами и лишь изредка может выбраться к ней. Ее мать, королева Анна, бывала у нее чаще, привозя с собой своих любимых собак и подарки для Элизабет, большую часть которых составляла изысканная одежда – оранжевое атласное платье, красно-коричневая бархатная юбка, пара малиновых рукавов из тафты, расшитый жемчугом

чепец – или кожаная конская упряжь. Мать не устраивала шумных игр, как отец, но сидела с ней в огороженном садике, разглядывая цветные картинки в роскошном издании часослова или играя на лютне, – даже в столь юном возрасте Элизабет уже проявляла способности к музыке, унаследованные от обоих родителей. Будучи более терпеливой, чем Генрих, Анна, казалось, никогда не уставала от общества дочери. Для Элизабет ее мать была идеальной королевой – прекрасной, сдержанной и доброй, и любовь к ней смешивалась для девочки с глубоким почтением и благоговейным трепетом.

Лежа в постели и рассматривая отблески пламени на стене, Элизабет вдруг поняла, что ее мать уже давно не появлялась в Хэтфилде. Последний раз они виделись несколько недель назад, когда королевский двор был в Гринвиче, но тогда Элизабет сильно расстроилась и испугалась. Впервые за свою недолгую жизнь она ощутила опасность и близкую беду. Мать с отцом злились друг на друга, ужасно ссорились, а потом мать расплакалась и растерялась, и это напугало Элизабет. Она не понимала, из-за чего случился раздор и почему потом мать подхватила ее на руки и снова поспешила к королю. Тот стоял у открытого окна, взирая на сад внизу, и гнев его казался столь осязаемым, что дочь съезжилась на руках у матери. Они обменялись грубостями, которых Элизабет не хотелось помнить. Она не желала слышать, как отец называет мать ведьмой и прочими оскорбительными именами. Ведьмы творили зло, но она не могла представить, что мать занимается тем же. И что такое шлюха? Почему мать так расстроилась только из-за того, что застала короля с какой-то девицей по имени Сеймур на коленях? В этом же нет ничего страшного – Элизабет сама много раз сидела так же.

Она не могла вспомнить, чем все закончилось. Последнее, что всплывало в памяти, – как мать подняла ее, предлагая отцу взять ее на руки.

– Она твоя законная дочь! – рыдала Анна. – Ты назвал ее своей наследницей, и парламент это одобрил. Она твоя – только взгляни на нее!

Отец мрачно хмурился, лицо его побагровело от гнева. Он не взял дочь на руки. Элизабет вывернулась и в страхе уткнулась лицом в обтянутое шелком плечо матери. Потом королева куда-то спешила с ней на руках, чуть не бегом минуя роскошные покои, пока не добралась до каморки с деревянными стенами, занавешенными ярко-голубой тканью. Там был молодой человек в одежде священника, а когда мать поставила Элизабет на пол и преклонила колени на молитвенной скамье перед маленьким алтарем, он успокаивающе положил руку на плечо королевы.

– Поведай мне все, дочь моя, – призвал он.

– Возможно, у меня мало времени, – загадочно и тревожно прошептала мать. – Доктор Паркер, пообещайте мне кое-что. Поклянитесь, что сделаете по-моему.

– Сделаю все, что в моих силах, мадам, – ответил тот.

Его грубоватые черты лучились великой добротой. Потом королева Анна встала и, задыхаясь, зашептала ему в ухо, чтобы Элизабет не слышала. Лицо доктора Паркера посуровело.

– Если со мной что-то случится, – уже громче закончила королева, – прошу вас позаботиться о благополучии моей бедной девочки. Обещайте, что не оставите ее.

Добряк, не задумываясь, пообещал, и у Элизабет возникла надежда, что он потолкует с ее отцом-королем и скажет, чтобы тот больше не грубил матери. Само то, что отец, перед которым она преклонялась, так обходился с ее матерью, ужасало Элизабет не меньше, чем страдания Анны. Происходившее было выше ее детского понимания, и ей хотелось одного – скрыться в маленьком надежном мирке, где она до сих пор жила, в котором родители пребывали в согласии и она была в полной безопасности, окруженная их любовью.

Вскоре после этого Элизабет отправили назад в Хэтфилд с новой куклой в руках – прощальным подарком от матери. Когда она, держась за руку леди Брайан, пришла попрощаться с отцом, тот выглядел таким же жизнерадостным, как всегда. Он погладил ее по голове, поце-

ловал в щеку, и она поняла, что снова стала для него прежней Бесси. За повседневными занятиями и играми она начала забывать случившуюся в Гринвиче неприятность, веря, что в ее маленьком мире все теперь хорошо.

Пока сэр Джон Шелтон не назвал ее «леди Элизабет».

Мэри смотрела на сводную сестренку, слишком маленькую, чтобы в полной мере осознать то, что она собиралась сказать малышке, и ее переполняли смешанные чувства. Она души не чаяла в девочке, зная, что та лишь невинное дитя, на которое нельзя возлагать ответственность за зло, которое ее мать причинила Мэри и ее собственной матери, королеве Екатерине. И все же она не могла забыть, что Элизабет – дочь Анны Болейн, а Мэри ненавидела Болейн больше, чем любого смертного на земле.

Она убеждала себя, что Болейн следует простить, как того требовала ее вера. Но это было трудно, даже просто невозможно, ибо раны оказались слишком глубокими. Если бы не Анна Болейн, ее отец не пошел бы на гибельный разрыв с папой, мать не умерла бы в одиночестве, брошенная всеми, а саму ее никогда не объявили бы незаконнорожденной – ее, истинную наследницу трона, – и не вынудили прислуживать маленькой Элизабет. Но ее отец – и опять-таки ее охватили смешанные чувства, ибо она любила его вопреки всему, – воспылал чувствами, околдованный черными глазами и коварными чарами шлюхи Анны Болейн, после чего двадцать лет скромного и любящего супружества с королевой Екатериной рассыпались в прах, и мир Мэри обратился в руины.

Ее праведная мать с величайшим терпением и стойкостью перенесла неприятие, оскорбления, изгнание и смертельную болезнь, постоянно настаивая, что она истинная жена короля, и веря все эти горькие годы, что однажды король одумается, – даже после того, как тот отверг ее и женился на Анне; даже несмотря на угрозы Анны казнить Екатерину и Мэри за их отказ признать этот брак, который, как знала Мэри, не был законным.

Мэри молилась на коленях, чтобы Бог даровал ей такие же терпение и стойкость. Но она была молода, несчастна и глубоко возмущена, и ей отчаянно недоставало матери. Она постоянно тосковала по утешению, которое могла дать ей лишь Екатерина, и даже пять лет вынужденной разлуки не могли тому помешать. Не воспрепятствовала и смерть, ибо Екатерины уже полгода как не было в живых. Мэри не сомневалась, что ее отравили по приказу той женщины. Она какое-то время болела, а когда ее тело вскрыли, оказалось, что сердце ее почернело и сгнило. Что еще могло стать тому причиной, если не яд? А потом ее отец вместе со своей шлюхой, одевшись в желтые одежды – как они говорили, в знак траура, – показывали всему двору Элизабет, злорадно торжествуя и радуясь своему триумфу.

Анна торжествовала недолго. В тот же день, когда похоронили Екатерину, у нее случился выкидыш – сын, которого столь отчаянно желал король, так и не родился. Она подвела его точно так же, как подвела Екатерина. Он был королем Англии двадцать семь лет, но у него до сих пор не было сына, который мог бы унаследовать трон. Только две дочери, обе теперь объявленные незаконнорожденными.

Мысли Мэри вновь вернулись к предстоявшей задаче, заставив ее поежиться. Элизабет вопросительно смотрела на нее черными глазами. За исключением цвета волос, она была полностью ребенком Анны Болейн – даже ее руки с длинными пальцами были такими же, как у Анны. Мэри вспомнила, что у Анны был шестой палец – дьявольская метка, как говорили некоторые, зная, что теперь можно наконец открыто ее поносить. Но очернителю у той теперь было не так и много, ибо, как ни удивительно, в свете недавних событий число сочувствующих начало расти...

Да, Элизабет была ребенком своей матери во всем – во внешности и смекалке, в переменчивом темпераменте и тщеславии. Она уже держалась с подобающим достоинством, наслаждаясь роскошными платьями и любуясь собой в зеркале. Но был ли ее отцом король Ген-

рих? Мысль эта мучила Мэри с тех пор, как она услышала обвинения в адрес игрока на лютне Марка Смитона. Мэри уже много лет не была при дворе и никогда его не видела, но некоторые ее подруги считали, что Элизабет похожа именно на него, хотя, конечно, наверняка сказать не могли, поскольку никогда не обращали на Марка особого внимания, пока он не завоевал известность. Однако мысль эта беспокоила Мэри, хотя никто другой, даже король, не высказывал подозрений, будто Марк – отец Элизабет. При виде Элизабет она всякий раз сознательно или бессознательно разглядывала дитя, надеясь уследить в сестре хоть что-то от короля.

Она решительно отбросила подобные мысли. Кем бы ни был отец девочки и кем бы ни была Анна Болейн, Элизабет оставалась беспомощным ребенком, которому предстояло услышать, что ее мать умерла. Мэри решила быть с ней как можно мягче, чему помогла ее природная доброта.

Элизабет беспокойно болтала ногами в ожидании, когда Мэри наконец что-нибудь скажет. Ей было не по себе от взгляда сестры, печального и сомневающегося одновременно. Мэри положила ладонь на руку девочки:

– Элизабет, милая, ты знаешь, что такое измена?

Мэри уже несколько дней мучительно размышляла, как затронуть столь болезненную тему. У нее даже возникла мысль начать с того, что Анна ушла жить к Богу в рай, но Мэри сама в это не верила, ибо ведьма наверняка оказалась в аду, а врожденная честность требовала говорить правду.

– Нет, – неуверенно ответила Элизабет, озадаченно глядя на сестру широко раскрытыми невинными глазами.

– Это когда кто-нибудь поступает плохо по отношению к королю. Каким-то образом вредит ему или замышляет зло. Понимаешь?

Элизабет кивнула. Герои историй, которые рассказывала леди Брайан, часто замышляли зло, вроде лиса в сказке про Шантеклера. Это она хорошо знала.

– Людей, которые совершают измену, наказывают. Их предают смерти, – продолжала Мэри.

Смерть. Элизабет уже знала, что это такое, – ей объяснил священник. Это означало, что твое тело засыпает навсегда, а душа – хотя малышка до сих пор не могла точно сказать, что это, – уходит в рай жить с Богом и всеми святыми и ангелами, если ты был хорошим человеком. А если плохим, ты отправляешься в жуткое место под названием «ад», где тебя вечно будут терзать дьяволы с острыми вилами. Элизабет однажды видела в церкви картину с изображением ада, и ей пришлось зажмуриться – столь страшной та оказалась. С тех пор она старалась быть хорошей, но это было очень трудно, ибо своевольную маленькую девочку подстерегало слишком много ловушек.

– Понимаешь, Элизабет? – говорила Мэри. – Людей, которые совершают измену, предают смерти. Измена – худшее преступление из всех, хуже убийства или воровства, потому что она – против его величества короля, помазанника Божьего на земле.

Элизабет кивнула.

– Милая, мне нелегко это говорить, – поспешно продолжала Мэри, – но твоя мать совершила измену против короля, нашего отца, и ее наказали. Ее предали смерти.

Элизабет смотрела на сестру, словно не слыша. Взгляд ее был устремлен на купающийся в лучах солнца дворец, лицо ничего не выражало.

– Понимаешь? – снова спросила Мэри, сжимая в руках маленькую ладошку.

Элизабет выдернула руку. Наказали... предали смерти... наказали... предали смерти... Слова Мэри бились в ее голове, пытавшейся осознать их смысл. Что имела в виду сестра? Предали смерти... предали смерти...

К ним шла леди Брайан.

– Миледи, вы рассказали ей? – мягко спросила она.

Внезапно Элизабет соскользнула со скамьи и, подбежав к гувернантке, уткнулась лицом в ее юбку и горько расплакалась.

– Мама! Моя мама! Где она? Я хочу к ней! – причитала она, в страхе содрогаясь всем телом. – Хочу к ней! Приведите ее!

Леди Брайан и леди Мэри присели, пытаясь успокоить потрясенную девочку, но та оставалась безутешна.

– Где моя мама? – всхлипывала она.

– Она умерла, золотко, – со слезами на глазах ответила леди Брайан. – Она теперь с Богом.

– Хочу к ней! – завопила Элизабет. – Хочу к ней!

– Ты должна за нее молиться, – запинаясь, пробормотала Мэри.

Но Элизабет знай ревела во все горло, лишившись дара речи.

В последующие дни все было к ней очень добро. Леди Брайан постоянно находила для нее какие-нибудь занятия, повар готовил ее любимые блюда, шутовка ее сестры кривлялась и приплясывала перед ней во время еды, звеня бубенчиками, но больше всего девочке хотелось быть рядом с Мэри, которая была добрее всех, часами играла с ней и спасала от утомительных нравоучительных историй сэра Джона.

– Что будем читать сегодня вечером, миледи? «Терпеливую Гризельду» или «Тесея и Минотавра»? – спросил он.

– Мы уже читали «Тесея» вчера, опять, – вздохнула Элизабет. – Почитайте «Терпеливую Гризельду».

– Слушайте внимательно. – Сэр Джон открыл книгу. – Вполне подходящая сказка для маленькой девочки вроде вас, которой вполне пригодится пример послушной жены.

– Леди Мэри читает намного лучше вас! – раздраженно заявила его слушательница, не успев он закончить первую страницу.

– Позвольте мне, – улыбнулась Мэри, забирая книгу.

Сэр Джон благодарно удалился, хотя изрядно обиделся на критику.

Позже, тем же вечером, Мэри присоединилась к нему и леди Брайан, чтобы выпить вина перед сном.

– Леди Элизабет понравилась история? – спросил сэр Джон.

– Нет, – ответила Мэри. – Она вполне определенно высказалась о том, как сама поступила бы с мужем Гризельды.

– О господи, – печально нахмурился сэр Джон, хорошо знавший свою подопечную. – Надеюсь, ее это хотя бы отвлекло.

– Думаю, да, – кивнула Мэри. – По крайней мере на какое-то время.

Элизабет больше не плакала – в столь юном возрасте горе забывается быстро. Хотя она оставалась подавленной, ее легко удавалось отвлечь и утешить. Слава богу, думала леди Брайан, худшее наверняка позади.

– Я должна тебе кое-что сказать, – призналась Мэри, обмахиваясь носовым платком.

Они сидели в тени цветочного сада, где висел в воздухе густой аромат роз и жимолости. Элизабет подозрительно взглянула на нее.

– Ничего дурного. На самом деле – хорошая новость. У нас новая мачеха.

– Не хочу мачеху, – надулась Элизабет. – Хочу тебя!

Мэри улыбнулась, тронутая этими словами, и погладила ее по щеке:

– Радуйся, сестренка. Она хорошая женщина. Она была ко мне очень добра и готова стать матерью и для тебя.

Элизабет задумалась.

– Как ее зовут?

– Королева Джейн, – ответила Мэри. – Джейн Сеймур.

Сеймур. Где-то Элизабет уже слышала это имя.

– Королева оказала мне радушный прием при дворе и хочет, чтобы ты тоже нанесла ей визит, – продолжила Мэри и тут же замолчала. Мысль о цене, которую ей пришлось заплатить за возвращение ко двору и прежнюю благосклонность отца, казалась невыносимой.

– Подпишите! – требовал государственный секретарь Кромвель. – Подчинитесь воле отца, ибо это ваш долг. Признайте, что брак вашей матери кровосмесителен и незаконен и что вы были не правы, бросая вызов его величеству. И тогда все сложится хорошо.

Если она поставит свою подпись, к чему ее вынуждали, добра не будет, – это она знала точно. Как она могла струсить и сдаться, когда ее мать оставалась тверда в течение многих лет, перед лицом великих несчастий?

Но Мэри знала также, что, подчинившись, вернет себе любовь отца. Она написала ему, умоляя о встрече, даже обещая пасть ниц к его ногам и просить прощения за все причиненные обиды, но он не ответил. Короля интересовало одно – чтобы она подчинилась его требованиям, скрепив это подписью. Он должен был увидеть собственными глазами ее безоговорочное признание того, что он поступил правильно, отвергнув ее мать.

Она никак не могла заставить себя это сделать. Ей было плохо, ее мучили мигрени и менструальные боли, которыми она страдала много лет, и она уже не могла терпеть.

– Подпишите! – настаивал императорский посол Шапюи, выступавший по поручению своего правителя в защиту покойной королевы Екатерины и ее дочери.

Император¹ приходился племянником Екатерине и двоюродным братом Мэри, и Шапюи заверял Мэри, что руководствуется лишь лучшими побуждениями.

– Подпишите, – повторил он. – Его святейшество папа освободит вас от всякой моральной ответственности, ибо клятва, данная под принуждением, не имеет силы.

И Мэри подписала. Она не только согласилась, что брак ее матери был кровосмесителен и незаконен и, следовательно, сама она – незаконнорожденная, но также признала, что ее отец, король, является верховным главой христианской церкви Англии. Одним росчерком пера она объявила себя бастардом, отказалась признавать авторитет папы и отвергла все то, что она и ее мать считали самым дорогим. И несмотря на предстоящее освобождение от ответственности, она знала, что никогда себе этого не простит.

Элизабет смотрела на сестру, которая ушла в себя, словно позабыв о ее присутствии.

– Эта королева Джейн – она красивая?

Мэри вздрогнула.

– Не очень, – ответила она. – Хотя некоторые считают ее симпатичной. Она такая бледная, что кожа кажется почти белой.

– Моя мама была красивая, – пролепетала Элизабет.

Мэри не ответила. Сама она не считала красивой эту шлюху с жесткими черными волосами и желтоватой кожей, но сказать об этом Элизабет конечно же не могла. У нее перехватило дыхание – Элизабет впервые упомянула Анну Болейн с того страшного дня в парке.

Девочка взглянула на сестру, и ее глаза показались Мэри слишком взрослыми для этого детского лица.

¹ Имеется в виду Священная Римская империя, объединявшая Германию и многие территории Центральной Европы. – Здесь и далее прим. пер., кроме особо оговоренных.

– Что плохого сделала моя мама? – спросила Элизабет, задав вопрос, уже какое-то время сидевший у нее в голове. Она думала об этом каждую ночь, сгорая от желания узнать правду, и решила, что Мэри – единственная, кто мог ей хоть что-то рассказать.

– Она предала короля, – ответила Мэри, тщательно подбирая слова. – И она замышляла его убить.

Она тревожно посмотрела на Элизабет, ожидая бури. Но ничего не случилось, на сей раз девочка вполне владела собой. Горький урок научил ее, что слезы ничего не изменят; к тому же плакать – это слишком по-детски. Однако внутри ее переполняла ярость. Как могла ее любящая, добрая мать замышлять убить ее отца? Она не могла в это поверить. Конечно, раз так сказала Мэри, это наверняка правда, но услышанное было трудно переварить, и ее слегка затошнило. Элизабет судорожно сглотнула, пытаясь взять себя в руки.

– Как ее предали смерти? – спросила она, глядя на свои ноги в мягких детских туфельках с квадратными носками.

– Мечом, – твердо ответила Мэри, словно желая положить конец этой теме.

Вряд ли маленькому ребенку стоило слышать большее. Подробности были чересчур ужасны даже для девушки в возрасте Мэри, и она не могла торжествовать по поводу смерти своего врага – Анна более чем с лихвой заплатила за свои грехи. И не Мэри было отныне судить ее, ибо Анна предстала перед Высшим трибуналом.

– Мечом? – Глаза Элизабет расширились.

Мэри сглотнула комок:

– Все случилось очень быстро, и она не страдала. Говорят, она вела себя исключительно смело. – Ведьма и впрямь оказалась железной, этого не отнять. – Ты должна молиться за нее, сестренка, молиться за упокой ее души.

Мэри встала и протянула руку Элизабет. Девочка представила, как опускается меч, рассекая плоть, словно нож яблоко, и лицо ее побледнело.

– Пойдем нальем в графины водички, – сказала Мэри, увлекая сестру в сторону кухни. – Сегодня опять очень жарко.

Вскоре они уже сидели в прохладной классной комнате, наслаждаясь ветерком из открытых окон.

– Ты хочешь поехать во дворец повидаться с отцом и нашей новой мачехой? – рискнула спросить Мэри, видя, что Элизабет все время молчит, и надеясь ее отвлечь.

– Хочу мою маму, – просто ответила Элизабет, и голос ее дрогнул. – Они не должны были убивать ее мечом.

По щекам текли слезы, но она изо всех сил старалась молча переносить свалившееся на нее горе. Мэри обняла ее и привлекла к себе.

– Мне так жаль, милая, – сказала она. – Так жаль... Поверь, я все понимаю. Я тоже потеряла мать, так что нам одинаково плохо. И мы теперь обе незаконнорожденные, как считает наш отец.

Элизабет перестала плакать.

– Что значит «незаконнорожденная»? – спросила она.

Элизабет уже слышала это слово, сорвавшееся с языка сэра Джона Шелтона, когда она недавно застигла его за разговором наедине с леди Брайан. Увидев ее в дверях, оба испуганно замолчали и пробормотали приветствия. Но тогда это слово, конечно, ничего не значило для нее.

Мэри сама была на грани слез.

– Незаконнорожденный – несчастный человек, который родился не в законном браке, – объяснила она. – Когда мужчина и женщина женятся, все дети, которые у них могут быть, считаются законнорожденными. Но если они не поженились по закону, то их дети называются

незаконнорожденными. Вряд ли ты это поймешь, сестренка, – ты еще слишком мала, чтобы тебя волновали подобные вопросы, но достаточно сказать, что наш отец-король счел, будто не был законно женат на обеих наших матерях, и отверг их одну за другой, объявив тебя и меня незаконнорожденными. Это означает, что мы не можем унаследовать трон или править Англией после него.

– То есть я на самом деле больше не принцесса? – убитым голосом спросила Элизабет.

– Нет, сестренка, и я тоже, – горько ответила Мэри. – Все должны почитать нас как дочерей короля, но по закону мы незаконнорожденные. А поскольку мы девочки, то никого это особо не беспокоит, так как женщины не предназначены для того, чтобы править королевствами. Наш отец крайне нуждается в сыне, который стал бы королем после него. Мы должны молиться, чтобы королева Джейн подарила ему наследника. Ты будешь молиться, Элизабет?

– Да, – неуверенно согласилась Элизабет. – Но я хотела бы и дальше быть принцессой.

– До свидания, милая сестрица, – сказала леди Мэри, наклоняясь и целуя Элизабет перед тем, как сесть на лошадь. – Я скажу нашему отцу, что ты в добром здравии и он может гордиться твоими успехами. Увидимся при дворе, когда тебя пригласят познакомиться с нашей новой мачехой.

Элизабет не пришлось долго ждать приглашения, которое прибыло в Хэтфилд неделю спустя в седельной сумке посыльного в зеленой с белым ливрее дома Тюдоров.

– Элизабет, его величество король приглашает вас в Хэмптон-корт, – радостно сообщила ей леди Брайан. – Нужно собираться.

Последовали поспешные сборы. Груда маленькой одежды из сундука и с вешалок на стене – сорочки, платья, юбки, рукава, чепчики и чулки – отправилась в большой дорожный кофр. Сверху лежали лютня Элизабет и азбука, по которой она учила буквы. Ее кукле предстояло путешествовать в экипаже вместе с ней.

Поскольку рессор у экипажа не было, путь по ухабистой Большой Северной дороге в Лондон был долог и не слишком приятен, несмотря на толстые подушки, устилавшие внутренность экипажа Элизабет и леди Брайан. Он покачивался и подпрыгивал на ухабах, отчего девочку подташнивало, но она не обращала внимания на неудобства, зарывшись в подушки, – ведь она ехала ко двору познакомиться с новой мачехой! После дворца Уайтхолл стало легче: они смогли выехать на недавно построенную личную королевскую дорогу, ведущую через Челси до самого Хэмптон-корта.

Глядя в окно, Элизабет видела ветхие жилища бедноты, теснившиеся вокруг Вестминстерского аббатства, прочные деревянные дома процветающих торговцев, церкви со звенящими колоколами и сновавших повсюду горожан. Она то и дело морщила нос от вони нечистот, гниющей еды и немых тел или при виде нищего в лохмотьях, с покрытой язвами культей, но после снова выглядывала, ободренная широкой улыбкой розовощекой домохозяйки, смело предлагавшей ей яблоко из своей корзины. Внезапно раздался удар, и о раскрашенный борт экипажа разбилось метко брошенное яйцо. Леди Брайан с негодованием погрозила кулаком сорванцу, который нахально показал ей нос и скрылся в переулке.

По обочинам собирались люди, благоговейно взирая на прекрасный экипаж Элизабет с королевским гербом и взмахами рук приветствуя его маленькую пассажирку. Элизабет нравилось, что ее считают столь важной персоной, а при виде домотканых одеяний простонародья она радовалась, что живет не в скромных домах, подобно им, а в большом дворце и носит роскошные платья.

Если Элизабет считала Хэтфилд большим, то массивный дворец из красного кирпича на берегу Темзы в Хэмптоне ее просто сразил. Мириады его окон блистали на солнце, высокие трубы выделялись на фоне неба. Элизабет он показался волшебным дворцом из сказки. Когда йомены Королевской гвардии у ворот подняли пики, пропуская экипаж, она распах-

нула глаза на выстроившиеся вдоль стен жилища придворных, на озабоченный делами люд, большую часть которого составляли слуги и царедворцы. Время от времени попадались красиво одетые лорды и леди или священники в черных сутанах. Когда экипаж остановился во внутреннем дворе, ее внимание больше всего привлекло массивное здание, которое возвышалось над ней почти до небес. Если она и бывала здесь раньше, то ничего об этом не помнила, что казалось странным, учитывая захватывающее великолепие дворца. А ведь она еще даже не была внутри.

В сопровождении вышедшего им навстречу управляющего леди Брайан взяла Элизабет за руку и повела через внутренние ворота, а потом по грандиозной парадной лестнице, ведущей в большой зал. Элизабет задохнулась от восторга, пожирая глазами яркие красочные гобелены на стенах, украшенные самоцветами стекла в высоких окнах и массивную крышу на потолочных балках высоко наверху. В зале расставляли деревянные обеденные столы, и у нее захватило дух при виде сотен блюд и кубков, которые ставили на скатерть. Следом за леди Брайан она прошла по выложенному зеленой и белой плиткой полу к двери слева от помоста, где в узком коридоре слуги складывали салфетки и начищали кувшины. Управляющий проводил гостей в маленькую комнату неподалеку, где на столе ожидали закуски.

– Можете приготовить здесь, леди Брайан, – любезно пригласил он.

Взяв со стола щетку, гувернантка принялась счищать дорожную пыль с себя и Элизабет, после чего привела в порядок волосы и головные уборы. Затем она велела Элизабет повернуться кругом. В своем оранжевом атласном платье девочка выглядела чрезвычайно нарядно; обтягивающий корсаж и длинная юбка подчеркивали ее стройную фигурку. То был один из последних нарядов, которые королева Анна купила для своей дочери.

– Давай я тебя причешу, а потом можно идти, – оживленно проговорила гувернантка.

Элизабет нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

Еще одни двери, снова поднятые пики, и вот они вошли в большой зал, где вдоль стен стояли навтыжку королевские гвардейцы, наблюдавшие за всеми входившими и выходившими. В зале было полно народу – судя по виду, в большинстве своем придворных, и все они выжидающе смотрели на массивные двери в дальнем углу, куда вели Элизабет и леди Брайан.

– Дорогу ее светлости миледи Элизабет! – крикнул управляющий, и люди расступились, сопровождая их алчными, завистливыми взглядами. Большие двери распахнулись, и управляющий громко провозгласил: – Идет ее светлость леди Элизабет!

При этих словах стоявшие в зале за дверью леди и джентльмены в роскошных одеяниях поклонились или присели в реверансе перед вошедшей Элизабет. Как же чудесно было сознавать, что все эти важные взрослые преклоняются перед ней!

– Реверанс! – прошептала леди Брайан.

Элизабет изящно присела, после чего осмелилась поднять взгляд к дальнему углу зала, где нависал балдахин с государственным гербом. Под ним, на устланном ковром помосте, величественно восседал на бархатном троне ее отец-король, а рядом с ним, в кресле поменьше, – женщина в позолоченном платье и с длинными светлыми волосами. Элизабет сразу поняла, что это и есть королева Джейн, – кожа ее была мраморно-белой, в точности как описывала Мэри.

Три шага вперед, и еще один реверанс; снова три шага, и вот они с леди Брайан опустились на колени, склонив голову. Король поднялся. Все взгляды были устремлены на него в ожидании, как он примет дочь Анны Болейн.

– Встаньте, леди Брайан, – повелел он, сходя с помоста и подхватывая Элизабет на руки. – Добро пожаловать, моя маленькая леди Бесси. – Улыбнувшись, он чмокнул девочку в щеку.

– Добрый день, сэр, – пискнула она, немного подавленная обстановкой.

Вокруг заулыбались.

– Надеюсь, дорога была не слишком тяжелой? – осведомился король.

– О нет, сэр, но она была очень долгой! – ответила Элизабет. – И мне было очень скучно.

Король не сумел сдержать улыбку:

– Познакомься со своей мачехой, Бесси. Позволь мне представить тебя королеве Джейн.

Сидевшая на помосте женщина показалась Элизабет довольно полной, с длинным носом, чуть настороженным взглядом голубых глаз и маленьким ртом с плотно сжатыми губами. Но когда она улыбалась – а сейчас так оно и было, – лицо ее менялось. Элизабет собралась снова присесть в реверансе, но, когда королева протянула к ней руки, она забыла обо всем, утонув в золотой парче и мягкой плоти – платье мачехи имело очень глубокий вырез.

– Добро пожаловать во дворец, леди Элизабет, – произнесла королева, и в голосе ее прозвучало участие.

Несколько придворных зааплодировали при виде столь трогательной сцены; другие продолжали наблюдать, с улыбкой или любопытством во взгляде. Элизабет радовалась, что она снова с отцом. Она жалела лишь, что рядом с ним нет ее матери, которая была куда красивее, чем королева Джейн. Как же Элизабет ее не хватало!

Обед задерживался, чтобы король мог принять свою дочь, но шел уже двенадцатый час, и солнце стояло высоко в небе, так что все проголодались. Генрих решил в этот день обедать на публике, чтобы все стали свидетелями счастливого воссоединения его семьи, и вскоре на помосте поставили стол, покрытый отглаженной скатертью из расшитого цветами дамаста. Элизабет немало заинтриговал ритуал накрытия королевского стола, куда более замысловатый, чем ей доводилось видеть в Хэтфилде. Обрызгав скатерть сладкими травяными благоуханиями, на ней разложили салфетки, затем последовали золотые блюда и приборы, бокалы из венецианского стекла, чаши для мытья рук, белые ломти пшеничного хлеба и инкрустированные драгоценными камнями кувшины с вином. Венчала все это великолепие большая золотая солонка в виде корабля, которую поставили перед королем.

Рядом с помостом установили столы, и лорды и леди один за другим начали подходить к своим местам, но продолжали стоять, пока не сядут король и королева. Элизабет и леди Брайан посадили во главе ближайшего к королю стола. Для маленькой девочки то была великая привилегия – официально обедать вместе с лордами и леди в присутствии ее отца-короля, и она изо всех сил старалась не забыть о застольных манерах. Следовало положить салфетку на левое плечо – в чем ей помогла леди Брайан – и вымыть руки в специальной чаше. Ни в коем случае нельзя было класть на стол локти или кулаки, а нож полагалось держать в одной руке, другой поднося еду ко рту. Сидевший напротив джентльмен любезно нарезал ей мясо, поскольку своего ножа у нее не было. Подали вино – чистое, а не разбавленное, как в Хэтфилде, – и оно сразу же ударило в голову, от чего ей захотелось спать и смеяться. Когда обед завершился, по кивку короля леди Брайан отнесла Элизабет в приготовленную для нее комнату и уложила в постель.

Последующие три дня в основном были заполнены пиршествами и увеселениями. Король продолжал уделять Элизабет немалое внимание, а добрая королева Джейн изо всех сил старалась окружить любовью девочку, которой теперь заменяла мать. Потом во дворец приехала Мэри, и стало еще веселее. Элизабет казалось, что она сделалась частью единой дружной семьи. Если бы только с ней была мама...

Вскоре ее отправили обратно домой вместе с леди Брайан – король с королевой собирались отбыть с визитом в Кент. Элизабет огорчилась, что ей придется расстаться с отцом, но прощание получилось по-настоящему нежным. Когда ее привели в тронный зал, где, как обычно, толпились придворные, Генрих поднял ее на руки, пощекотал и крепко поцеловал.

– Очаровательное дитя, ваше величество, – подобострастно заметил французский посол. Король лучезарно улыбнулся.

– Да, мне жаль с ней расставаться, – ответил он, к радости Элизабет. – Она настоящая Тюдор, вне всякого сомнения. Прекрасна, как бутон, и весьма сообразительна! – Он поставил ее на пол. – Ступай с Богом, дочь моя. Скоро увидимся снова.

Сидя в подпрыгивающем на ухабах экипаже, она жалела, что придворные развлечения вскоре вновь сменятся унылым однообразием детской в Хэтфилде, и чувствовала себя еще более одинокой без отца и любимой сестры Мэри. Ее мысли были заняты мачехой. Сколь бы ни добра была к ней Джейн, Элизабет знала, что скучать по ней особо не будет. Воспоминания о матери все еще оставались слишком живыми, и новая королева ничем не могла помочь.

Прошло несколько месяцев, и каждый раз находилась причина, почему Элизабет не может поехать во дворец, а отец – ее навестить.

– Его величество уехал на охоту, – говорил сэр Джон Шелтон.

– Его величество слишком занят подготовкой к коронации королевы.

– За границей чума. Коронацию отложили, и никому не дозволяется посещать дворец, все боятся заразы.

Потом сэр Джон принес еще более тревожные известия, хотя Элизабет так до конца и не поняла, что он имел в виду.

– На севере крупное восстание. Его называют Благодатным паломничеством. Католики решили остановить религиозные реформы короля.

Леди Брайан посерьезнела, но Элизабет куда больше интересовала лошадка на палочке, которую прислала королева на ее третий день рождения в сентябре. Девочка разъезжала по галерее, переходя с шага на рысь, а потом на галоп. Гоняя так взад и вперед, она мало что слышала из разговоров старших, а потому так и не узнала, что ее отец был опасно близок к потере трона. По сути, восстание ничего для нее не значило, пока в декабре его не подавили, и ей позволили участвовать в состоявшихся по этому поводу торжествах.

– Мы поедем в Уайтхолл, а потом в Гринвич на Рождество! – сияла леди Брайан, держа Элизабет за руку и глядя на зажженный по случаю праздника костер.

Жители Хэтфилда танцевали вокруг него, взявшись за руки, и эль лился рекой. Глаза девочки блестели, она подпрыгивала от радости. Постигшее ее горе уже почти угасло, и леди Брайан не в первый раз удивлялась тому, насколько быстро маленькие дети перестают переживать смерть близких.

И снова они отправились по Большой Северной дороге на юг, в Лондон. Стояли сильные холода, и гувернантка позаботилась, чтобы Элизабет закутали в теплые меха. Девочке снег казался настоящим чудом, и леди Брайан, дрожа на морозе, ждала, пока ее подопечная вдоволь не наиграется в снежки, вместо того чтобы воспользоваться уборной на постоялом дворе, где они ненадолго остановились по пути.

В Лондоне ее ждали новые чудеса – Темза покрылась льдом. Во дворце Уайтхолл, выходящем на реку, все только об этом и говорили, так как давно уже не видели ничего подобного. Элизабет не знала, что ее радовало больше – чудесный лед на реке или новая встреча с отцом. А потом она увидела свою сестру Мэри, стоявшую возле трона. После того как король нежно приветствовал Элизабет, она восторженно бросилась обнимать сестру.

– Сестренка, ты забываешь о своем долге перед королевой! – воскликнула Мэри, но Джейн Сеймур лишь рассмеялась.

– Добро пожаловать, миледи Элизабет! – сказала Джейн. – Мы рады, что вы снова с нами, но река замерзла, и нам, боюсь, не добратся до Гринвича.

– Не бойся, дорогая, – промолвил король. – Мы поедем верхом. Вот увидишь!

На следующее утро леди Брайан рано разбудила Элизабет и одела ее в теплое платье, подбитый соболем плащ и меховой капор-накидку.

– Быстро помолитесь и позавтракайте, – велела она, выставляя на стол теплый хлеб, несколько ломтей мяса на тарелке и стакан эля.

– Что такое? – спросила заинтригованная Элизабет.

– Приказ короля! – загадочно ответила гувернантка.

Тот день Элизабет запомнила навсегда. Король и королева в сопровождении небольшой группы придворных, которых Генрих называл верховой прислугой, повели Мэри и Элизабет к воротам королевских апартаментов Уайтхолла, где их уже ждали прекрасные лошади. Все уселись в седла, и король посадил Элизабет впереди себя. Девочке было тесновато из-за его стáтей и мехов, в которые были закутаны они оба, но ей нравилось ехать с ним; сидя на лошади, она могла обозревать мир с необычно высокой точки, а еще больше радовала близость к отцу, который ободряюще прижимал ее к своему объемистому животу. Когда они выехали из дворца, направляясь в сторону Чаринг-Кросса и Стрэнда, ей показалось, будто она в раю. Элизабет никогда не была раньше в Лондоне за пределами дворца, и ее приводили в восторг большие дома вдоль улиц, прекрасные церкви с мелодичными колоколами и шум толпы, выстроившейся вдоль обочин, чтобы увидеть своего монарха.

– Да хранит Господь короля Генриха! – кричали люди. – Боже, храни его величество!

Отец Элизабет снял шляпу и, широко улыбаясь, кланялся налево и направо. Как же он был прекрасен! Он весь так и лучился доброжелательностью, радуясь народной любви. Элизабет тоже ликовала и, ко всеобщему удивлению, сама начала махать собравшимся. Ей хотелось, чтобы ею восторгались, мечталось стать такой же, как отец, наслаждаться любовью и обожанием народа. Не важно, что из толпы порой раздавались несогласные голоса, осмеливавшиеся оскорблять короля; с меньшинством можно было не считаться, по крайней мере с точки зрения Элизабет. Генрих не обращал на них внимания, и так же поступала она, ибо вокруг было так много радостного и удивительного. Она никогда еще не была так счастлива!

Рядом с ними ехала королева, степенно сидя боком в седле и сухо кивая толпе. Будучи дочерью простого рыцаря, она никак не могла привыкнуть к роли королевской супруги, и на публике ее природная скромность брала верх. Но вскоре праздничное настроение охватило и ее: она принялась рассылать улыбки стоявшим на обочинах людям.

По другую сторону от короля ехала превосходная наездница леди Мэри, разделявшая радость сестренки и восхищенная ее инстинктивной реакцией на приветствия толпы. Не меньшую благодарность к собравшимся испытывала и она после долгого удаления от королевского двора. Несмотря на мучившие ее угрызения совести, повиновение королю во многом пошло ей на пользу. И тут же девушку посетила предательская мысль: если бы мать не бросила столь дерзкий вызов отцу, ее собственная жизнь могла оказаться куда счастливее. Впрочем, эту мысль она в ужасе отогнала, – вне всякого сомнения, ее достопочтенная мать была права, отстаивая свои принципы.

Элизабет изо всех сил махала толпе, чуть не подпрыгивая в королевском седле. Она лишь на миг заметила, как нахмурилась ее сестра, а потом полностью утратила к ней интерес, когда они въехали через ворота Темпл-Бар в собственно Лондон. Там их уже ждал лорд-мэр, который низко поклонился монарху и подал ему свой меч и ключи от города. Король дотронулся до них рукой в перчатке, вежливо кивнул лорд-мэру и его братии, и небольшая процессия поднялась по Флит-стрит на Ладгейт-хилл, на вершине которого прямо впереди возвышалось величественное готическое строение собора Святого Павла, чей шпиль, казалось, достигал небес. Элизабет от восхищения даже перестала подпрыгивать и вела себя вполне благопристойно, когда, держась за руку Мэри, вошла следом за королевской четой в массивные двери собора.

Внутри было темно и холодно, несмотря на множество горящих свечей. В полумраке виднелись каменные своды и грандиозные гробницы и монументы. В течение всей рождественской службы Элизабет была дрожь – отчасти от холода, но в основном оттого, что ей было не по себе в столь мрачном месте, и она только обрадовалась, когда служба закончилась и коро-

левская процессия вновь вышла под слабый свет полуденного солнца. Поприветствовав люд, все вернулись в седла.

Потом началось самое веселое. Вместо того чтобы вернуться в Уайтхолл, король повел их мимо дворца Брайдуэлл прямо на толстый лед Темзы. Элизабет вскрикнула, поняв, что лошади идут по замерзшей реке, и ей стало страшно, что лед может треснуть, но отец, сестра и королева лишь смеялись, воодушевленные новыми впечатлениями, и девочка вскоре успокоилась.

– Я сказал, что мы отправимся вниз по реке в Гринвич, – крикнул король, – и даже погода не посмеет мне возражать!

По берегам в лучах зимнего солнца сверкал снег, морозный воздух щипал кончики пальцев и нос, но никто не жаловался. Пару раз лошади поскальзывались, но после резкого рывка за поводья удерживались на ногах. Элизабет взвизгнула, но отец еще крепче прижал девочку к себе, и ее охватил несказанный восторг.

– Выпрямись, Бесси! – приказал он. – Никогда не сутулься, сидя на лошади. Выше голову, будь умницей!

Элизабет выпрямилась, гордо задрав подбородок.

– Сэр, посмотрите на меня! – крикнула она.

Король довольно усмехнулся, видя ее воодушевление.

По пути им то и дело встречались стоявшие на льду будки, где катавшиеся на коньках могли купить горячие каштаны или грог, чтобы согреться. Король радушно махал катающимся, которые не верили глазам, когда видели его слуг в ливреях и понимали, кто он такой. Кто-то попытался поклониться, но рухнул лицом на лед. Элизабет прыснула, а король весело усмехнулся.

– Даже мой шут не сумел бы лучше! – прошептал он ей на ухо.

Вскоре волшебная поездка завершилась, и они прибыли в Гринвич, где на берегу стоял любимый дворец короля, в котором родился он сам. Повсюду царила суматоха из-за приготовлений к двенадцати дням Рождества. В большом зале уже весело трещало в очаге огромное рождественское полено, а дворец украшали ветви плюща и лавра. Элизабет смотрела по сторонам, широко раскрыв глаза, пока леди Брайан вела ее в детскую, чтобы одеть к вечерним торжествам. Гувернантка сомневалась, что ей удастся сегодня уложить девочку спать.

– Как здорово! – воскликнула Элизабет, хлопая в ладоши и скача по комнате. – Жду не дождусь пира!

Леди Брайан улыбнулась, в притворном отчаянии качая головой, и накрыла на стол: тарелка с рыбой, яблоко, хлеб.

– Что-то вы чересчур взволнованы, дитя мое. Успокойтесь и поешьте. Сегодня еда простая – в канун Рождества мы постимся, а уже завтра будем пировать.

Но празднества начались уже вечером, и вот Элизабет, тепло укутанную, вывели наконец во внутренний двор, где собрались король с королевой и придворными, а также их слуги. При свете факелов группа актеров разыграла перед ними пьесу про святого Георгия, покровителя Англии, который победил дракона. Святой Георгий, высокий и стройный, сидел на белом коне, а дракон выглядел совсем как настоящий, и в пасти у него горели угли из жаровни. Чудовище страшно взревело, и Элизабет уткнулась в юбку гувернантки, уверенная, что сейчас оно на нее набросится, но потом, услышав смех толпы, снова посмотрела на святого Георгия и увидела, как тот вонзил копьё в грудь твари. Дракон перевернулся на спину, засучил лапами, несколько раз утомительно всхлипнул и театрально издох. Самым же лучшим моментом, с точки зрения Элизабет, стал тот, когда святой спас принцессу и опустил ее на колени, чтобы поцеловать ей руку. Принцесса – девочка не поняла, что ее роль играл юноша, – выглядела очень красиво: у нее были алые губы и золотые волосы, а платье усыпало золотистые блески. Представление завершилось оглушительными аплодисментами, а после все поспешили к закускам. Элизабет позволили ненадолго присоединиться к королю и его свите в личных покоях, где, к ее радости,

ей дали засахаренных фруктов и вина с пряностями. Объевшись сладким, она уже засыпала, когда леди Брайан наконец уложила ее в постель.

Двенадцать дней Рождества пролетели как один в молитвах, пиршествах и увеселениях. Элизабет с детской непосредственностью внимала величественному хору в монаршей часовне, смотрела с раскрытым ртом, как к королевскому столу несут жареного павлина во всем его великолепном оперении, хохотала над озорными выходками Князя Беспорядков² и сторала от желания присоединиться к лордам и леди в роскошных одеждах, весело танцевавшим под звуки старинных рождественских песен. А на Двенадцатую ночь она с нетерпением ждала, когда раздадут подарки от короля и королевы. Элизабет получила маленький изысканный серебряный кубок с крышкой и жемчужные бусы на красной шелковой ленте. Бусы показались ей до того прекрасными, что, несмотря на поздний час, когда ее укладывали спать, позволив прежде присутствовать на маскараде, она настояла, чтобы леди Брайан надела их на нее, и, полная счастья, закружилась перед зеркалом.

– А ну-ка, модница, быстро в постель! – прикрикнула гувернантка, и Элизабет с визгом бросилась прочь.

Ей никогда еще не было так хорошо, и она хотела, чтобы это продолжалось всегда и она оставалась здесь, в сверкающем волшебном дворце, и никогда больше не возвращалась в тишину Хэтфилда. Будь ее жизнь всегда такой, она, быть может, даже стала бы забывать о матери и ее трагедии.

² Князь Беспорядков – глава рождественских увеселений в Старой Англии. – *Прим. ред.*

Глава 2

1537

– Просыпайтесь, миледи Элизабет, мы только что получили чудесное известие! – воскликнула леди Брайан, встряхивая подопечную за плечо.

Элизабет потерла глаза и, открыв их, увидела сиявшее лицо гувернантки.

– У Англии появился принц! – объявила та. – Королева Джейн родила королю сына! Вашего братика, дитя мое! Сегодня великий день для его величества короля и всех нас!

– Братика? – переспросила Элизабет, и сон как рукой сняло.

Наконец-то ей будет с кем играть! Брат сможет приехать жить в Хэтфилд, и...

– Его зовут Эдвард, – продолжала леди Брайан, – и он родился два дня назад, двенадцатого октября, в канун дня святого Эдуарда Исповедника, – самое благоприятное время. А теперь поспешим, юная миледи, нас ждут во дворце. Король хочет, чтобы вы участвовали в крещении.

– О! – Элизабет выбралась из постели, сияя от восторга. – А что мне надо делать?

– Состоять в процессии.

– А это важное дело? – спросила девочка.

– Полагаю, крайне важное, – твердо ответила леди Брайан, сдерживая улыбку. – А теперь давайте собираться, и побыстрее!

И снова они оказались в экипаже, катившем по Большой Северной дороге. Прошло десять месяцев с последней поездки Элизабет в Лондон на то волшебное Рождество, теперь казавшееся ей сказочным сном. Жизнь быстро вернулась в обычное русло – учеба, еда, прогулки, поездки верхом и молитвы; ее лишь изредка украшали письма и подарки от отца и сестры.

По мере того как экипаж приближался к Лондону, все громче слышался радостный звон колоколов со всех церквей. Вдали грохотал салют из пушек Тауэра, и люди тысячами высыпали на улицы, танцуя вокруг костров и вознося хвалу новому принцу. Элизабет казалось, будто вся Англия радуется его рождению, – вдоль дороги, ведущей на юг, в Хэмптон-корт, празднества устраивались в каждой деревне, из окон свисали гирлянды и ярко раскрашенные флаги, и повсюду царил веселье.

– Слава Богу, нам больше не грозит война! – услышала Элизабет возглас какого-то мужчины.

– Почему он так говорит? – спросила она.

– Потому что у короля теперь есть наследник и никто не может оспаривать его прав, – объяснила леди Брайан.

– То есть принц однажды станет королем? – уточнила Элизабет, начиная понимать, что ее новый братец не просто будущий товарищ по играм.

– Станет, когда Бог призовет вашего отца, короля, к себе, – будем же молиться, чтобы это случилось не скоро.

– Я буду молиться, – благочестиво заявила Элизабет.

– И еще мы должны молиться, чтобы Бог сохранил для нас принца, – добавила леди Брайан.

– А если нет, – задумчиво проговорила Элизабет, – то я смогу стать королевой?

– Нет, милая, это невозможно, – поспешно оборвала ее гувернантка. – Вы с сестрой лишены права на трон, и вообще женщины не правят королевствами и мужчинами. Это противостоит природе.

– Я научусь, – настаивала Элизабет. – Я хотела бы сидеть на троне и приказывать другим людям.

– Еще чего не хватало! – рассмеялась леди Брайан, представив Элизабет в подобной роли. – У нас теперь есть принц, а если Богу будет угодно, то появятся и другие мальчики.

Я уверена, что со временем король найдет вам хорошего мужа, вы станете благочестивой женой и матерью и не будете забивать себе голову правлением королевствами!

Элизабет поморщилась. Быть королевой казалось ей куда интереснее.

В Хэмптон-корте ее повели нанести визит вежливости отцу. В зале для приемов толпились придворные и послы, которым не терпелось поздравить короля. Тот широко улыбался и от души хлопал доброжелателей по спине.

– Миледи Элизабет! – воскликнул он, заметив свою четырехлетнюю дочь, и подхватил ее на руки. – Да благословит тебя Бог, дитя мое!

– Сэр, можно мне увидеть принца? – спросила она.

– Можно, но ты должна вести себя очень тихо. Прошу прощения, леди и джентльмены, мы скоро вернемся. Я должен представить девочку ее брату.

Рослый и широкоплечий, король выглядел, как всегда, впечатляюще в красном бархате и мехах. Радостно улыбаясь, он повел Элизабет через свои личные покои к потайной двери, ведущей в спальню королевы. Увидев короля, ее служанки оторвались от своих занятий и, присев в реверансе, скрылись в тени.

В спальне было очень темно из-за занавешенных окон, а еще жарко и душно от трещавшего в камине огня. Элизабет различила в отблесках свечей королеву Джейн, полулежавшую на белоснежных подушках под балдахином с вышитым гербом Англии. Королева ела засахаренные фрукты, но при виде вошедших отложила их в сторону, вытерла пальцы салфеткой и улыбнулась. «У нее усталый вид, – подумала Элизабет. – Она еще бледнее, чем тогда, на Рождество!»

– Какой приятный сюрприз, – сказала она. – Рада вас видеть, миледи Элизабет.

– Я так счастлива, что у вашего величества родился принц, – проговорила Элизабет, вспомнив, чему ее учила леди Брайан.

Королева снова улыбнулась. Глаза ее слегка покраснели, под ними залегли тени.

– Элизабет желает познакомиться с братом, – сказал король, целуя руку королевы. На глазах у него выступили слезы благодарности.

Элизабет перевела взгляд на массивную золотую колыбель возле кровати, откуда доносилось умиротворенное сопение.

– Эдвард, – широко улыбнулся ее отец. – Принц Эдвард.

Элизабет посмотрела на крошечное существо, туго завернутое в роскошную красную ткань, так что виднелось лишь сморщенное личико с похожим на розовый бутон ротиком и заостренным подбородком. Братик был такой хорошенький! Элизабет надеялась, что он очень скоро вырастет и с ним можно будет играть.

– Можно взять его на руки, сэр? – спросила она отца.

– Не сейчас, ему надо спать, – ответил он.

Элизабет рискнула дотронуться до мягкой бархатистой щеки младенца.

– Он такой красивый, – прошептала она.

– Верно, – гордо кивнул король, утирая глаза. – Он самый красивый мальчик в мире.

Королева продолжала удовлетворенно улыбаться. Исполнив свой долг, она была весьма довольна собой. Ей больше нечего было опасаться, отныне ее не будут мучить кошмары, что ее отвергнут ради другой, или даже хуже. Она стала матерью будущего короля, совершив то, что не удалось ее предшественницам. Ей не терпелось насладиться всеобщим вниманием, которое наверняка обрушится на нее, едва она появится на публике.

Мэри тоже видела маленького принца и произнесла все положенные слова поздравлений, но, сидя в одиночестве в своих покоях и прислушиваясь к царившей снаружи суматохе, которой сопровождалась спешная подготовка к крещению, она чувствовала, как к глазам подступают слезы. Рождение сводного брата положило конец ее заветным, хоть и слабым, надеждам унаследовать трон.

«На всю жизнь, – думала она, – я останусь всего лишь леди Мэри. Я была принцессой, но теперь я незаконнорожденная без каких-либо видов на будущее. На что мне рассчитывать?»

Встав, она не спеша подошла к окну и взглянула на веселую суету. Какой мужчина теперь захочет ее, униженную и лишенную наследства? Похоже, ей не видать столь желанных мужа и детей. Да, король порой заводил разговоры о том, чтобы выдать ее за того или иного принца, но из этого ничего не выходило и, вероятно, никогда не выйдет.

Мэри взяла себя в руки и строго сказала себе, что следует благодарить Бога за ниспосланное утешение. У нее оставались любящий отец, ставшая доброй подругой мачеха и маленькая сестренка – способная очаровательная малышка, о какой можно было только мечтать. А теперь появился еще один ребенок, которого она могла полюбить. Надлежало довольствоваться тем, что дал ей Господь, и не желать большего.

Ближе к вечеру похолодало. Дворец освещали сотни настенных факелов. На главном дворе собрались толпы людей, которым предстояло участвовать в крещении принца – в процессии или самой церемонии. Среди них были рыцари, сквайры и придворные, епископы, аббаты, священнослужители и певчие из королевской часовни, монаршие советники, иностранные послы и прочие знатные лорды и леди в роскошных одеяниях.

Крепко держа Элизабет за руку, леди Брайан искала в толпе брата королевы Эдварда Сеймура, графа Хертфорда, который должен был сопровождать Элизабет в процессии.

Элизабет, одетая в свое лучшее платье из оранжевого атласа, смотрела по сторонам широко раскрытыми глазами. Платье слегка жало в лифе и рукавах, и леди Брайан пришлось удлинить подол, но вместе с веселой зеленой нижней юбкой и таким же французским чепчиком оно, по мнению Элизабет, выглядело просто великолепно, к тому же шапочка подчеркивала ее рыжие волосы. Держась как подобает принцессе, высоко подняв голову и выпрямив спину, она следовала за гувернанткой, кивая налево и направо придворным, как делал ее отец. Многие улыбались и кланялись в ответ.

Милорд Хертфорд выглядел весьма величественно, как часто бывает с новоиспеченными лордами. Он церемонно поклонился Элизабет, взмахнув обильно украшенной перьями шляпой. С ним была одна из фрейлин королевы, почтительно державшая аккуратно сложенное маленькое одеяние с богатой вышивкой и золотой флакон.

– Вы должны отнести это в королевскую часовню, миледи Элизабет, – объяснил граф. – Это крещенский покров принца и миро для помазания. Справитесь?

– Да, милорд, – торжественно ответила Элизабет, сознавая серьезность задачи.

Фрейлина осторожно положила покров на вытянутые руки Элизабет и поставила сверху флакон.

– У нее заняты руки, ей нечем поддерживать шлейф, – заметила леди Брайан.

– Тогда я ее понесу, – сказал Эдвард Сеймур, беря на руки обрадованную Элизабет.

Она крепко вцепилась в свою драгоценную ношу, и он направился к ожидавшим их вельможам, где занял место в задних рядах.

– Его высочество принц! – крикнул кто-то, и остальные подхватили.

Повернув голову, Элизабет увидела королевского младенца, которого несла на руках маркиза Эксетер; четверо лордов поддерживали над их головами золотой полог, а длинный шлейф бархатной мантии принца несла его няня миссис Пенн. За ней шла леди Мэри в сопровожде-

нии большой компании женщин. Когда маленькая процессия приблизилась, все опустились на колени, после чего встали и вновь заняли свои места в шествии, уже вступавшем во дворец.

Элизабет чувствовала себя очень важной персоной, поскольку лорд Хертфорд нес ее прямо перед принцем, и она вполне справилась со своей ролью в часовне, передав довольно измятый покров миссис Пенн и протянув флакон роскошно одетому архиепископу Кентерберийскому. Но когда долгая церемония завершилась и послышались торжественные звуки «Te Deum», было уже далеко за полночь, и девочка отчаянно сражалась со сном. Когда процессия добралась до апартаментов королевы, где родители ожидали своего только что крещенного сына, леди Мэри сжала руку сонной сестры и удерживала ее на ногах, пока не представилась возможность вернуть ее леди Брайан. Последнее, что запомнила Элизабет в эту чудесную ночь, прежде чем веки ее окончательно сомкнулись, – слезы радости на глазах отца, баюкавшего на руках ее брата.

Когда королева Джейн сидела на своей роскошной кровати и принимала гостей, вид у нее был сияющий и здоровый, так что спустя два дня Элизабет немало потрясло известие, что королева больна.

– У ее величества лихорадка, – сказала леди Брайан. – Говорят, она ела слишком много жирного.

Выражение лица гувернантки встревожило Элизабет. Она заметила, что во дворце царит зловещая тишина, – люди переговаривались приглушенными голосами, и никто больше не веселился. Девочке стало страшно. Ей нравилась королева Джейн, которая была добра к ней, и она знала, что ее отец очень любит королеву. Она молилась Богу, чтобы мачеха поскорее выздоровела.

Но однажды вечером, несколько дней спустя, к ней пришла ее сестра Мэри.

– Нашей доброй матери-королеве очень плохо, – печально проговорила она. – С ней ее духовник и наш отец-король.

Элизабет упала духом. Она боялась за королеву, за отца, за себя, за бедного малыша, лежавшего в массивной колыбели. Неужели еще одно королевское дитя лишится матери?

– Она умрет? – прошептала девочка.

– Будем молиться, чтобы этого не случилось, – ответила Мэри, обнимая Элизабет за плечи. – Будем просить Господа, чтобы Он сохранил ей жизнь.

Элизабет незамедлительно направилась к молитвенной скамье и опустилась на колени.

– Попрошу Его прямо сейчас, – сказала она и начала истово молиться, закрыв глаза и сложив руки.

За ее спиной Мэри приложила ладонь к щеке.

– Ох, я из-за этого зуба с ума сойду, – простонала она.

– Чеснок вам поможет, госпожа, – посоветовала леди Брайан.

– Я уже пробовала, – страдальчески отозвалась Мэри. – Не помогает. Придется терпеть. Как говорила моя праведная мать: не пройдя испытаний, в рай не попадешь.

– Заверните во фланель горячий кирпич и приложите к щеке – станет легче, – настояла леди Брайан, поднимаясь. – А вам, миледи Элизабет, пора спать. Я уложу вас, как только закончите с молитвами.

Элизабет разбудили приглушенные рыдания. За окнами едва рассвело. Выскользнув из постели, она накинула халат и, затаив дыхание, неслышно отворила дверь в переднюю. Там никого не оказалось. Плач, похоже, доносился из-за дальней двери. Элизабет подняла засов.

При виде ее леди Мэри и леди Брайан, обе полностью одетые, встали. Элизабет перевела взгляд с одного заплаканного лица на другое и поняла: случилось что-то страшное. Мэри быстро подошла к ней.

– Сестренка, если мы принимаем блага от Господа, то нам приходится и переносить испытания, которые Он нам посылает, – молвила она, прижимая к себе Элизабет. – Увы, наша добрая королева нас покинула.

– Она наверняка отправилась в рай, дитя мое, ибо совершила немало добрых дел, – заверила девочку леди Брайан, утирая глаза.

Элизабет молчала. Она хорошо помнила смерть матери и полагала, что большее уже не будет, но старалась не плакать. Она была уже большой девочкой и знала, что волю Божью нужно принимать со смирением, сколь бы тяжким это ни казалось.

– Королева достойно встретила свой конец. Она умерла во сне после последнего причастия, – продолжила Мэри. – Хоть это может нас утешить.

– Как жаль, что она умерла, – прошептала Элизабет. – Она была так добра ко мне. Мне будет ее не хватать.

К ее глазам подступили слезы, но она изо всех сил сдерживала рыдания.

– Нам всем будет ее не хватать, – эхом повторила Мэри, – особенно нашему бедному отцу.

– Где он? – спросила Элизабет.

Внезапно ей захотелось оказаться в его крепких объятиях, ощутить тепло его могучего, надежного тела.

– Его здесь нет, – ответила Мэри. – Он уехал в Виндзор еще до рассвета. Он не желает никого видеть и намерен пережить горе в одиночестве.

Элизабет ощутила двойную утрату. За столь недолгое время она потеряла двух матерей, а отец уехал прочь, даже не попытавшись ее утешить.

Держась за руку Мэри, Элизабет вошла в королевскую часовню. Перед ними на покрытых черной тканью носилках лежало неподвижное тело королевы Джейн в мантии и короне, с драгоценными украшениями на шее и груди. Руки были скрещены, глаза закрыты навеки.

Сестры были одеты в мрачные, черные траурные платья и белые капюшоны.

– Белые капюшоны означают, что королева умерла при родах, – объяснила Мэри.

Они простояли на коленях поминальную молитву, а затем, когда священник и певчие ушли, приблизились к смертному одру. От тела королевы, которое лежало здесь уже три дня, исходил слабый запах пряностей, маскируя другой, менее приятный. Когда Элизабет, которую подняла на руках сестра, поцеловала белый лоб покойницы, тот оказался холодным, как мрамор, на который он был похож. И все же казалось, что Джейн Сеймур лишь крепко спит. Если бы только она могла проснуться, в отчаянии подумала Элизабет, все снова стали бы счастливы и король вернулся бы назад. Но она знала, что королева никогда больше не проснется, что душа ее отлетела и что каким-то загадочным образом ее убил принц.

Сладкий запах смерти потряс Элизабет, и она в страхе поняла, что в мире куда больше бедствий, чем она могла вообразить. Девочка заслонила глаза руками, скрывая из виду белое восковое лицо и стараясь молиться как можно истовее.

– Как себя чувствует король? – Леди Брайан взглянула на сэра Джона Шелтона, который присел рядом с ней возле редевшего в камине огня.

Наступил ноябрь, и сэр Джон вернулся в Хэтфилд сразу после того, как королеву проводили в последний путь в Виндзоре. Элизабет лежала на животе у камина, притворяясь, будто учит буквы.

– Боюсь, он не в духе, – ответил гувернер, – но, как говорят, он стойко переживает удар судьбы. Еще поговаривают, будто он... – Сэр Джон наклонился и прошептал что-то на ухо гувернантке. Элизабет разобрала лишь слова «четвертый раз».

– Да ведь королева еще в могиле не остыла! – воскликнула леди Брайан.

«Как так – ведь она остыла еще до того, как ее туда положили, такая она была холодная!» – подумала Элизабет, содрогнувшись при воспоминании о мраморном теле.

– Государственный секретарь Кромвель говорит, что благо подданных для короля превыше горя, – отвечал сэр Джон. – Он имеет в виду вопрос престолонаследия. Между спокойствием и хаосом в королевстве стоит лишь жизнь принца, а вы прекрасно знаете, сколь многие дети умирают во младенчестве. Ради нашего всеобщего будущего король нуждается в других сыновьях – и он сам прекрасно это понимает. И конечно, новый брачный альянс может дать определенные преимущества.

Элизабет не интересовали брачные альянсы. Куда больше она беспокоилась о своем дорогом братике, у которого, как и у нее самой, больше не было любящей матери. Неужели сэр Джон намекал, что он может умереть? Господи, только не это – она не вынесет.

Но ее опасения тут же развеялись.

– Слава Богу, принц в добром здравии – я слышал, он крепкий мальчик, – изрек сэр Джон. – И таким он останется, ибо королевская стража ревностно оберегает его здоровье.

– Бедный малыш, – пробормотала леди Брайан.

– Его величество приказал трижды в день мыть стены, полы и потолки покоев принца и чтобы никто, соприкасавшийся с любой заразой, не приближался к его высочеству, – продолжал сэр Джон. – Вряд ли можно его за это винить.

– И на ком же намерен жениться его величество? – тихо спросила леди Брайан, возвращаясь к прежней теме и бросая взгляд на Элизабет – не слушает ли та?

Девочка, казалось, была полностью поглощена букварем.

– Я слышал, он хочет взять в жены французскую принцессу, но французам это не по душе. Говорят, его величество сказал их послу, что случившееся слишком его потрясло и ему нужно увидеть будущую жену до того, как будет подписан какой бы то ни было контракт. – Сэр Джон снова наклонился к гувернантке, и Элизабет пришлось затаить дыхание, чтобы услышать дальнейшее. – Он попросил привезти подходящих французских дам в Кале, чтобы он мог с ними встретиться и познакомиться получше, прежде чем сделать выбор. В ответ посол разгневался, заявив, что знатных французских дам нельзя выставлять напоказ, словно породистую скотину на рынке. А потом он осмелился предположить, – голос сэра Джона упал до еле слышного шепота, – будто его величество намерен по очереди залезть на каждую из них и оставить себе самую приятную.

Леди Брайан прерывисто вздохнула и прижала ладони к порозовевшим щекам.

– Неудивительно, что вы покраснели, миледи, – сказал сэр Джон. – Король тоже покраснел. Никогда еще не видел его в таком замешательстве. Как вы понимаете, от альянса с Францией он отказался и теперь обратил свой взор на герцогство Клевское...³

Элизабет наскучили все эти разговоры об альянсах. К тому же она не понимала, что так потрясло леди Брайан. И зачем ее отцу залезать на французских дам, будто на лошадей? Все это было весьма странно и недоступно ее разумению. Она уставилась в букварь. Изящно выведенные курсивом буквы плясали перед ее невидящим взглядом. Девочка представила, как ее отец ездит по Кале верхом на французских дамах, вроде нее самой на лошадке, и невольно хихикнула. Взрослые занимались глупейшими делами.

³ Входило в состав Священной Римской империи, находилось на территории современной Германии.

Глава 3

1538

Элизабет поспешно сбежала по лестнице в большой зал Хэтфилда, гадая, зачем ее позвала леди Брайан. Гувернантка стояла у двери, беседуя с модно одетой женщиной средних лет, с темными волосами и коровьими глазами.

– Не ждала вас так скоро, – говорила леди Брайан. – Одну минуту. Она несколько суетливо повернулась к своей подопечной. – Миледи Элизабет, позвольте представить вам госпожу Кэтрин Чампернаун.

Гостя изящно присела в реверансе, и Элизабет ответила тем же.

– Добро пожаловать, госпожа Чампернаун, – вежливо проговорила девочка.

– Мое почтение, миледи, – ответила темноволосая женщина с мягким девонширским акцентом.

У нее были пухлые щеки, слегка курносый нос и, несмотря на утонченную внешность, чуть лукавое выражение лица. Наверное, это подруга леди Брайан, подумала Элизабет, ожидая, что после обмена приветствиями ее отпустят восвояси. Но этого не случилось.

– Вам принесут закуски, – все с тем же легким замешательством сказала гостье леди Брайан. – Прошу вас, садитесь и почувствуйте себя как дома. Миледи Элизабет, идемте со мной. Мы скоро вернемся.

Она поспешно поднялась в комнату Элизабет. Девочка с любопытством последовала за ней, но к дальнейшему оказалась совершенно не готова.

– Госпожа Чампернаун – ваша новая гувернантка, – объявила леди Брайан.

– Моя новая гувернантка? – удивленно переспросила Элизабет. – Но у меня уже есть гувернантка – вы.

Леди Брайан глубоко вздохнула:

– Боюсь, уже нет, дитя мое. Я теперь гувернантка принца и буду главной над его новыми слугами. Поэтому сюда прислали миссис Чампернаун.

Элизабет ничего не понимала. Сколько она себя помнила, за ней всегда присматривала леди Брайан. Для девочки она стала почти матерью, той, кто о ней заботился, воспитывал, утешал и приучал к порядку. Всю ее жизнь леди Брайан была рядом, а теперь, похоже, ее больше не будет. Это не укладывалось в голове.

– Так приказал мой отец?

– Да, дитя мое, – мягко ответила леди Брайан.

– Это наверняка ошибка, – заявила Элизабет. – Отошлите эту леди. Пусть она присматривает за принцем, а вы останетесь здесь.

Последовала короткая пауза.

– Гувернанткой принца должна быть опытная знатная дама, – возразила леди Брайан. – Задолго до вашего рождения я присматривала за вашей сестрой леди Мэри, а потом за вами. Теперь меня отправляют в Хэмптон-корт присматривать за самим принцем.

В голосе ее прозвучала гордость, и Элизабет вдруг поняла: таков не только приказ короля, но и собственное желание леди Брайан. Брат Элизабет был куда важнее ее самой – она уже достаточно повзрослела, чтобы это понимать, – а для леди Брайан это стало повышением и великой честью. Несмотря на юный возраст, Элизабет сознавала, что протестовать бессмысленно и придется смириться. Но как же ей было больно! Девочка не только поняла, что ее маленький мир никогда больше не будет прежним, но и то, что преданность леди Брайан была не вполне бескорыстной. Мир вновь жестоко изменился, как в тот день, когда она узнала об ужасной судьбе матери, и в меньшей степени – когда умерла королева Джейн.

Элизабет была уже большая девочка, ей исполнилось четыре года, и она не стала капризничать. Она позволила леди Брайан взять ее за руку, и та повела Элизабет вниз, где ждала Кэтрин Чампернаун. Элизабет величественно поклонилась, когда новая гувернантка опять изобразила реверанс, и даже улыбнулась в ответ.

– Добро пожаловать, госпожа Чампернаун, – повторила она.

– Для меня большая честь служить вам, миледи Элизабет, – ответила гувернантка.

Леди Брайан просияла. Она даже не догадывалась о боли и обиде, переполнявших Элизабет, когда двумя днями позже та стояла в дверях большого зала, готовая расплакаться, и махала ей на прощание.

«Я осталась одна, – думала Элизабет. – Теперь обо мне будет заботиться чужая женщина». Расправив плечи, она решила, что сделает все, чтобы вытерпеть жизнь с этой пришелицей.

Едва экипаж леди Брайан скрылся в облаке пыли на лондонской дороге, миссис Чампернаун с сердечной улыбкой повернулась к Элизабет.

– Пойдемте в сад, – сказала она. – Сегодня такой прекрасный день. Почему бы вам не взять мяч, миледи? Если хотите, можем немного поиграть.

Элизабет удивленно взглянула на нее. Леди Брайан никогда не предлагала ничего подобного; конечно, она была намного старше миссис Чампернаун, и Элизабет прыснула, представив, как эта величественная дама бросает или пинает мяч и как развеваются при этом ее рукава и юбки. Смеясь, девочка побежала к себе в комнату за мячом. Игра доставила ей массу удовольствия. Хохоча и тяжело дыша, они носились по газонам, бросая друг другу мяч, который зачастую не удавалось поймать. Новая гувернантка оказалась весьма подвижной для своих лет; к удивлению и восторгу Элизабет, она даже забиралась в розовые кусты, чтобы достать оттуда мяч.

Запыхавшись, они со смехом присели на скамью в залитой солнцем беседке.

– Миледи Элизабет, – сказала госпожа Чампернаун, – не окажете ли мне честь, называя меня просто Кэт? Так намного короче и приятнее, чем «госпожа Чампернаун», к тому же Кэт меня именуют дома.

– Кэт, – повторила Элизабет. – Да, я буду называть вас Кэт. Кэт! – Она снова хихикнула. – Забавная фамилия – Чампернаун.

– Это старая девонширская фамилия, – ответила Кэт, – и очень древний род. Вы знаете, что мы родственники, миледи Элизабет?

– Да? – восторженно спросила Элизабет. – А как это?

– По линии вашей матери, – осторожно объяснила Кэт.

Элизабет приятно удивилась, но промолчала. Она уже давно предпочитала не упоминать об Анне Болейн. Ей казалось легче забыть, что у нее когда-то была мать, и не думать о том, как та пришла к столь ужасному концу, а также о его жутких подробностях. Не говорили об Анне и леди Брайан, и остальная прислуга – с того страшного дня, когда Элизабет сообщили, что ее мать предали смерти.

Но Кэт ничего об этом не знала, хотя, конечно, понимала, что тема весьма щекотливая, к тому же у нее имелось свое мнение о ее родственнице Анне Болейн и о человеке, пославшем ее на смерть. Конечно, она не могла сказать об этом его дочери и вообще никому, но решила, что однажды Элизабет узнает правду. И если это случится, имя Анны Болейн не уйдет в забвение.

Однако сейчас с этим можно было подождать.

– Идемте, – позвала Кэт. – Скоро обед. Когда сядем за стол, я объясню, какое между нами родство.

Элизабет она просто очаровала. Девочка уже ощущала привязанность к новой гувернантке и, как это было ни удивительно, даже зарождающуюся любовь. От Кэт Чампернаун

исходили тепло и надежность. Смела ли надеяться Элизабет, что эта женщина, ее родственница, по-настоящему ее полюбит и никогда не бросит?

Очень скоро Элизабет получила приглашение в находившийся в десятке миль Хансдон – навестить сестру Мэри.

– Мне кажется, что, коль скоро леди Брайан уехала, миледи Элизабет стоит какое-то время побыть с той, кого она знает и кому доверяет, – сказала Мэри Кэт Чампернаун вскоре после их приезда, не подозревая о мгновенно возникшем согласии между Элизабет и новой гувернанткой.

– Весьма любезно с вашей стороны, ваша светлость, – ответила Кэт, восхищаясь великодушием Мэри по отношению к дочери Анны Болейн. Вряд ли оно далось ей легко.

Но для Элизабет жизнь в Хансдоне оказалась невыносимо скучной. Хотя она и любила сестру, заняться в четыре года ей было особо нечем. Да, Мэри играла с ней, но также требовала, чтобы та посещала нескончаемые службы в часовне, и настаивала на многочасовых молитвах. Элизабет нетерпеливо ёрзала, пока набожная Мэри неподвижно стояла на коленях, и Кэт яростно прижимала палец к губам, призывая Элизабет вести себя тихо.

Однажды на выходе из часовни после мессы Элизабет спросила:

– Зачем звонят в колокола?

Мэри потрясенно взглянула на нее и нахмурилась:

– Тебе не объяснили? Колокола возвещают величие Господа.

– Отец Паркер говорит, что звонить в колокола во время мессы неправильно, – невинно заметила Элизабет.

Мэри встревожилась. Она кое-что слышала об отце Паркере, бывшем духовнике Анны Болейн, и она подозревала его в принадлежности к ужасным реформистам.

– То, что он так говорит, – большой грех, – твердо ответила она. – Колокола означают самый священный момент мессы. Идем со мной.

Взяв девочку за руку, она повела ее назад, в пустую часовню, к ограждению алтаря.

– Когда священник стоит перед народом с хлебом и вином, – объяснила она, – он показывает, что случилось чудо, ибо во время мессы, как обещал наш Господь на Тайной вечере, дары хлеба и вина превращаются сами в Его тело и кровь, данные нам во искупление наших грехов.

Элизабет с сомнением взглянула на алтарь, который теперь был пуст, не считая покрыва из белого дамаста, роскошного фронтона и золотого распятия.

– Но как это может быть? – спросила она. – Все равно это хлеб и вино. Я пробовала.

Мэри пришла в ужас. Чему только учат ребенка?

– Но это же чудо! – воскликнула она. – Когда их освящают, они по-прежнему кажутся хлебом и вином, но становятся настоящими плотью и кровью Иисуса Христа. Удивительно, что отец Паркер тебе этого не объяснил. Это наша вера.

Решив, что Мэри рассердится, Элизабет предпочла промолчать о том, что отец Паркер говорил ей совсем другое. Ее больше интересовало, как можно пить вино, которое на самом деле кровь, и есть хлеб, который на самом деле плоть. Не слишком приятно и вообще непонятно. С другой стороны, непонятным казалось многое: истории про злобных ведьм, которые творили волшебные заклинания, про короля Персефореста, который превратился в медведя, и про его принцессу Зелландину, проспавшую сто лет. Элизабет начинала подозревать, что все эти предания – выдумка. Но насчет мессы было иначе – раз Мэри и почти все другие взрослые, кого она знала, утверждали, что во время нее происходит чудо, значит так оно и есть, и она, Элизабет, должна в это верить.

Мэри немедленно отправилась к Кэт Чампернаун.

– Я в ужасе от столь вопиющего невежества девочки, – заявила она. – Вы не догадывались? Похоже, отец Паркер не справляется со своими обязанностями. Прошу вас, скажите, что Элизабет хотя бы знает катехизис и «Отче наш».

– Знает, госпожа, – ответила Кэт. – Прошу меня извинить, если я что-то недосмотрела. Я искренне полагала, что священник обучил ее в полной мере.

– Боюсь, не в полной, – возразила Мэри. – Вам следует срочно переговорить с ним до вашего отъезда. Пока же всему необходимому ее будет учить мой духовник. У девочки нет матери, и я за нее отвечаю, а потому намерена проследить, чтобы ее наставили на путь истинный. Советую вам на какое-то время занять ее молитвами ради блага ее души.

– Да, госпожа, – смиренно ответила Кэт, приседая в реверансе.

Но Кэт считала, что к Богу ведет далеко не единственный путь. Едва Мэри вышла за дверь, она не стала заставлять свою беспокойную подопечную томиться на коленях у молитвенной скамьи и четверть часа спустя позвала к себе.

– Давайте послушаем историю, – сказала она. – Сегодня воскресенье, и это будет история про святую. Я расскажу вам про святую Урсулу, поскольку для вас она особенная. Ведь вы родились в Покоях девственников в Гринвиче, где висят гобелены, повествующие о святой Урсуле и ее одиннадцати тысячах девственников.

Элизабет устроилась на коленях Кэт. Ей нравилось слушать истории.

Кэт не случайно выбрала именно эту.

– Святая Урсула была британской принцессой, и ее отец нашел ей жениха, – начала она, – но она пожелала остаться девственницей, и потому отец и жених дали ей три года отсрочки.

– Что такое девственница? – спросила Элизабет.

– Незамужняя женщина, чистая и добродетельная, – объяснила Кэт. – И все эти три года святая Урсула плавала по семи морям с другими десятью знатными девственницами, и с каждой было по тысяче девушек.

– На корабле, наверное, было очень тесно! – заметила Элизабет.

– Наверняка, – улыбнулась Кэт. – Но после паломничества в Рим и множества приключений сильный ветер занес их корабль по реке Рейн в германский город Кельн, где жили нечестивые язычники, не верившие в Бога. Увидев, что святая Урсула и одиннадцать тысяч девственников с ней – христианки, они попытались заставить их отказаться от своей веры, а когда это не удалось, предали всех смерти.

Элизабет помолчала, вспомнив, что уже слышала раньше эти слова.

– Всех? – спросила она.

– Всех, – подтвердила Кэт. – Столетия спустя нашли их кости, и Церковь объявила их всех святыми.

– Как... – запинаясь, проговорила Элизабет. – Как их предали смерти?

К такому вопросу Кэт была готова. Лучше, подумала она, если Элизабет узнает об этом от нее, чем от кого-то, верившего в вину Анны Болейн.

– Их одну за другой ставили на колени и отрубали им мечом голову.

– Ужасно, – прошептала девочка.

– Да, но, полагаю, они ничего не почувствовали. Все случилось очень быстро, – завершила ее Кэт.

Элизабет подняла голову, с трагическим выражением лица глядя на гувернантку. Кэт погладила девочку по волосам и посмотрела в ее темные глаза.

– Как... как с моей мамой? – спросила Элизабет.

– Да, дитя мое, – ответила Кэт, продолжая гладить ее по волосам. – Бедная душа, она умерла отважно. И ей не было больно, все кончилось в одно мгновение.

Элизабет снова помолчала.

– Она сделала что-то плохое, – прошептала она.

– Вовсе нет! – твердо ответила Кэт. – Говорили, будто она была неверна королю и замышляла его убить. Но я уверена, все это придумали ее враги, чтобы от нее избавиться, и они сочинили историю, в которую поверил король, ваш отец.

– Кто – они? – спросила Элизабет.

Она умна не по годам, подумала Кэт.

– Некоторые из тех, кто тогда окружал короля.

Кэт не собиралась упоминать имя государственного секретаря Кромвеля, поскольку тот оставался главным королевским советником. Она опасалась, что и без того уже сказала чересчур много.

– И они говорили правду?

Элизабет уже научили – главным образом леди Брайан и леди Мэри, – насколько важно говорить правду. Кэт знала, что ей надлежало быть осторожнее. Последующие ее слова должны были сыграть ключевую роль для будущего благополучия и душевного спокойствия Элизабет, но сказать их следовало так, чтобы они не повредили девочке, если та их где-нибудь повторит.

– Присяжные решили, что да, – молвила она, – и власти королевства сочли королеву Анну виновной. Но многие считали все это лишь поводом от нее избавиться.

По крайней мере, никто не мог этого оспорить. Элизабет, однако, не удовлетворилась ответом Кэт.

– Значит, вы не думаете, что мама делала что-то плохое? – настаивала она.

– Нет, да поможет мне Бог, – прошептала Кэт. – Но если я так скажу, у меня будут большие неприятности, а потому никогда не повторяйте моих слов. Миледи, я убеждена, что ваша мать невиновна. Никогда об этом не забывайте.

– Никогда не забуду, – торжественно заявила Элизабет. – Но ведь это неправильно, что ее предали смерти, если она была невиновна?

– Иногда, дитя мое, невинным приходится умереть. И королям, которым принадлежит власть над жизнью и смертью, приходится делать тяжкий выбор. Уверена, его светлость, ваш отец, считал тогда, что поступает правильно. Вы не должны его винить.

– Вот если бы сказать ему, что он ошибся! – пылко воскликнула Элизабет, но, увидев страх на лице Кэт, поспешила заверить ее: – Обещаю, ничего не скажу, честно.

– Благослови вас Господь, дитя мое, – прошептала Кэт. – Идемте поиграем в мяч. Нужно же иногда отдохнуть от молитв!

– Ваше величество, – заявил императорский посол Шапюи, учтивый чернобровый господин с заостренной бородкой, – леди Элизабет прекрасна, и в том заслуга вашего величества.

– Угу, – буркнул король, которого отвлекала боль в ноге.

Гнойник становился все хуже, и король знал, что скоро его придется вскрыть. Генриха бесила мысль, что он, блиставший среди мужчин и выходивший победителем во всех поединках, теперь был вынужден сидеть взаперти, сражаясь с наступающей немощью. К тому же он быстро полнел, становясь все неповоротливее; с тех пор как та ведьма изменила ему, поставив под сомнение его мужскую силу, он ни в чем не отказывал себе за столом – и так же поступал бы в спальне, будь у него такая возможность. Вдобавок он переживал из-за того, что его ухаживания отвергла юная герцогиня Миланская, чей соблазнительный портрет побудил его сбросить траурные одежды и попросить ее руки.

– Скажите его величеству, – заявила дерзкая девка, – что, будь у меня две головы, одну я предоставила бы в его полное распоряжение.

Как она посмела! Разве он не стал бы для нее лучшей парой во всей Европе? Впрочем, не важно. Найдутся и другие принцессы. Возможно, стоило подумать о той из герцогства Клевского – как там ее?..

– Никогда не видел столь развитого ребенка, – говорил Шапюи.

Генрих взглянул через зал для приемов туда, где изящно кружилась и приседала его дочь, и понял, что посол прав. Элизабет действительно росла очень красивой и живой девочкой – дочь, достойная отца, да и матери тоже, нехотя признал он. Ей были свойственны тщеславие и кокетство Анны, и даже в столь юном возрасте она могла очаровать любого. И эти черные глаза... Он никогда не смог бы забыть эти манящие черные глаза, ставшие его проклятием...

Когда-нибудь, решил он, он найдет для Элизабет мужа. Несмотря на ее незаконнорожденность, наверняка найдется немало женихов, готовых заключить союз с ее отцом. А пока что она может повисеть приманкой-морковкой – очень красивой морковкой, которая со временем сумеет доставить хлопот любому мужчине.

Вопрос этот, впрочем, отложили в долгий ящик – Генрих был слишком занят переговорами насчет собственного брака и поисками очередного гнезда изменников. По завершении пасхальных празднеств Элизабет снова вернулась в Хансдон вместе с Мэри, где сестра вновь понуждала ее к благочестию и бесконечным молитвам. Девочке казалось, будто она только и делает, что стоит на коленях или сидит за шитьем. Как же она ненавидела это нудное занятие!

Кэт обуздывала мятежный дух Элизабет, но и баловала ее, тайком принося в классную комнату сласти, читая ей захватывающие истории и хохоча вместе с ней над глупыми шутками и напыщенными чиновниками, но в то же время деликатно приучая девочку к порядку.

Уроки Кэт приводили Элизабет в восторг. Вскоре девочка обнаружила, что ей нравится учиться, и оказалась способной ученицей. Каждый день, встав спозаранку, она быстро молилась и завтракала, после чего спешила в классную комнату, чтобы узнать что-то новое об открывавшемся перед ней заманчивом мире.

Кэт учила ее цифрам при помощи счетов и предлагала простенькие задачи:

– Если у меня было пять вишен и две я съела, сколько осталось?

Элизабет считала на пальцах.

– Три! – быстро отвечала она.

– Верно, – улыбалась Кэт, впечатленная способностями девочки.

Кэт учила ее выводить буквы, заставляя писать в тетради строчку за строчкой. Вскоре Элизабет уже умела написать свое имя и очень скоро научилась составлять простые фразы.

Кэт рассказывала о ее монарших предках; Элизабет особенно нравилось слушать про Вильгельма Завоевателя, выигравшего битву при Гастингсе, и королеву Филиппу, успешно выступившую в защиту граждан Кале, но лучше всего была история о том, как дед Элизабет, Генрих Седьмой, победил злого Ричарда Горбуна в битве при Босворте, став таким образом первым королем в династии Тюдоров. Элизабет вздрогнула от ужаса, услышав, как Ричард убил в Тауэре своих племянников-принцев, и решила, что он вполне заслужил свою судьбу. Как же она восхищалась своим победоносным дедом!

Однажды Кэт развернула перед ней карту.

– Это Британские острова, – сказала она. – Вот эта часть – Англия, это Уэльс, а это Ирландия. Ваш отец-король правит всеми тремя.

– А эта часть? – спросила Элизабет, показывая на верх карты и, как всегда, забегая вперед.

– Это Шотландия, и ею правит ваш родственник, король Яков Пятый. А за морем – вот здесь, через Английский канал, – лежит Франция, и ваш отец еще и ее король по праву крови.

– Мой отец – могущественный принц! – восхитилась Элизабет.

Кэт достала другую карту, изображавшую небо с вращающимися вокруг Земли планетами. За ней последовала еще одна, с ярко раскрашенными знаками зодиака.

– Смотрите, это ваш знак, миледи Элизабет, – сказала Кэт. – Вы Дева. Умная, но скромная и, конечно, добродетельная.

– Дева, – повторила Элизабет. – Это значит, я девственница, как святая Урсула?

– Да благословит вас Бог, дитя мое, – именно так, пока вы не выйдете замуж, – улыбнулась Кэт.

– Значит, когда я выйду замуж, я уже не смогу быть Девой? – озадаченно спросило дитя.

– Вы всегда будете Девой, поскольку родились под этим знаком. Но девушка, выйдя замуж, перестает быть девственницей.

– Почему? – не унималась Элизабет.

– Потому что она должна отказаться от своей девственности ради мужа, – ответила Кэт, не желая вдаваться в подробности.

Элизабет вспомнила страшную сказку про терпеливую Гризельду, и мысль, что ей придется от чего-то отказаться ради мужа, девочке не понравилась. Она уже решила, что, когда вырастет, будет делать все, что захочет, и никому не позволит собой командовать.

Больше всего Элизабет нравились уроки танцев. Она с легкостью училась утонченным па рондо, сальтарелло, аллеманды и басса, медленным и величественным движениям паваны, энергичным подскокам и поворотам бурной джиги.

– Bravo! – восклицал учитель танцев, и Кэт хлопала в ладоши, восхищаясь изяществом Элизабет, но помня, что девочку не следует баловать, – Элизабет спала и видела, как бы выставить напоказ свои умения.

Кэт, впрочем, не особо удавалось ее обуздать, ибо и ее саму покоряло живое очарование малышки. Когда Элизабет в очередной раз пропускала мимо ушей слабый упрек в постоянном верчении перед зеркалом, Кэт убеждала себя, что королевская дочь должна чувствовать себя уверенно, тем более если ее объявили незаконнорожденной.

В верховой езде Элизабет тоже не было равных. Она быстро объездила своего первого пони, которого вскоре сменила послушная лошадка. Вместе со следовавшими за ней конюхами и ехавшей рядом Кэт она ежедневно каталась по паркам Хансдона, Хэтфилда, Хертфорда, Энфилда, Элсинджа и Эшриджа, по очереди останавливаясь во дворцах, где провела детство, и освобождая дом, когда тот нуждался в уборке. Ей также нравилось сопровождать Кэт в долгих утренних прогулках на свежем воздухе в любую погоду; она пыталась угнаться за гувернанткой, когда было холодно и приходилось ускорять шаг, чтобы согреться.

Дневные часы они обычно посвящали изучению языков.

– Для королевской дочери важно знать разные языки, чтобы общаться с иностранными принцами и послами, – объясняла Кэт, мысленно благодаря своего прогрессивно настроенного отца за то, что тот учил ее французскому, итальянскому, испанскому и голландскому, так что она могла поделиться своими знаниями со своей весьма способной ученицей.

Элизабет училась быстро, и вскоре они уже могли вести несложные беседы на этих языках.

Однажды Элизабет наткнулась на служанку, которая, убирая классную комнату, напевала песню на странном переливчатом наречии.

– О чем ты поешь? – спросила она эту женщину с васильковыми глазами и соломенными волосами, и та поспешно присела в реверансе.

– Это старая валлийская баллада, миледи, – мелодичным голосом ответила служанка. – Она называется «Ллигоден ин и Фелин» – «Мышь на мельнице».

– Красивая песня, – похвалила Элизабет. – Научишь меня?

– О, не знаю, миледи, – смущенно ответила женщина. – У меня много дел.

– Ты должна меня слушаться, – властно заявила Элизабет. – Я дочь короля.

– Да, миледи, конечно, миледи, – пробормотала служанка. – Полагаю, должна.

– Конечно должна! – подтвердила Элизабет. – Ты ведь Бланш, да?

– Бланш Перри, миледи.

– Давай сядем. – Элизабет подвела Бланш к креслу у окна.

Сперва неохотно, а потом все увереннее Бланш принялась учить Элизабет своей песне, строчка за строчкой, пока девочка не запомнила.

– Пойду спою ее Кэт! – воскликнула Элизабет и поспешила продемонстрировать гувернантке свое совершенное владение валлийским.

– Я выучила новую песню! – объявила она. – Сейчас спою.

Кэт присела на скамью, отложив шитье.

– Слушай, – сказала девочка и без запинки пропела валлийскую песню чистым ясным голосом.

Когда она закончила, Кэт восхищенно захлопала в ладоши.

– Где вы этому научились? – удивленно спросила она.

– От Бланш Перри, – ответила Элизабет. – Пусть еще научит меня валлийскому.

– В самый раз для вас, – заметила Кэт. – Ваш дед, король Генрих Седьмой, был наполовину валлийцем, и его предки – древние принцы Уэльса. Он родился в Уэльсе, в Пембрукшире, и фамилия Тюдор, которую носит ваша династия, – валлийская. Я прослежу, чтобы Бланш уделяла вам час-другой в неделю на изучение валлийского языка.

Так оно и случилось. Бланш оказалась не лучшим педагогом, но сумела научить Элизабет песням и стихам, объяснив, что они значат. За проведенные вместе часы Бланш успела привязаться к юной госпоже, столь живо интересовавшейся историей и традициями покоренного народа и оказавшейся такой дружелюбной и покладистой.

Однажды Элизабет подарила ей алую ленту, которая, по ее мнению, красиво бы смотрелась в волосах Бланш. Женщина от избытка чувств лишилась дара речи, а когда к ней вернулась способность говорить, упала на колени.

– Готова служить вам всегда, миледи, да хранит меня Бог! – пылко пообещала она.

Элизабет улыбнулась, ответ Бланш доставил ей немалое удовольствие.

– Так тому и быть! – сказала девочка. – Ты должна остаться при мне.

– Я останусь, даю вам слово! – воскликнула валлийка.

Глава 4

1539

Когда шестилетняя Элизабет со своей свитой прибыла во дворец Уайтхолл на Рождество, там уже столпился люд. Повсюду царила атмосфера радостного ожидания, и не только из-за предстоящих празднеств.

– Когда же я увижусь с моей новой мачехой? – заявила Элизабет, следуя за главным управляющим в приготовленные для нее апартаменты, окна которых выходили на широкое русло Темзы.

– Придется вам потерпеть, миледи, – как я слышала, она еще в Кале, дожидается попутного ветра, – ответила Кэт, открывая дорожный сундук.

– Сколько тут придворных дам! – Элизабет приводили в восхищение их утонченность, роскошные платья и украшенные драгоценностями головные уборы.

– Ваш царственный отец пригласил их в честь новой королевы, – объяснила Кэт, доставая из сундука рубашки и ночные сорочки. – Я уверена, что он уже назначил некоторых ее фрейлинами.

– Говорят, она очень красивая, – сказала Элизабет. – Надеюсь, и добрая тоже.

– Наверняка, – улыбнулась Кэт.

Король пребывал в приподнятом настроении, когда встретил свою младшую дочь в приемном зале:

– Приветствую тебя, миледи Бесси! Твоя сестра Мэри уже здесь, а твой брат-принц придет завтра.

– Приятно слышать, сэр, – ответила Элизабет, радуясь новой встрече с отцом. – Не могу дождаться, когда он приедет. Я редко его вижу, но много о нем думаю. И я сшила ему новую рубашку. – Она уморительно сморщила лицо.

Король Генрих улыбнулся:

– Не сомневаюсь, в ней он будет выглядеть великолепно, пусть даже ты и не очень старалась!

– Но, сэр... – возразила Элизабет.

– Не важно. Помню, мальчишкой я ненавидел сидеть над уроками, вместо того чтобы упражняться на турнирной арене или стрелять по мишеням. А когда стал королем и на меня свалилось бремя государственных дел, больше всего мне хотелось отправиться на охоту...

Он замолчал, вспоминая молодость, когда был юным богом как в седле, так и в спальне, а мир казался бескрайним и полным надежд, и они с Кейт любили друг друга. Это было еще до того, как Великое дело⁴ легло тяжким грузом на всю его жизнь. Кейт не было в живых уже четыре года, и Анны тоже, будь она проклята, и Джейн... а он превратился в обрюзгшего старика, который подумывал жениться в четвертый раз, чтобы обеспечить королевству новых наследников, и надеялся еще хоть однажды обрести любовь, прежде чем вечность заявит на него свои права.

– Мы с тобой очень похожи, Бесси, – уныло проговорил король. – Мы исполняем свой долг вопреки нашим самым сокровенным желаниям.

– Постараюсь быть похожей на вас, сэр! – пылко ответила Элизабет.

Генрих взглянул на рыжеволосую малышку, ставшую плодом его отчаянной страсти к ее матери и зачатую еще до их свадьбы.

– Ты уже на меня похожа, – сказал он.

⁴ Великим делом был назван бракоразводный процесс Генриха и Екатерины. – *Прим. ред.*

Это и впрямь было так – никто не смог бы усомниться в том, что она его дочь, хотя в свете выяснившихся позднее фактов у некоторых все же имелись сомнения. Но Элизабет многое унаследовала от него, как и от матери, – даже лучшее от нее, в чем он все больше убеждался при встречах с дочерью. Она обладала умом Анны, ее чувством юмора, ее характером, ее притягательным взглядом... Как же обворовали его в свое время глаза Анны! Неужели она действительно изменяла ему со всеми теми мужчинами? Ему пришлось в это поверить, но сомнения мучили его до сих пор. Неужели он никогда не освободится от Анны Болейн?

Но Анны больше не было. Перед ним стояла ее дочь, которую он лишил матери. Естественно, тому имелись оправдания, и у него было полное право так поступить. И теперь эту потерю следовало возместить.

– Ты рада, что встретишься с новой мачехой? – спросил он.

– О да, сэр. Я слышала, она очень красивая.

– Да, я тоже слышал. Мастер Кромвель говорит, что она превосходит красотой солнце и луну, а мастер Гольбейн написал для меня ее портрет.

Он достал из-за пазухи маленькую круглую коробочку из слоновой кости в форме расцветающей розы и, открыв крышку, показал девочке изображение женщины с нежным взглядом, легким румянцем на щеках и алыми губами, чуть тронутыми улыбкой.

– Какая красивая! – восхищенно воскликнула Элизабет. И наверняка очень добрая, подумала она.

Генрих не сводил взгляда с миниатюры.

– Анна, – прошептал он. – Анна Клевская. Да поможет ей Бог в пути.

На следующий день леди Мэри повела Элизабет к ее брату, принцу Эдварду, серьезному двухлетнему малышу, который сидел на полу роскошной детской в окружении кубиков, миниатюрных деревянных меча и щита, золотой погремушки, волчка, игрушечной лошадки и симпатичного белого пуделя, который, как помнила Элизабет, раньше принадлежал его матери, королеве Джейн. Его няня госпожа Пенн, скромная женщина в белом переднике поверх серого платья, при виде королевских дочерей встала и поклонилась.

Элизабет присела в реверансе перед принцем, который поднял взгляд, уставившись на нее льдисто-голубыми глазами. Из-под широкополой шляпы с пером выбивались светлые прямые волосы, вишнево-красные губы выделялись на фоне розовых щек, острый подбородок выдавался вперед. Госпожа Пенн посадила его к себе на колени.

– Поздоровайтесь со своими сестрами, миледи Мэри и миледи Элизабет, – велела она.

– Здластвуйте, леди Мэли, леди Лизбет, – прошепелявил малыш.

Он не улыбнулся.

– Брат, у меня для тебя подарок. – Элизабет протянула прекрасно сшитую батистовую рубашку.

Эдвард принял ее пухлой ручонкой, несколько мгновений разглядывал, а затем, утратив всякий интерес, отдал рубашку няне.

– Она будет ему очень к лицу, миледи, – просияла госпожа Пенн.

– Можно его подержать? – спросила Элизабет, присаживаясь рядом с няней.

Та осторожно подняла малыша, и тот с удовольствием устроился на руках у сестры.

– Ну и тяжелый же милорд принц, – заметила девочка, наслаждаясь теплом прижавшегося к ней маленького тельца. – Да, братик?

Он поднял на нее голубые глаза. Взгляд был как у отца.

– Может, улыбнешься мне? – предложила Элизабет, сооротив гримасу.

Никакой реакции не последовало.

– Он к вам еще не привык, миледи, – объяснила няня.

Элизабет слегка пощекотала принца, тот дернулся и хихикнул.

– У вас неплохо получается, миледи, – заметила миссис Пенн. – Он серьезный мальчик и редко смеется.

Эдвард широко улыбался Элизабет. Та просияла в ответ и потерлась с ним носами.

– Можно я его тоже подержу? – попросила Мэри.

Няня передала ей Эдварда, и Мэри посадила его на колено, ласково напевая и крепко прижимая малыша к себе. К ее явному недовольству, мальчик вытерпел лишь несколько мгновений, после чего высвободился из ее объятий и поковылял к своим игрушкам. Вскоре он уже оседлал лошадку на палочке и скакал, преследуя воображаемую добычу.

– Мы сможем жить вместе при дворе, когда придет королева? – спросила Элизабет.

Мэри усомнилась в этом.

– Придется подождать, что скажут ваш отец и новая мачеха, – ответила она.

В тот же миг перед ними затормозил Эдвард.

– Кланяйтесь! – повелительно пропищал он.

Сестры удивленно взглянули на малыша.

– Кланяйтесь! – повторил он. – Я буду королем, как мой отец!

Мэри и Элизабет встали, с трудом сдерживая улыбки, и низко присели перед ним в реверансе.

– Встаньте! – приказал мальчик, безупречно подражая королю Генриху.

Сестры подчинились.

– Можете идти, – сказал Эдвард.

Госпожа Пенн покачала головой, не зная, как отнестись к его скороспелости.

Когда они уходили, Элизабет достала из кармана липкий кусок марципана и сунула его в руку няни.

– Отдайте принцу, – прошептала она.

Рождество прошло в праздничном вихре, пока все с нетерпением ждали прибытия новой королевы. Уже полным ходом шли предновогодние торжества – большой зал Уайтхолла был полон людей, мерцали свечи, в большом камине гудел огонь, собаки выпрашивали объедки, слуги с кувшинами наполняли бокалы. Элизабет развлекалась от всей души. Князь Беспорядков потребовал от нее платы, и ей приказали поцеловать десять самых красивых джентльменов в зале. Все, в том числе ее отец, хохотали до упаду, глядя, как она выбирает сперва одного, потом другого и, зажмурившись, касается щеки каждого губами. В конце концов она настолько обессилела от смеха, что ей пришлось оставить игру, держась за бока и пытаясь перевести дух.

– А я? – с притворным негодованием воскликнул король. – Разве я не самый красивый мужчина в этом зале?

Элизабет, все еще тяжело дыша, подбежала к нему и крепко поцеловала в губы. Придворные радостно закричали и зааплодировали.

– Конечно вы, сэр! – выдохнула девочка.

В это мгновение вошел курьер в королевской ливрее и что-то прошептал ее отцу на ухо. Генрих широко улыбнулся, выпрямился во весь свой величественный рост и поднял руку, требуя тишины:

– Великая новость, милорды и миледи! Принцесса Анна Клевская благополучно прибыла в наше королевство и уже находится в Рочестере. Ваше слово? Должны ли мы ждать формального приема, прежде чем увидим нашу невесту, или же страстным поклонником поедem в Рочестер прямо сейчас, чтобы отдаться любви?

Раскрасневшееся от вина общество одобрительными выкриками поддержало последний план, и вскоре Элизабет уже стояла перед толпой, которая собралась во дворе, чтобы попрощаться с королем и сопровождавшими его восемью камердинерами.

– Меха, сэр Энтони! Мой подарок принцессе! Не забыли? – крикнул закутанный в соборную шубу Генрих, взбираясь в седло.

– Они здесь, сир, – улыбнулся сэр Энтони Браун.

Король ослабил, плотнее надвинул боннет⁵ и помахал ожидавшим его придворным:

– Скоро увидимся, а после отправимся в Гринвич на свадьбу. В добрый час!

– Доброго вам пути, ваша светлость! – загалдели джентльмены и леди.

– Езжай, старый козел! – услышала Элизабет чье-то бормотание.

– Можно с вами? – крикнула она, пока король разворачивал лошадь.

– Не сегодня, Бесси! Я еду отдаться любви, и маленьким девочкам там делать нечего! – весело ответил отец и скрылся за воротами дворца во главе своей свиты.

⁵ Шляпа без полей. – Прим. ред.

Глава 5

1540–1541

Никто не знал, когда вернется король, и управляющий объявил, что новогодние празднества продолжатся без него. Большую часть дня Элизабет провела в своей комнате вместе с Кэт, сидя у огня и подписывая подарки, которые им предстояло раздать ночью.

Вечером, когда на улице уже стемнело, Элизабет хлопнула ладонью по лбу:

– Совсем забыла! Я обещала леди Мэри, что пойду с ней в часовню на вечернюю молитву! – воскликнула она.

– Не беспокойтесь, – ответила Кэт, взглянув на песочные часы. – Если поторопимся, вполне успеем.

Взяв плащ и перчатки Элизабет, она помогла девочке одеться и повела ее по винтовой лестнице во внутренний двор. Часовня находилась напротив, и в ее витражных окнах дрожало пламя свечей. Мэри наверняка уже молилась.

Элизабет услышала приближающийся стук копыт, и они с Кэт отошли назад, уступая дорогу всадникам. Те въехали в ворота, и Элизабет, к своей радости, увидела короля, который все-таки успел к вечерним развлечениям. Радость ее, однако, тут же сменилась беспокойством – король вовсе не выглядел счастливым женихом. Лицо его застыло от гнева, и он даже не обратил никакого внимания на дочь. Мрачнее тучи, Генрих неуклюже спешился и тяжелой походкой направился в свои покои. За ним в безопасном отдалении следовали его угрюмые камердинеры. Конюхи поспешили забрать лошадей.

Элизабет и Кэт ошеломленно переглянулись.

– Почему отец такой сердитый? – спросила Элизабет.

– Понятия не имею, – ответила Кэт. – Поторопитесь, миледи, иначе опоздаем в часовню.

Коленопреклоненная Мэри бросила на них укоризненный взгляд, после чего молча вернулась к молитвам. Элизабет было трудно сосредоточиться, и она думала лишь об одном: из-за чего так разозлился отец?

По спине у нее пробежал тревожный холодок. Она уже знала, что, когда отец сердился, случалось что-то плохое. Его гнев был куда страшнее, чем у обычных людей, поскольку он имел власть над жизнью и смертью. Из-за его гнева даже умирали люди... Девочка придвинулась ближе к Кэт и сжала ее руку.

Хмурясь, Генрих занял свое место за пиршественным столом на помосте. Огромный в своем украшенном драгоценными камнями камзоле и шляпе с пером на лысеющей седой голове, он шурился на придворных. В зале стояла тишина; вместо обычного гула разговоров слышались лишь негромкий кашель, шмыганье носом и приглушенный шепот. Король заметил дочерей, которые тревожно смотрели на него со своих мест в конце высокого стола. Их, как и его самого, ждало разочарование. Они надеялись встретить мачеху, он – жену, которую смог бы полюбить. Он был готов взорваться.

Где этот злодей Кромвель? Он должен быть здесь! Ах вот он, улыбчивый и обходительный, входит в зал с опозданием, после своего монарха. Но неучтивость, по мнению Генриха, была его наименьшим прегрешением.

Взгляд Кромвеля встретился со взором короля, и улыбка слетела с его лица. Придворные дружно затаили дыхание, глядя то на одного, то на другого. Элизабет сразу же поняла – мастер Кромвель чем-то обидел ее отца. Вот почему король был не в духе. Кое-что прояснялось.

– Вы отсутствовали при нашем возвращении, мастер секретарь, – зловеще проговорил Генрих.

– Прошу прощения вашего величества, – прошелестел Кромвель. – Я переодевался к празднику и только час назад узнал, что ваше величество вернулись.

– Мы вернулись, мастер секретарь, поскольку оставаться в Рочестере было незачем, – ледяным голосом изрек король.

– Вы хотите сказать, ваше величество, что принцессы Анны там не было? – спросил Кромвель.

Придворные внимали каждому слову.

– О нет, мастер секретарь, она была там, была.

– Рад слышать, сир, – пролепетал Кромвель. – И как вашему величеству нравится королева?

Король угрожающе наклонился.

– Она мне не нравится. Нисколько не нравится! – пролаял он. – Она далеко не так хороша, как утверждали вы и другие. И знай я раньше, она вообще никогда бы не приехала в наше королевство!

Он снова опустился в кресло, похожий на льва, изготовившегося к прыжку:

– Чем мне утешиться, мастер Кромвель? Чем?

У Кромвеля был такой вид, будто он только что получил удар под дых.

– Сир, контракт подписан и обговорен. Могут возникнуть сложности... – Взглянув на лицо своего господина, он быстро добавил: – Но я все тщательно обдумую и попытаюсь найти какой-нибудь выход.

– Лучше найдите, – сказал король. – Вы втянули меня в эту историю, вам и выкручиваться!

Кромвель побитым псом выскользнул за дверь. Генрих кивнул менестрелям. Те начали играть, и придворные, облегченно вздохнув, вернулись к приглушенным разговорам. Элизабет стало неуютно. Не такого Нового года она ждала и теперь опасалась, что, возможно, новой мачехи у нее так и не будет. Не могла она и понять почему – ведь принцесса Анна на картинке была такая красивая! Что в ней не понравилось отцу?

Она поняла, что король внушает что-то герцогу Норфолку, сидевшему слева от него.

– Бедняки женятся на ком хотят, – сетовал Генрих, – но принцы имеют то, что дают. Кому доверять?

– Вашему величеству плохо служат, – заметил герцог, сочувственно качая головой. – В этом нет никаких сомнений.

– Верно, – печально согласился Генрих. – Но неужели я обязан владеть ярмом? Неужто нельзя ничего сделать?

– Будем надеяться, мастер Кромвель что-нибудь придумает, сир, – утешил короля герцог. К удивлению Элизабет, его тонкие губы изогнулись в коварной улыбке.

На следующий день двор переехал в Гринвич, хотя никто теперь не знал, состоится ли там королевская свадьба. Король накануне рано покинул празднество, и с тех пор его никто не видел. Мастер Кромвель тоже где-то прятался.

Перед отъездом Элизабет нанесла прощальный визит своему брату Эдварду, которому вскоре предстояло отправиться в замок Хертфорд. За последние дни она виделась с ним несколько раз, и теперь он встретил ее с неподдельной радостью.

– Лизбет! – воскликнул он, когда она вошла в комнату, и бросился к ней с распростертыми объятиями.

Несмотря на его властные манеры, он оставался очаровательным малышом, любовь к которому переполняла сердце Элизабет.

Его служанка присела в реверансе. Элизабет остановилась, узнав леди Брайан.

– Миледи Элизабет, рада вас видеть, – сдержанно сказала женщина.

– Спасибо. – Элизабет коротко кивнула, до сих пор ощущая боль от расставания с бывшей гувернанткой. – Я хочу увидаться с милордом принцем.

Леди Брайан поняла намек.

– Я позову госпожу Пенн, – молвила она и удалилась.

– Я еду в Гринвич, – объяснила Элизабет Эдварду, посадив его на колени. – Я пришла попрощаться. Мне нужно спешить. Даст Бог, скоро снова увидимся, милый братец. Да хранит тебя Господь.

Поцелуй, реверанс – и она ушла, не заметив слезы, скатившейся по щеке мальчика, когда за сестрой закрылась дверь.

– Королевская свадьба состоится завтра! – возбужденно сообщила Кэт, входя в комнату Элизабет. – Я слышала разговоры придворных.

– А можно мне пойти? – спросила Элизабет, отрываясь от книги. – Я могу надеть новое голубое платье.

– Не уверена, миледи, – с сомнением ответила Кэт. – Вам придется подождать приглашения.

– Надеюсь, можно, – сказала девочка. – Завтра Двенадцатая ночь. Будет пир и праздник. Мне так хочется там побывать!

Но шли часы, а король так за ней и не послал.

Элизабет крайне расстроилась, узнав наутро, что свадьба уже состоялась – скромную церемонию провели в часовне.

– Не важно, – сказала Кэт. – Зато есть добрая весть: сегодня вы можете присутствовать в зале приемов вместе с королем. Будет представление, танцы и обычные торжества в честь Двенадцатой ночи.

Элизабет радостно захлопала в ладоши. Это она любила больше всего...

– Думаю, голубое платье будет в самый раз, – улыбнулась Кэт.

Король, раскрасневшийся от вина, злобно взирал на актеров, нервно разыгрывавших представление, в котором Гименей, бог брачных уз, благословлял свадьбу Орфея и Эвридики. Юные девушки из знатных семей, одетые в развевающиеся белые платья, пели хвалебные песни во славу брачного союза, извиваясь в замысловатом танце.

Игра актеров и их прекрасное пение завораживали Элизабет, но в не меньшей степени ее интересовала новая королева, чопорно восседавшая рядом с королем, с улыбкой на угловатом лице, нисколько не подходившей к ее глазам с тяжелыми веками. Элизабет она казалась совсем не похожей на свой портрет, а ее иноземное немецкое платье выглядело пугающе отталкивающим, к тому же ему недоставало обязательного при дворе длинного шлейфа. Хуже всего, ужаснее даже, чем низкий гортанный голос, которым Анна приветствовала девочку, когда ее представляли двору накануне, был неприятный запах нестираного белья и тухлой рыбы, постоянно сопровождавший принцессу. Однако вела она себя достаточно дружелюбно и хорошо относилась к своим новым падчерицам, так что Элизабет старалась не обращать внимания на ее изъяны, думая лишь, что скажет об этом отец, самый разборчивый мужчина на свете.

Тот явно не был доволен невестой, и несчастная женщина съеживалась от страха – неудивительно, ибо от хороших манер Генриха, которые он всячески пытался сохранить в последние дни, в итоге не осталось следа, и никто больше не сомневался в его несказанно мрачном расположении духа. Вопреки своему обычаю он не аплодировал актерам, и тем пришлось выступать в гробовой тишине.

Гименей обратился к его величеству, напоминая ему о предстоящих радостях на брачном ложе. Элизабет многого не понимала, но ее отец явно не испытывал никакого восторга.

Когда представление закончилось и актеры с облегчением покинули зал, королевский шут Уилл Сомерс попытался развеселить короля прибаутками, но Генрих продолжал сидеть чернее тучи, сузив глаза, и Сомерс опрометчиво решил воспользоваться своей должностной неприкосновенностью:

– Мы что, мешаем тебе развлечься, Гарри? Давай, не тяни! Тащи свою суженую в постель да отдери ее как следует!

Король ударил кулаком по столу так, что все подпрыгнули.

– Хватит! – рявкнул он. – Придержи язык, шут. Не забывай, здесь королева и другие дамы.

Жестом прогнав Сомерса, он вновь подал знак музыкантам:

– Играйте!

Грянула музыка – ритмичная мелодия, сопровождавшаяся энергичным барабанным боем. Генрих подозрительно обвел взглядом придворных.

– Что на вас нашло? – рыкнул он. – А ну, вставайте и танцуйте!

Несколько джентльменов поспешно поднялись, поклонились своим леди и повели их танцевать. Элизабет притоптывала в такт, молясь, чтобы кто-нибудь пригласил ее на танец, и тут увидела, как король со зловещим блеском в глазах повернулся к королеве.

– Не окажете ли мне честь, мадам? – осведомился он.

Королева Анна в замешательстве повернулась к своей переводчице, величественной немецкой матроне.

– Мадам, король желает пригласить вас на танец, – неодобрительно нахмурилась та, словно услышав самую нелепую и безнравственную просьбу на свете.

Генрих яростно уставился на матрону.

Лицо Анны вытянулось, и она что-то тихо молвила переводчице.

– Ваше величество, королева не танцует, – заявила та с целомудренной миной. – У нас в герцогстве Клевском нет танцев.

– Клянусь Богом, она будет танцевать! – услышала Элизабет гневный голос отца. – Уберите эту дракониху с глаз моих!

Когда протестовавшую женщину вывели за дверь, Генрих повернулся к Анне.

– Встать! – приказал он, поднимаясь.

Одного его тона было достаточно, чтобы понять смысл сказанного. Королева встала и покорно устремилась за ним. Она и в самом деле не умела танцевать, и придворные, затаив дыхание, наблюдали, как она споткнулась, сбилась с шага и с силой наступила на ногу королю. Тот поморщился, но промолчал, тяжело пританцовывая. Наконец танец завершился, и король повел раскрасневшуюся невесту назад.

– Мы удаляемся, – объявил он, и все придворные поднялись.

За Анной последовали ее фрейлины, за ними – король и его джентльмены. Элизабет услышала, как он пробормотал герцогу Норфолку:

– Милорд, если бы не интересы мира и королевства, я в жизни не сделал бы того, что мне придется совершить сегодня ночью!

Тяжко ступая, король вышел из зала. Кэт поспешно увела сонную Элизабет спать, опасаясь, что та может подслушать новые непристойные разговоры и пересуды придворных.

Элизабет видела множество взрослых писем и знала, что писать. Окунув перо в чернила, она медленно и тщательно вывела четким детским почерком:

«Хочу написать Вам, что искренне уважаю Вас как королеву и готова слушаться, как свою мать. Я слишком юна и слаба и ничего больше не могу, кроме как послать Вам свои

поздравления в связи с началом супружеской жизни. Надеюсь, Ваше Величество будет ко мне милостиво и позволит мне верно ему служить».

Неплохо, подумала она. Возможно, королева Анна все же пригласит ее назад, ко двору. Девочке нравилось в Хертфорде, чудесном замке из красного кирпича на берегу реки Ли, где она могла побыть вместе с маленьким братом, но у нее уже появился вкус к придворной жизни, и ей отчаянно хотелось вернуться во дворец.

В классную комнату вошла Кэт.

– Что это вы пишете, миледи? – спросила она.

– Письмо королеве, – высокомерно ответила Элизабет.

– Королеве? – удивилась Кэт. – Дайте взглянуть.

Она дважды внимательно перечитала письмо.

– Вряд ли вам следует это посылать, – возразила гувернантка.

Элизабет упала духом.

– Но мне так хочется вернуться во дворец, – пожаловалась она. – Пожалуйста, Кэт.

Кэт на мгновение задумалась.

– Ладно, – с неохотой сказала она. – Полагаю, тут нет ничего обидного. Запечатайте письмо, и я распоряжусь, чтобы его отправили.

Последующие несколько дней Элизабет с волнением ждала, когда же ей позволят вернуться во дворец – к пиршествам и празднествам, где она могла бы появляться в лучших своих платьях под восхищенными взглядами лордов и леди. Она решила, что любой ценой добьется любви королевы Анны, чем бы от той ни пахло, а потом королева наверняка уговорит короля, и Элизабет выделят собственные покои. Это было бы просто чудесно!

Но последовавшие события повергли ее в шок.

– Вам пришло письмо от государственного секретаря Кромвеля, – объявила Кэт, входя в ее комнату.

Элизабет возбужденно подпрыгнула, но тут же замерла при виде серьезного лица гувернантки.

– Что там? – воскликнула девочка.

– Не знаю даже, как вам сказать, дитя мое, – с несвойственным волнением ответила Кэт. – Он пишет: «Король повелел мне сообщить, что не желает слышать о вашем возвращении во дворец для служения королеве. По его словам, эта женщина столь не похожа на вашу мать, что вряд ли вам нужно ее видеть».

Элизабет неожиданно расплакалась – к удивлению Кэт, привыкшей, что девочка всегда сдерживала свои чувства.

– Что это значит? – всхлипнула она.

– Я бы не стала столь серьезно относиться к словам короля, – утешила ее Кэт. – У его величества сейчас трудные времена. Все знают, что он несчастлив с новой королевой.

– Но что значит – «эта женщина столь не похожа на мою мать, что вряд ли мне нужно ее видеть»? – Элизабет перестала плакать и во все глаза смотрела на Кэт.

Гувернантка села за стол рядом с девочкой, отодвинула тетрадь и, взяв руки Элизабет в свои, крепко их сжала:

– Элизабет, ваша мать была прекрасной женщиной. Может, и не красавицей, но мужчины считали ее весьма привлекательной. Ваш отец-король добивался ее руки семь лет, так что сами понимаете, насколько она его очаровала. И она была очень образованной и культурной. Все, что она делала, получалось у нее с особым изяществом. Она умела танцевать, петь, вышивать, писать стихи, играть на лютне и клавесине и блистала умом. Стройная и грациозная, она все-

гда изысканно одевалась, зная толк в моде и умея сделать многое из малого. Вы очень на нее похожи – я уже это замечаю.

Элизабет слабо улыбнулась, жадно впитывая новые сведения о матери. Этих подробностей она не знала, но, как ни странно, они казались ей знакомыми. В мозгу ее возникали образы роскошно одетой, благоухающей розами женщины, которая бежала с ней по коридору или повязывала ей расшитый жемчугом чепчик. Смутно всплывали и другие, не столь радостные картины, но, как Элизабет ни старалась, ей не удавалось восстановить их в памяти. У нее ничего не осталось от матери, кроме воспоминаний, но откровения Кэт помогали им обрести плоть.

– Король прав, – продолжала Кэт. – Королева Анна действительно очень отличается от вашей матери и нисколько не соответствует его идеалам женщины, да поможет ей Бог. Мне кажется, король сильно жалеет, что женился на ней. Он никогда бы в этом не признался, но, вероятно, до сих пор помнит, насколько его очаровала ваша мать, и кто знает, – возможно, он даже сожалеет, что предал ее смерти. Сомневаюсь, что он когда-нибудь полюбит другую так, как любил ее. – Она погладила Элизабет по руке. – Поэтому вполне понятно, почему он говорит, что вам не следует видаться с королевой. Он неспроста назвал ее «этой женщиной» и явно не желает, чтобы вы имели с ней что-то общее.

– Но он мог иметь в виду и то, что королева Анна хорошая, а мама была плохая, и он не хочет, чтобы я с ней виделась, потому что я этого недостойна.

– Судя по письму, вряд ли, – ответила Кэт. – Милая, я знала, что оно причинит вам боль, но думаю, что ваш отец просто выразил в нем свою печаль. Не придавайте этому большого значения. Идемте, я вам кое-что покажу.

Кэт встала и повела заинтригованную Элизабет по винтовой лестнице на чердак, где находились пыльные, никем не используемые комнаты. Первые две были пусты, но третью заполняли вещи, оставшиеся от прошлых обитателей замка Хертфорд. На старой скамье лежали две потертые и выцветшие подушки с вышитыми мартышками и бабочками, а на полу – свернутые в рулоны ветхий гобелен и обгоревший ковер. Вокруг стояли старинные сундуки, валялись сломанные табуреты, части помятых доспехов, а на вешалке висел странный рогатый головной убор, покрывшийся паутиной. Элизабет протянула к нему руку, заметив, что когда-то он был сделан из прекрасной материи.

– Не трогайте, – предупредила Кэт. – Он очень ветхий и может рассыпаться.

– Никогда такого не видела, – призналась Элизабет.

– Он очень старый, – ответила Кэт. – Его изготовили задолго до наших времен. Я видела похожие на изваяниях в церквях. Здесь жили многие ваши предки, и он, скорее всего, принадлежал кому-то из них. Собственно говоря, многие из этих вещей наверняка принадлежали королям. – Она огляделась. – Не знаю даже, почему все это до сих пор не выкинули. Я была здесь только однажды, когда сэр Джон хотел что-то убрать на хранение. Мне стало любопытно, и я нашла кое-что интересное.

Она направилась к стоявшим у стены картинам в рамах. Элизабет, сгорая от любопытства, последовала за ней. Кэт начала перебирать картины. Первая, потускневшая от времени, изображала мужчину в доспехах. На второй был портрет красивой молодой женщины в коричневом бархатном платье с роскошным воротником и в таком же капоре, с золотистыми волосами, округлым лицом и серьезным взглядом.

– Кто это? – спросила Элизабет.

– Это покойная королева Екатерина, мать леди Мэри. Наверное, портрет написали, когда она была еще девушкой – до того, как ее красота увяла и она прибавила в весе.

Элизабет стало жаль эту красивую девушку. Она знала, что король Генрих отверг первую жену и изгнал ее из дворца за упрямство. Конечно, у него имелось на то полное право, но

девочке было горько видеть на картине юную леди, которой наверняка очень хотелось стать королевой и чья жизнь сложилась столь прискорбно.

– Но я собиралась показать вам другое, – сказала Кэт, поднимая деревянную панель без рамы. – Смотрите. Это ваша мать, королева Анна.

Она показала поясной портрет темноволосой женщины с веселым чарующим взглядом, высокими скулами и улыбкой на губах, в расшитом жемчугом, тесьмой и мехом черном платье с глубоким вырезом. Ее французский головной убор тоже был украшен жемчугом, а со стройной шеи свисали жемчужные бусы. На груди у нее красовался отделанный самоцветами медальон в форме буквы «В», на темно-зеленой граненой поверхности которого виднелась латинская надпись золотыми буквами: «ANNA BOLINA UXOR HENRI OCTA»⁶.

Элизабет восхищенно смотрела на картину. Значит, вот так выглядела ее мать. Девочка никогда не видела ее изображений, едва ее помнила и часто гадала, какая она была на самом деле.

– Она действительно здесь очень похожа, – молвила Кэт. – Я видела ее несколько раз.

Элизабет поразило, насколько изображенная на картине похожа на нее саму. Черные глаза, скулы, заостренный подбородок, рот... Элизабет почти во всем была вылитая Анна Болейн – лишь рыжие волосы выдавали ее принадлежность к династии Тюдоров. И Кэт говорила, что она похожа на мать во многом другом. Она хорошо танцевала, как и Анна, успела освоить лютню и клавесин; учитель музыки отмечал у нее талант. Анна тоже хорошо умела шить, любила красивую одежду и достойно держалась на публике. Анна была умна, а Элизабет знала, что она тоже смышленная. Глядя на портрет, девушка вдруг осознала, кто она на самом деле.

– Можно я возьму эту картину себе?

– Ну, не знаю, – ответила Кэт, уже начавшая сомневаться, стоило ли так глубоко просвещать девочку.

– Почему бы и нет? Все равно она больше никому не нужна.

Кэт на минуту задумалась.

– Что ж, если как следует спрячете – думаю, можно, – согласилась она. – Но никто никогда не должен ее видеть.

Схватив старый расцвеченный холст, Элизабет завернула в него портрет и спешно спустилась следом за Кэт к себе в спальню, где спрятала картину за кроватью.

– Никто ее здесь не найдет, – объявила она.

– Верно, – кивнула Кэт. – Эту кровать не двигали уже много лет. Наверное, ее прямо тут и собрали.

Каждую ночь Элизабет выбиралась из постели и смотрела на портрет матери. Вскоре она прочно запечатлела в сердце ее черты.

– Не знаешь, что стало с тем медальоном, который у мамы на портрете? – спросила она однажды Кэт.

– Нет, – ответила та. – Все ее вещи пропали. После того как ее обвинили в измене, их отдали королю. Не знаю, что он с ними сделал.

Элизабет опечалилась. Ей отчаянно хотелось иметь хотя бы одну вещь, принадлежавшую матери, – просто как память, до которой можно дотронуться.

Уроки закончились. Элизабет схватила соломенную шляпу и выбежала на августовское солнце.

⁶ «Анна Болейн, супруга Генриха Восьмого» (лат.). – Прим. ред.

Перед ней простирался большой зеленый парк Хертфорда, залитый золотистым светом. Кэт смотрела в окно классной комнаты на фигурку в бежевом летнем платье, удивляясь, как быстро растет ее подопечная.

– Почти семь лет, – пробормотала она. – Оглянуться не успеешь, как будет двадцать!

Она начала собирать книги со стола, и тут вошел запыхавшийся сэр Джон Шелтон:

– Внизу ждет королевский курьер, сейчас у него принимают коня. Нам следует спуститься.

Кэт поспешно поставила перья в горшочек, разгладила платье и последовала за гувернером. Элизабет, которая сидела в тени любимого дуба и грызла яблоко, увидела бегущую к ней гувернантку, отчаянно махавшую рукой.

– Идемте, миледи! Важные новости из дворца!

Элизабет вскочила, едва не подавившись яблоком, и побежала к дому.

– Что случилось? – крикнула она.

– Много чего! – ответила Кэт, обнимая девочку за плечи и поспешно ведя ее в зал, где стоял сэр Джон, протягивавший курьеру кружку эля.

Сэр Джон поклонился. Девочка смотрела на него не дыша.

– Миледи Элизабет, мы получили важные известия. Первое: брак короля с принцессой Анной Клевской расторгнут после того, как выяснилось, что она помолвлена с другим и не имеет права выходить замуж.

– О бедняжка! – горестно воскликнула Элизабет, но сэр Джон покачал головой.

– Уверяю вас, жалеть не о чем, – возразил он. – Его величество весьма щедро одарил принцессу, дав ей приличное содержание, а также дворец Ричмонд, замок Хивер и поместье Блетчингли. С этого времени она считается самой любимой сестрой короля.

– Надо полагать, она весьма довольна подарком, – вставила Кэт, – так что причин огорчаться нет.

– Я слышал, – заметил курьер, – что короля отнюдь не обрадовало, с какой охотой она приняла его предложение.

– Хватит! – резко оборвал его сэр Джон. – Можете идти. На кухне вас накормят. Остальные новости я передам леди Элизабет сам.

Курьер приподнял шляпу и вышел.

Элизабет уже успела облегченно вздохнуть, но при словах сэра Джона насторожилась.

– Что за остальные новости? – спросила она.

Сэр Джон кивнул Кэт.

– Ваш отец-король взял себе другую жену, – сказала она. – У вас новая мачеха.

– Еще одну жену? – переспросила Элизабет, быстро подсчитывая в уме. – Получается, это уже пятая!

– Вряд ли ваш отец с этим бы согласился, – упрекнул ее сэр Джон. – Новая королева Екатерина – его вторая законная жена после королевы Джейн. Вам следует это запомнить.

– Разве вы не рады, что у вас новая – настоящая мачеха? – вмешалась Кэт, заметив смущенный взгляд Элизабет.

– А кто она? – спросила девочка.

– Екатерина Говард, – сказала Кэт. – Племянница герцога Норфолка, то есть ваша родственница, поскольку ее отец – брат вашей бабушки со стороны матери. Говорят, она чрезвычайно красива и, конечно же, очень молода.

– Когда я смогу с ней увидеться? – поинтересовалась Элизабет. – Мы поедем во дворец?

– Пока нет, – ответил сэр Джон. – Но есть еще одна новость. Принцесса Анна проявила к вам интерес, спросив короля, можно ли вам нанести ей визит, и он согласился. Она поехала осматривать свои новые владения и сейчас остановилась в замке Хивер, в графстве Кент. Завтра вы поедете туда на несколько дней. Кэт отправится с вами.

– Как любезно со стороны принцессы! – радостно воскликнула Элизабет.

Замок Хивер, может, и не дворец, но смена обстановки тоже не помешала бы. Там могут быть танцы и празднества...

Сэр Джон широко улыбнулся Элизабет.

– Идите собирайтесь, – пригласил он.

Элизабет выбежала за дверь, уже составляя мысленно гардероб для поездки в Хивер. Она ни разу там не была, даже никогда не слышала о таком месте, но не сомневалась, что в замке принцессы Анны окажется не многим хуже, чем при дворе.

Не зная, что девочка еще не успела уйти далеко, сэр Джон повернулся к Кэт:

– Разумно ли ее туда отпускать?

– Она ничего не знает о Хивере, сэр Джон, – услышала Элизабет ответ Кэт. – Почему бы ей туда не поехать? Когда-то ей все равно придется узнать о матери.

Сэр Джон лишь что-то проворчал и ничего не ответил, но Элизабет испытала странный трепет при мысли, что она едет в дом, каким-то образом связанный с ее матерью. Становилось все интереснее.

Маленькая кавалькада поднялась на вершину холма, и впереди средь цветущей зеленой долины открылся старинный замок. Элизабет прищипорила свою лошадку – девочке не терпелось насладиться радостями гостевания, ибо она знала, что станет почетной гостьей, оказавшей хозяйке честь своим присутствием.

– Как мне теперь называть принцессу Анну, раз она больше не королева? – спросила она Кэт.

– Полагаю, «ваше высочество», – ответила та.

Похоже, у короля появилось новое развлечение – придумывать титулы для бывших королев. Первая, Екатерина, стала вдовствующей принцессой, а мать Элизабет лишили королевского титула и отправили на плаху просто как леди Анну Болейн.

В сопровождении троих ехавших позади солдат и трех фрейлин Элизабет с гувернанткой пересекли подъемный мост и направились во внутренний двор замка. Там в открытых дверях стояла принцесса Клевская, а за ней выстроилась вся ее прислуга. При виде Элизабет она низко присела в реверансе. Элизабет заметила, что принцесса одета в зеленое платье английского фасона, а когда девочка спешила и подошла к бывшей мачехе, оказалось, что от той исходит лишь слабый аромат роз и гвоздики. Похоже, она поняла намек!

– Добро пожаловать, леди Элизабет! – улыбнулась Анна. – Весьма любезно со стороны его величества, что он позволил вам приехать.

Она говорила с запинкой, но было видно, что она посвятила немало времени изучению английского. Элизабет царственно наклонила голову и последовала за принцессой в замок. На столах в зале стояли блюда с холодными закусками, дрожжевыми пирогами и пирожными с кремом, а также разнообразные засахаренные фрукты, при виде которых у девочки потекли слюнки.

– У нас есть и яства из герцогства Клевского! – гордо объявила Анна, когда они уселись за высокий стол, предоставив почетное место Элизабет.

По кивку Анны вперед вышли двое слуг. Один налил вина, а второй принес блюдо, на котором лежала высокая горка зеленовато-белой массы.

– Что это? – любопытствовала Элизабет.

– Зауэркраут, – ответила Анна. – Квашеная капуста с вином и можжевельником.

Она снова кивнула, и слуга положил солидных размеров порцию на тарелку Элизабет. Девочка попробовала.

– Очень вкусно! – заявила она.

Принцесса широко улыбнулась. Наблюдавшая за ними Кэт порадовалась столь многообещающему началу визита.

Они вошли в длинную галерею, где Элизабет увидела портрет.

– Это моя мама! – вывалось у нее.

Девочка прикрыла рот рукой, сообразив, что она только что сказала. Она давно уже поняла, что имя ее матери ни в коем случае нельзя упоминать на публике. Но портрет перед ней был очень похож на тот, который она прятала у себя в спальне, только здесь королева Анна держала в руке розу, лоб ее пересекала золотая лента и она выглядела моложе и красивее.

– Я совсем забыла! – испуганно воскликнула принцесса. – Я собиралась заменить портрет на другой, но была слишком занята...

Кэт пришла ей на помощь:

– Ничего страшного, ваше высочество. Леди Элизабет видела свою мать на картинах. Полагаю, девочке следует о ней знать.

– О да, – сочувственно проговорила принцесса. – Бедное дитя. И несчастная женщина. – Она содрогнулась. – Поэтому я и хочу сделать хоть что-то для леди Элизабет. Я не могу стать ей матерью, но могу быть подругой.

– Ценю вашу доброту, ваше высочество, – сказала Кэт.

Женщины понимающе переглянулись.

Элизабет не сводила взгляда с картины, почти не слыша их и жалея, что не может взять портрет себе.

– Она такая красивая, – прошептала она.

– Как живая, – подтвердила Кэт.

– Я рада, что здесь оказался ее портрет, – проговорила Анна. – При дворе никто о ней ни слова не произносил.

– Слишком боялись короля, – тихо молвила Кэт.

Принцесса тактично взяла Элизабет за руку:

– Идемте, я покажу вам еще кое-что.

Она повела девочку по галерее в спальню. Там стояла величественная дубовая кровать с вплетенными в замысловатый узор гербами Англии.

– Говорят, это была кровать вашей матери.

Сердце Элизабет подпрыгнуло в груди.

– Почему она здесь?

– Здесь был дом вашей матери, – объяснила Кэт. – Она провела в нем детство, и сюда приезжал ваш отец, пытаясь завоевать ее сердце. Но ему пришлось ждать немало лет, прежде чем она согласилась.

– Но ведь он был королем! – потрясенно вымолвила Элизабет.

– Да, был, но, прося вашу мать сделаться его избранницей, он ставил ее превыше всего – можно сказать, поклонялся ей, словно небесному образу. Она полностью завладела его сердцем, и его счастье было в ее руках. Вот такая была у них любовь.

– В герцогстве Клевском по-другому, – язвительно заметила принцесса. – Там юным леди приходится сочетаться браком с теми, кого выбирают отцы.

– Здесь тоже такой обычай, – сказала Кэт. – Но король уже был женат. Он не мог просить ее стать его женой и потому призвал быть возлюбленной.

– Возлюбленной? – переспросила Элизабет, проводя пальцами по резной спинке, на которую когда-то опиралась голова ее матери.

– Той, которая владеет его сердцем, – ответила Кэт, сказав лишь половину правды.

– И она отказалась? Смелая женщина! – заявила Анна.

Элизабет тоже восхитилась. Ее мать и впрямь была выдающейся женщиной. Сколько же в ней было силы и отваги!

– Мой отец все это время очень ее любил? – спросила она.

Кэт помолчала, размышляя над ответом.

– Да, любил. Он не мог думать ни о ком другом. Он объявил себя главой английской церкви, чтобы жениться на вашей матери, и в конце концов добился своего.

После чего, естественно, все пошло не так, как хотелось, и Кэт решила отвлечь Элизабет от дальнейших расспросов.

– Давайте найдем вам спальню, – предложила она.

– Ах да. Сюда, пожалуйста. – Анна мгновенно поняла намек.

– А нельзя мне спать здесь? – спросила Элизабет, которой хотелось быть поближе к матери, вернее, к тому, что от нее осталось.

– Насколько я понимаю, это комната принцессы Анны, – нерешительно заметила Кэт.

– Совершенно верно, – любезно ответила принцесса. – Леди Элизабет может здесь спать. Я распоряжусь на сей счет.

Она улыбнулась девочке, и та благодарно посмотрела на нее.

– А теперь я покажу вам чудесный сад! – объявила Анна.

Где бы ни оказывалась Элизабет в Хивере, все напоминало ей о матери – в каждой комнате, на каждой садовой дорожке, в каждой тенистой беседке. Большую часть имущества семьи Болейн забрали королевские чиновники, но кое-что сохранилось, в том числе кровать и портрет, – кому, думала Кэт, нужны были эти напоминания о падшей королеве? И все-таки даже без вещей Анны легко было представить, что она оставалась здесь, в Хивере.

– Ты бывала тут, когда... она жила здесь? – спросила Элизабет у Кэт в первый же день, когда они шли по цветущему саду.

– Один раз, – припомнила Кэт. – Здесь тогда было очень красиво. Помню, как я присутствовала на большом торжестве в честь вашего деда сэра Томаса Болейна, которому король пожаловал титул лорда Рочфорда. Были танцы и маскарад, и ваша мать оказалась в центре всеобщего внимания. Молодые люди открыто соперничали за ее благосклонность.

Как же это чудесно, восхищенно подумала Элизабет, когда ты такая популярная и мужчины тебя обожают!

– Она была красивая? Расскажи, как она выглядела.

– На ней было синее шелковое платье и жемчужное ожерелье, а на плечи падали длинные темные волосы. Помню, в них сверкали мелкие самоцветы. И она много смеялась...

Кэт печально покачала головой, вспомнив, что впоследствии у Анны почти не осталось поводов для смеха.

– Когда я вырасту, буду как она! – заявила Элизабет. – Я стану красивой, начну носить шелковые платья и драгоценные камни в волосах!

Кэт улыбнулась, испытывая гордость за свою тщеславную подопечную с живым нравом и решительным личиком.

Элизабет нагнулась, собирая цветы. В затянутом золотистой дымкой небе ярко сияло вечернее солнце, дул легкий ветерок. Кэт немного постояла, наслаждаясь царившими вокруг красотой и покоем.

– Идемте, юная леди, – наконец позвала она. – Принцесса Анна скоро проснется, и нам нужно переодеться к ужину.

Элизабет лежала в материнской постели. Занавески были задернуты, свечи погашены, но девочка различала в полутьме очертания выстроенных вдоль стен стульев, молитвенной ска-

мы и платяного шкафа. На вешалке висело ее кремовое платье, почищенное к утру. Тишину нарушало далекое уханье совы.

Девочка не могла заснуть. Ее тревожили незнакомая комната, чужой дом и удивительные открытия минувшего дня. Как бы Элизабет ни зажмуривала глаза и ни читала мысленно молитвы, прошла целая вечность, прежде чем она наконец задремала, а после крепко заснула, – по крайней мере, так ей показалось.

Она не знала точно, что ее разбудило. Возможно, холод – она обнаружила, что вся дрожит. Потом поняла, что не одна. В изножье кровати маячил темный силуэт.

– Кэт? – прошептала она.

Незнакомая фигура ничего не ответила и не двинулась с места. Лицо скрывала тень, и всю ее окутывал полумрак, но внешне она походила на женщину, и девочке почудилось, будто та на нее смотрит. Ее охватила тревога.

– Кэт? – снова спросила она, испуганно выглядывая из-под одеяла.

Темная фигура никуда не исчезла, но казалась слишком стройной для Кэт. Элизабет уже подумала было, что это какая-то игра теней от мебели или самой кровати, когда фигура внезапно простерла к ней руки. В ее мучительном жесте угадывалась немая мольба и вместе с ней – что-то еще, совсем не страшное, но внушавшее странное умиротворение.

Элизабет ошеломленно потеряла глаза, а когда открыла их вновь, силуэт исчез. Комната была пуста.

Сердце девочки отчаянно колотилось от страха. Неужели ей это просто приснилось? Или было на самом деле? Конечно было – она ведь проснулась от озноба и только потом заметила фигуру. Странно, но холода она больше не чувствовала. В комнате было тепло, как и полагалось в августе.

Элизабет лежала, пытаясь осознать случившееся.

– Мама? – прошептала она, пробуя на вкус незнакомое сладкое слово.

Напрашивался неопровержимый вывод, единственный, в который ей хотелось верить, – к ней явилась тень Анны Болейн. Но ответа не последовало.

Элизабет ни словом не упомянула о своем видении Кэт и принцессе. В холодном свете дня случившееся казалось ей сном или, возможно, игрой воображения. Даже если это действительно был призрак ее матери, в чем она теперь сомневалась, он наверняка явился затем, чтобы дать ей понять, насколько Анна любила ее при жизни и, вероятно, продолжала любить в загробном мире. Призрак больше не появлялся, и до конца пребывания Элизабет в Хивере ничего необычного не произошло, что лишь подтвердило ее выводы. Шли дни, девочка спала без сновидений, и вскоре настало утро, когда она присела перед принцессой Анной в прощальном реверансе.

– Приезжайте снова, – сказала ей принцесса. – Ваш визит доставил мне немало удовольствие. Надеюсь, вы будете считать меня своей подругой.

– Буду! – горячо заявила Элизабет, протягивая руку.

Анна, однако, не взяла ее. Склонившись, она тепло обняла девочку и поцеловала.

– Возвращайтесь скорее! – сказала она.

Элизабет больше не виделась с Анной Клевской до нового, тысяча пятьсот сорок первого года, когда их обеих пригласили на праздники в Хэмптон-корт.

– Наконец-то я познакомлюсь с новой мачехой! – воскликнула Элизабет, возбужденно приплясывая по спальне. – Мне нужно новое платье! Можно мне новое платье, Кэт?

Послали за портным.

– Как же вы выросли, миледи Элизабет! – сказал тот, снимая мерку.

– Мне уже семь лет, – отозвалась Элизабет. – Мне что, не хватает роста?

– В самый раз, – ответил портной, сдерживая улыбку. – И вы очень красивы, если позволите заметить.

– Позволяю, – царственно разрешила она. – Я еду во дворец, так что вы должны сшить мне самое лучшее платье.

– Миледи, когда я закончу, вы превзойдете всех прочих дам! – пообещал портной, подзывая помощников.

Элизабет восхищенно уставилась на развернутые перед ней рулоны роскошной ткани.

– Нам нужно экономить, – встревожилась Кэт. – Мне положено определенное содержание... которого в свое время не всегда хватало.

Она поморщилась, вспомнив рассказы леди Брайан о героических усилиях, которые той приходилось прилагать, чтобы свести концы с концами после грехопадения Анны Болейн, когда король, казалось, забыл о своей младшей дочери. Впрочем, позднее он проявлял достаточно щедрость.

Портной поклонился. Ему было известно о неопределенном статусе Элизабет.

– Как насчет этого, миссис Чампернаун?

Он выложил отрез темно-зеленой тафты с золотым шитьем. Названная им цена казалась вполне разумной.

– Отлично сочетается с рыжими волосами леди Элизабет, – заметил он.

– Прекрасно! – воскликнула Элизабет, умоляюще глядя на Кэт.

– Хорошо, – сдалась гувернантка. – Все-таки особый случай.

В итоге, когда Элизабет прибыла в Хэмптон-корт, в ее багаже лежало роскошное платье вместе с подарками, которые она старательно, пусть и не слишком охотно, вышивала для отца, сестры, брата и новой мачехи.

Едва она прибыла в выделенные ей апартаменты, к ней пришла леди Мэри.

– Добро пожаловать, сестренка! – улыбнулась она, заметив, что Элизабет изрядно выросла со времени их последней встречи и утратила детскую полноту.

Присевшая перед ней в реверансе девочка держалась грациозно, и во всем ее облике чувствовалась новая гордость. И все же, напомнила себе Мэри, она оставалась маленькой девочкой, нуждавшейся в моральной опеке.

Пока Кэт распаковывала и раскладывала вещи Элизабет, Мэри присела у окна, слушая новости о жизни сестры, касавшиеся в основном уроков, щенков и сплетен прислуги.

– И еще я ездила к Анне Клевской в Хивер, – сказала Элизабет.

– В Хивер? – удивленно переспросила Мэри, глядя на Кэт.

– Принцесса остановилась там, сударыня, так было удобнее.

Мэри промолчала, поджав тонкие губы. Порой она сомневалась в здравомыслии Кэт. Чем меньше рассказывали Элизабет о ее достойной презрения матери, тем лучше.

– Ты встречалась с нашей новой мачехой, сестрица? – спросила Элизабет.

– Да, – осторожно ответила Мэри. – Ее величеству не терпится с тобой познакомиться.

– Она красивая?

– Красивая, – ответила Мэри. – Чуть позже я тебя к ней отведу. Она обещала послать за нами. Пока же тебе нужно переодеться, а потом мы пойдем в королевскую часовню на вечернюю молитву.

Опять молитвы, подумала Элизабет. Мэри не мыслила жизни без молитв. Элизабет уже помолилась утром и считала, что больше незачем. И все же она послушно позволила Кэт одеть ее во второе лучшее платье, из красного дамаста, а потом Мэри повела ее по бесконечным коридорам в часовню.

Покои королевы ярко освещались мириадами свечей в ветвистых канделябрах, в камине трещал огонь. В углу негромко играли музыканты. Когда Элизабет и Мэри присели в реве-

рансе, от группы толпившихся в комнате дам отделилась миниатюрная фигурка и направилась к ним.

– Встаньте, миледи Мэри, миледи Элизабет, – произнес детский голосок.

Элизабет увидела перед собой невысокую, очень молодую пухленькую женщину в роскошном платье и драгоценностях, с каштановыми волосами, надменным взглядом из-под тяжелых век и полными губами. На руках она держала умильную собачку.

– Добро пожаловать, – сказала она, протягивая руку для поцелуя и едва не выронив собачку.

– Миледи Элизабет рада познакомиться с вами, мадам, – проговорила Мэри.

Несмотря на свой малый рост, Мэри была выше Екатерины Говард и выглядела, как показалось Элизабет, намного старше. Как странно – быть старше собственной мачехи!

– Вы очень милы, Элизабет, – молвила королева, заметив, что девочка не сводит взгляда с собачки. – Хотите поддержать?

Она вручила Элизабет теплое пушистое существо. Девочка заметила, что принцесса Анна им улыбается.

– Мы собираемся поупражняться в танцах, – объявила Екатерина. – Вы обе можете к нам присоединиться. Дамы, будьте любезны! Мавританский танец!

Элизабет поспешно поставила собачку на пол. Женщины образовали два круга, и музыканты заиграли бодрую мелодию. Кто-то сунул в руку Элизабет пару кастаньет, и внезапно она оказалась среди танцующих, прыгая то в одну, то в другую сторону и каждый раз встречаясь с новыми партнерами. В эти моменты нужно было развернуться кругом и щелкнуть кастаньетками. Было невероятно весело, и она не понимала, почему каждый раз, когда она замечала в толпе Мэри, сестра бросала на нее неодобрительные взгляды. Маленькая королева с удовольствием порхала по комнате, смеясь до упаду, и остальные дамы тоже наслаждались танцем от всей души, но вдруг распахнулись двери и было объявлено о прибытии короля.

Танцующие низко присели, развернув по полу юбки. Король, большой и грузный, в просторном меховом плаще, тяжело опирался на трость. Элизабет встревожилась – настолько старым и больным показался ей всегда несокрушимый отец. И тем не менее он пребывал в приподнятом настроении.

– Встаньте, леди! – распорядился король, махнув рукой и направляясь к королеве. – Как дела у моей милой Кейт? – спросил он, целуя ее в губы и пожирая взглядом.

– Все хорошо, сэр, – ответила та. – Счастлива видеть вас.

Дожидаюсь, пока отец не обратит на нее внимание, Элизабет подумала, что слова королевы не совсем похожи на правду. К тому же она заметила, что Мэри взирала на Екатерину с плохо скрываемым неодобрением.

Властно обняв молодую жену за плечи, Генрих повел ее к двум тронам на помосте. Элизабет смотрела, как они садятся; затем отец протянул руку и начал ласкать королеву, блуждая пальцами по ее щеке, шее, обширной груди, открытой в глубоком вырезе платья почти до сосков... Рядом с сестрой неподвижно застыла Мэри.

Екатерина подалась к королю и что-то прошептала. Улыбнувшись, тот пощекотал ее пальцем ниже подбородка, и она захихикала. Внезапно заметив дочерей, Генрих убрал руку с груди королевы и поманил их к себе. Мэри вышла на середину комнаты и присела в глубоком реверансе. Элизабет последовала ее примеру.

– Благослови вас Господь, дочери мои, – сказал Генрих. – Добро пожаловать во дворец. Сегодня вечером состоится большой праздник, который, уверен, вам понравится. А королеве, – он проникновенно улыбнулся Екатерине, – не терпится познакомиться с тобой поближе, Элизабет.

Екатерина жеманно улыбнулась, но было ясно, что мысли ее заняты совсем другим. Элизабет быстро смекнула, что совершенно не интересна новой мачехе, и подозревала, что Мэри чувствует то же.

Но Мэри было не так-то легко вызвать на разговор. Когда на следующий день они сели у нее играть в шахматы, Элизабет решилась наконец высказать свое мнение.

– Непохоже, что нашей мачехе есть до нас дело, – заявила она.

– Она очень молода, – отозвалась Мэри. – Ей предстоит многому научиться, чтобы стать королевой.

– Вчера она ни разу не обратила на меня внимания, – посетовала Элизабет. – Она вообще на меня не смотрела. Ей хотелось только танцевать и красоваться.

– Ее внимания требуют слишком многие, – ответила Мэри.

– Но я дочь короля! – напомнила Элизабет. – Я достаточно важна, и она не должна делать вид, будто меня нет.

– Может, ты и важна, но тебе следует поучиться скромности, – упрекнула ее Мэри. – Сестренка, королева обязательно пришлет за нами, и мы с ней какое-то время побудем.

– Тебе она не нравится? – настаивала Элизабет.

– Я этого не говорила, – резко ответила та. – Я едва ее знаю, и она из хорошей католической семьи. Пусть уж лучше королевой будет она, чем ставленница религиозных реформистов вроде принцессы Анны.

– Но мне нравится принцесса Анна! – возразила Элизабет. – Вчера вечером мы долго сидели вместе, и она подарила мне это. – Девочка в очередной раз залюбовалась драгоценным помандером⁷, висевшим у нее на шее. – И мне понравилось, как она танцевала с королевой. Надо было отцу так и оставить ее своей женой.

– Тихо! – шикнула Мэри. – Нельзя такого говорить, а то будут неприятности. И если пойдешь королевой, ты ее потеряешь! Играй внимательнее!

⁷ Традиционное английское рождественское украшение – футляр для ароматических трав. – *Прим. ред.*

Глава 6

1541–1542

– Жаль, что мы не можем поехать во дворец на Рождество, – проворчала Элизабет, поддевая кусок жареной кабанины и лишь изредка бросая взгляды на разыгрывающих пантомиму шутов. – Мы в этом году вообще почти там не были.

– Это невозможно, миледи, – сказал сэр Джон Шелтон.

От внимания Элизабет не ускользнуло, как он переглянулся с Кэт. Что-то явно происходило, и она была полна решимости разобраться. По крайней мере, хоть какое-то развлечение. Толпы резвившихся во дворе Хэтфилда селян не шли ни в какое сравнение с великолепными пирами при дворе, и разочарование девочки не знало границ, когда приглашение так и не пришло. Уже наступил канун Рождества, и она знала, что дальше ждать нет никакого смысла.

– Мой отец болен, да? – внезапно спросила она Кэт.

Гувернантка, на розовые щеки которой падали отблески факелов, в смятении взглянула на девочку.

– Нет, миледи, полагаю, с ним все в порядке, – возразила она. – По крайней мере, мы ничего об этом не слышали.

– Но что-то ведь не так, – настаивала Элизабет, предчувствуя дурное. – Почему я не могу поехать на Рождество во дворец, хотя в прошлом году ездила? Я что, чем-то обидела короля?

– Вовсе нет, – ответила Кэт. – Вы тут ни при чем, дитя мое.

– Значит, дело в чем-то другом, – упрямо заявила Элизабет.

Кэт повернулась к сэру Джону.

– Придется ей сказать, – прошептала она.

– Подождите, – предупредил он. – Нам не давали указаний.

– Нет, – тихо сказала Кэт. – Королю сейчас не до этого.

– Что? – спросила жадно слушавшая Элизабет.

– Идемте со мной, – позвала Кэт.

– Разумно ли это? – покачал головой сэр Джон.

Нахмурившись, Кэт решительно повела Элизабет к открытым дверям. Порой приходилось взять дело в свои руки – ждать указаний из дворца можно было бесконечно долго.

Кэт усадила Элизабет на скамью в безлюдном большом зале. Все были во дворе, увлеченные дурачествами шутов и жареным на вертеле мясом. В высоких многостворчатых окнах мерцали отблески пламени костра.

Кэт села рядом со своей подопечной.

– Вы правы, Элизабет, – сказала она, – кое-что действительно случилось, и, когда я вам об этом расскажу, вы поймете, почему не можете сейчас поехать во дворец.

Элизабет напряглась, не сомневаясь, что ее отец все-таки болен, ранен или вообще умирает, и приготовилась услышать дурное известие. Но, к ее удивлению, Кэт объявила:

– Все из-за королевы.

– Королевы? Она заболела?

– Нет, дитя мое, она впала в немилость, и даже хуже. Она серьезно согрешила и теперь сидит под домашним арестом в Сионском аббатстве.

– Что она сделала? – Элизабет смутно припомнился похожий разговор, случившийся много месяцев назад.

– Она изменила королю с двумя джентльменами, которых вряд ли можно так назвать, судя по их поведению. Понимаете, о чем я?

– Она... дала им себя поцеловать? – неуверенно спросила Элизабет, вспомнив, как ее отец целовал и ласкал юную жену.

– Не только, – сказала Кэт. – Между мужчиной и девушкой возможно куда большее, чем вы можете себе представить, невинное дитя.

В ее голосе прозвучали тоска и грусть.

– Мужчины, – продолжила Кэт, тщательно подбирая слова, – рождаются с корешком, а женщины – со щелочкой. Ну, там, внизу. – (Элизабет поняла и покраснела.) – Чтобы родился ребенок, корешок должен войти в щелочку, но подобное дозволяется лишь после свадьбы. Но, как говорят, королева поступила так с другими мужчинами, изменив вашему отцу-королю, которому должна быть верна.

– Как она могла? – выдохнула Элизабет, широко раскрыв глаза.

Она с трудом представляла мужчин и женщин, предававшихся столь странному делу после свадьбы, и ей тем более не хотелось участвовать в этом самой. Сама мысль о том, что отец занимается тем же с королевой, приводила ее в шок. Конечно, Элизабет лишь смутно понимала смысл слов Кэт, но они казались ей пугающими и крайне неприличными.

– И она сделала это с двумя джентльменами?

– Боюсь, что да, – ответила Кэт.

– С обоими сразу? – уточнила Элизабет.

– Господь с вами! – воскликнула Кэт. – Такие дела творятся наедине. Всегда!

– И теперь ее за это посадили под домашний арест? – с ужасом спросила Элизабет. – Что это значит?

– Это значит, что она не в тюрьме, но ее не выпускают из покоев, – объяснила Кэт.

– И она там надолго?

– Пока король не решит, что с ней делать, – медленно проговорила Кэт.

– Но ей же не отрубят голову? – дрожа, спросила Элизабет.

– Откровенно говоря, не знаю, – искренне ответила Кэт. – Будем за нее молиться.

Элизабет ненадолго задумалась.

– Мою маму предали смерти за то же самое? – спросила она мгновение спустя.

– Да, именно в этом ее обвиняли, но я в это не верю, и вам тоже не следует. Я убеждена: она ни в чем не была виновата.

– Но мой отец поверил, – возразила Элизабет.

– Против нее сочинили достаточно убедительные доказательства, которым поверили многие. Но она отважно защищалась на суде, и, как я вам уже говорила, ее врагам в итоге пришлось признать, что это был лишь повод от нее избавиться. И я нисколько не сомневаюсь, что ваш отец-король ни при чем. Это дело рук мастера Кромвеля, да упокоит Господь его душу, – именно он намеревался убрать ее и всех ее приближенных, ибо они стояли на его пути.

– Он был злой человек! – выпалила Элизабет.

После развода короля с принцессой Клевской она с радостью узнала, что государственный секретарь, обвиненный в ереси, отправился на плаху.

– Да, но он за это поплатился. Он совершил роковую ошибку, привез в Англию принцессу Анну, чем навлек на себя гнев врагов.

– Он получил то, что заслуживал, – сурово заявила девочка. – Он убил мою маму.

– Не думайте об этом, – мягко проговорила Кэт. – Все равно ничем не поможет. Молитесь лучше за королеву и за упокой души вашей матери. И за Томаса Кромвеля, ибо в том состоит ваш христианский долг. А пока давайте праздновать Рождество. Жизнь слишком коротка, чтобы хандрить попусту!

– Боюсь, Элизабет, что у меня для вас плохие новости, – внезапно призналась Кэт.

Элизабет сидела в классной комнате за столом, который этим морозным февральским утром придвинули ближе к огню, и выписывала пером в тетради аккуратные буквы прописью. Она уже раньше заметила, что Кэт чем-то слегка подавлена, но думала, что гувернантка занята проверкой ее арифметических примеров.

Элизабет подняла взгляд, вопросительно и с тревогой взирая на Кэт.

– Вчера утром обезглавили королеву, – тихо сообщила та. – Ее обвинили парламентским актом в измене и приговорили к смерти.

Элизабет лишилась дара речи, пытаясь примириться с тем, что той пухленькой симпатичной молодой женщины, которая хихикала, когда король ласкал ее грудь, больше нет и что ее красивую голову жестоко срубили с шеи. Наверняка ей стало больно, пусть и совсем ненадолго, и еще было очень много крови. Девочка представила, как охваченная страхом юная королева неуверенными шагами приближается к плахе, а затем опускается на колени, в ужас ожидая удара топора. Элизабет содрогнулась, будто только что снова обезглавили ее мать, Анну Болейн.

Почувствовав в горле комок, она порывисто встала и, прикрыв рот рукой, бросилась в уборную, где опорожнила желудок в каменный желоб. Там ее и нашла Кэт, дрожащую и растерянную.

– Тише, милая, – проговорила она, обнимая страдальчески всхлипывавшую подопечную.

Элизабет попыталась оттолкнуть Кэт, не желая, чтобы та видела ее такой, но горе и ужас полностью овладели ею, и, забыв, что она уже большая, восьмилетняя девочка, которой не пристало плакать, она уткнулась в плечо гувернантки и разрыдалась. Ее невыносимая боль передалась Кэт, по чьей щеке тоже скатилась слеза.

Имя Екатерины Говард больше не упоминалось. Ни Кэт, ни Элизабет не желали, чтобы тягостная сцена повторилась снова. Понимая, сколь глубоко повлияло на ее подопечную известие о судьбе покойной королевы, Кэт стремилась отвлечь Элизабет от мрачных мыслей веселыми историями, игрой в прятки и даже в снежки, когда достаточно подморозило. Они жарили маффины⁸ на огне, играли в кегли в галерее и пели песни под аккомпанемент лютни или клавирина в исполнении Элизабет.

– Вы очень хорошо играете, – похвалила ее Кэт. – Собственно говоря, вы оказались столь способной ученицей, что я, боюсь, уже мало чему могу вас научить. Наверное, дитя мое, пришло время нанять вам учителя.

– Но мне нравится, как ты меня учишь, – возразила Элизабет.

– И мне нравится вас учить, – подхватила Кэт, – но я исчерпала свой скромный запас знаний. Довожу до вашего сведения, что я написала королю письмо с просьбой разрешить вам посещать уроки вместе с принцем.

– Правда? – обрадовалась Элизабет. Она жаждала новых знаний, к тому же ей очень хотелось побольше проводить времени с братом, которого она видела слишком редко. – Я поеду во дворец?

– Нет, моя юная леди, – улыбнулась Кэт. – Вы поедете в Эшридж или Энфилд, в зависимости от того, где сейчас живет принц. Ему скоро начнут давать первые уроки, и вам обоим будет веселее время от времени учиться вместе.

Последующие несколько недель Элизабет с нетерпением ждала ответа отца на просьбу Кэт.

– Ну что он так долго тянет? – ворчала она.

– Полагаю, у него слишком много дел, – ответила Кэт. Она не стала пересказывать, что написала ей ее сестра Джоан, жена королевского камердинера сэра Энтони Денни.

⁸ Небольшой круглый кекс из пшеничной муки. – *Прим. ред.*

Джоан доверительно поведала Кэт, что его величество впал в глубокое уныние и сильно страдает от боли в ноге, а потому Кэт знала – ждать скорого ответа не приходится. Письмо пришло только в мае.

– Хорошая новость! На следующей неделе вы едете в Эшридж, где начнете брать уроки, – радостно сообщила Кэт восторженной Элизабет. – Есть одно условие: перед посещением принца вам следует быть осмотрительнее в общении с посторонними, а если вы подхватите какую-нибудь заразу, вам придется остаться дома.

– Да-да, конечно, – согласилась Элизабет, почти ее не слушая. – Отец, наверное, думает, что я очень важная персона, если достойна учиться вместе с принцем.

– Конечно, он так думает! – рассмеялась Кэт. – Ведь вы его дочь.

– И мне нужны новые платья! – прощепетала Элизабет, приплясывая.

– Погодите! – усмехнулась Кэт. – Вы же едете учиться, а не на праздник!

– Но я хочу выглядеть как можно лучше, – настаивала девочка, любуясь своими изящными руками.

– Уверена, вам понадобится очень богатый муж! – пошутила Кэт.

– Я сама буду богатой, – парировала Элизабет. – Я дочь короля. И я не собираюсь выходить замуж.

– Придется, – покачала головой Кэт. – Все знатные девушки выходят замуж. Долг женщины – выйти замуж и родить детей. Для этого нас создал Господь.

– А почему тогда ты не замужем, Кэт? – лукаво спросила Элизабет.

– У меня когда-то был жених, – с легкой грустью ответила гувернантка. – Его выбрал для меня мой отец. Он был хорошим парнем, но умер. Теперь отец слишком стар и немощен, чтобы найти мне мужа, а встретить кого-то здесь шансов не много. Но я надеюсь, что когда-нибудь все-таки выйду замуж.

– Если выйдешь, ты должна остаться со мной, – заявила Элизабет. – Пусть твой муж приезжает и живет здесь.

– Я передам ему, – улыбнулась Кэт. – Когда его встречу.

Элизабет лежала в постели, глядя на угасавшие в камине угли и не в силах понять, почему ее так растревожили все эти разговоры Кэт о замужестве. Не иначе из-за того, что говорила ей Кэт несколько недель назад о вещах, которыми занимаются муж и жена и которым предавалась Екатерина Говард с теми нехорошими джентльменами. В том же обвиняли и ее мать – будто она занималась тем же самым с посторонним мужчиной.

Она попыталась представить, что имела в виду Кэт, когда говорила, что мужчины рождаются с корешком, но на ум приходил лишь забавный маленький отросток, который попался ей на глаза, когда ее брату в младенчестве меняли пеленки. Это его мужчине полагалось вставить в то неназываемое место между ногами, чтобы родился ребенок? Глупо – слишком он маленький, к тому же Элизабет пребывала в полной уверенности, что не позволит ни одному мужчине столь грубо с ней поступить. А чтобы не допустить этого, нужно вообще не выходить замуж. Но что, если отец выберет ей мужа, как случилось с Кэт? Осмелится ли она пойти против воли короля?

Да, осмелится, дерзко подумала она. И дело не только в отвращавших ее непристойных отношениях мужчин и женщин. Было кое-что еще, куда более темное и зловещее, имевшее отношение к ужасной судьбе королевы Екатерины и матери Элизабет. Обе они умерли, потому что совершили этот греховный поступок. У Элизабет имелся и еще один повод для опасений: ведь королева Джейн умерла после того, как родила ребенка. А дитя рождается после того, как мужчина вставит в тебя корешок. Значит, если позволить мужчине это сделать или, что еще хуже, если он заставит тебя силой, ты можешь умереть – тем или иным образом. Думать об этом было невыносимо.

«Нет, – решила Элизабет, поворачиваясь на бок и крепко зажмуриваясь, – я никогда не выйду замуж».

Элизабет поразило, насколько изменился принц, ее брат. Вместо пухлого малыша, которого она в последний раз видела – когда это было? – полтора года назад, перед ней стоял стройный пятилетний мальчик, еще в коротких штанишках, но уже выглядевший весьма взросло в длиннополом бархатном камзоле.

– Добро пожаловать, сестра! – торжественно произнес он, по-взрослому кланяясь присевшей в реверансе Элизабет. – Позволь мне представить доктора Коукса, нашего учителя.

Вперед вышел худощавый мужчина средних лет, чем-то похожий на сову, в черной церковной мантии и шляпе без полей.

– Миледи Элизабет, для меня это большая честь, – изрек он. – Я слышал о ваших исключительных успехах и нисколько не сомневаюсь, что вы благотворно повлияете на принца, вашего брата.

Они уселись за стол, загроможденный книгами, пергаментами, перьями и чернильницами.

– Думаю, вам незачем меня бояться, – сказал доктор Коукс. – Учеба должна доставлять удовольствие, и я не собираюсь вбивать знания в голову ученикам, хотя мне известно, что подобной манеры придерживаются многие учителя, особенно в наших школах. Нет, ваши светлости, я предпочитаю пряник кнуту. Отправимся же в прекрасное путешествие.

Элизабет наслаждалась его уроками, более долгими и сложными, чем у Кэт, и охотно принимала брошенный ей вызов. Доктор Коукс оказался хорошим лингвистом, и под его руководством она быстро совершенствовала владение языками. Вскоре она уже читала простые латинские тексты и переводила короткие французские стихи. Но больше всего ее захватывали религиозные наставления, в которые доктор Коукс вкладывал всю свою душу.

– Нас приводит в рай вера в Иисуса Христа, – возглашал он. – Это все, что требуется, чтобы заслужить спасение. Вы должны любить Его всей душой и верить в Него как своего Спасителя.

Эдвард серьезно кивнул.

– Моя гувернантка говорит: чтобы попасть в рай, нужно совершать добрые дела, – сказала Элизабет. – Например, подавать бедным или навещать больных.

– Весьма поучительно, – ответил наставник, – но для спасения это не обязательно. Оправданием может служить одна лишь вера.

Элизабет не совсем поняла, что он имел в виду, и не сомневалась, что Эдвард, судя по его растерянному виду, тоже не понял, а доктор Коукс настолько увлекся, что ничего не заметил. Но после этого она изо всех сил старалась все больше и больше любить Бога, что было не так просто, поскольку на самом деле больше всего она любила отца и Кэт.

В другой раз доктор Коукс открыл большую книгу в изысканном переплете, которую принес на урок.

– Это Святая Библия, впервые законно изданная на английском языке, а здесь, на первой странице, вы видите вашего отца-короля, несущего Слово Божье духовенству и народу.

Дети благоговейно усталились на книгу.

Доктор Коукс почтительно перевернул несколько страниц и прочитал вслух историю Адама и Евы.

– Такова, – закончил он, – история человеческого грехопадения.

– Как выглядел этот змий? – испуганно спросил Эдвард.

– Как большая зеленая змея! – выпалила Элизабет, лучась озорством.

– Ваши светлости, змий есть сам дьявол, посланный в этом облике, дабы искусить женщину. Она по своей воле решила послушаться Господа, и из-за этой слабости ее и Адама изгнали из Эдемского сада.

– Я бы не ослушалась, – горячо заявила Элизабет.

– Да, миледи, – сказал доктор Коукс, – но вы не обычная представительница женского пола, ибо хорошо известно, что женщины в своей массе – слабые и хрупкие создания, способные, подобно Еве, довести мужчин до греха.

– Я не слабая и не хрупкая! – вознегодовала Элизабет.

– Я никогда такого не говорил, миледи, – возмутился доктор Коукс. – Но есть вполне разумные причины, по которым Бог поставил мужчин над женщинами, чтобы повелевать ими. И виной тому грех нашей матери Евы.

Екатерина Говард была слаба, подумала Элизабет. Но другие известные ей женщины обладали сильным характером. Как насчет Клеопатры? Отважной святой Екатерины, которая выступила против императора-язычника, рискуя умереть жестокой смертью? Или Изабеллы Кастильской, поведшей войска на битву и победившей неверных мавров? Элизабет подозревала, что и сейчас на свете живут многие женщины, способные в недобрый час быть столь же неукротимыми, и ей вдруг пришла в голову мысль: а почему, собственно, Бог поставил мужчин выше женщин? Не просто же потому, что Ева довела Адама до греха?

– Похоже, это выдуманная история, – сказала она, повергнув в шок как себя, так и доктора Коукса.

– Господи, дитя мое, вы оспариваете Писание? – воскликнул он. – Это великий грех! Конечно, она вовсе не выдуманная.

– Но как Бог мог сделать женщину из ребра? – спросила Элизабет, решив стоять на своем.

– Бог может сделать все, что пожелает, – нахмурился учитель. – И вам следует слушать тех, кто куда умнее и опытнее вас. Бог создал женщину со всем ее несовершенством, чтобы она служила и подчинялась мужчине. Так заведено в мире. А теперь почитаем историю о Потопе.

– Девчонки глупые, – самодовольно заявил Эдвард.

Элизабет, не раздумывая, высунула язык.

– Хватит! – гаркнул доктор Коукс. – Королевским детям не подобает так себя вести.

– Верно, сестра, – сурово произнес мальчик. – Не забывай, я принц.

– Тогда тебе должно хватить ума понять, что девочки вовсе не глупые.

Эдвард скорчил гримасу.

– Потоп, если позволите, – напомнил им доктор Коукс.

– Мне жаль брата, – сказала Элизабет Кэт перед тем, как лечь спать. – Он такой серьезный и совсем не умеет веселиться. Знаешь, он даже почти не улыбается.

– Бедный мальчик. Боюсь, Эдварду сверх всякой меры внушают, что однажды ему придется стать королем, – отозвалась Кэт.

– Ты права, – кивнула Элизабет.

– Уверена, леди Брайан и госпожа Пенн желают ему только лучшего, – утешила ее Кэт.

– Верно, но его все время окружают церемониями и не дают свободы. Все твердят, что он должен стать таким же великим, как отец.

Элизабет мысленно сравнила относительную свободу, которой пользовалась она сама, и строгий протокол, окружавший ее брата, а также дружеские отношения между ней и Кэт с почтительным отношением к Эдварду его слуг.

– У короля, само собой, имеются на то свои причины, но бедняжку, по-моему, чересчур опекают, – признала Кэт.

– И все-таки у него есть друзья, с которыми он может вместе играть и учиться, – мальчики из благородных семейств, к примеру Барнаби Фитцпатрик, его мальчик для битья. Он симпатичный.

Элизабет очень нравился юный ирландец. Он был старше своего господина и полон присущего этой народности обаяния; Элизабет с удовольствием сидела рядом с ним на уроках, хвастаясь своими талантами. Барнаби щекотал ее под столом, когда доктор Коукс не видел, и озорно улыбался из-под растрепанных черных кудрей. Элизабет заметила, что Эдвард редко участвовал в шумных играх, полностью отдаваясь прилежной учебе, и хмурился, когда его товарищи предпочитали шалить.

– Пойдем поиграем, братишка, – предложила ему однажды Элизабет, когда учитель отпустил их до вечера.

– Я хочу почитать книжку, – ответил Эдвард.

Он рано научился читать и, как заметила Элизабет, был весьма развит для своего возраста.

– Можешь почитать и потом, – искушала сестра. – На улице тепло, можно побегать наперегонки в парке.

– Отличная мысль, миледи! – улыбнулся Барнаби. – Может, поучите меня фехтовать, сэр? Эдвард покачал белокурой головой.

– Мой отец-король мне не разрешает, – проговорил он печально. – Это слишком опасно. Я могу пораниться или погибнуть, и тогда у него не будет наследника.

– Каждый джентльмен должен учиться владеть мечом, – возразил Барнаби.

– Можешь поучить меня, – с огоньком в глазах предложила Элизабет.

Барнаби усмехнулся:

– Вас, девочку? Прошу прощения, миледи, но это не слишком уместно.

– К дьяволу уместность! – невзирая на приличия, бросила Элизабет. – Пойдем пофехтуем!

Они побежали в парк. Няньки Эдварда в благоразумном отдалении последовали за ними. Барнаби достал два тупых меча и начал учить Элизабет правильной стойке: развернув ноги, положив руку на бедро и держа в другой оружие. Потом он показал, как делать выпады, парировать удары и уворачиваться. Элизабет очень понравилось, и она оказалась достойной ученицей. Эдвард не сводил с них глаз.

– Жаль, мне нельзя, – проговорил он тоскливо.

– Можно, сэр! – сказал Барнаби.

– Почему бы нам не пойти за те деревья? – предложила Элизабет. – Там нас никто не увидит.

Она коротко кивнула в сторону нянек, тревожно наблюдавших за ними издали.

– Да! – необычно живо согласился Эдвард.

Едва они скрылись из виду, Барнаби продолжил упражнения, на этот раз с принцем в качестве ученика.

– Гарде! – крикнул мальчик, когда Барнаби дипломатично позволил ему перехватить инициативу, и начался поединок.

– Браво! – воскликнула Элизабет, хлопая в ладоши.

Раскрасневшийся от удовольствия Эдвард приплясывал на траве, делая выпады и рубя воздух. Они настолько увлеклись, что не заметили госпожу Пенн и ее помощниц.

– Прекратите! – возопила женщина. – О чем вы только думаете? Из-за вас нас всех бросят в Тауэр.

Трое детей замерли.

– Прошу прощения, госпожа, – пробормотал Барнаби. – Я не хотел ничего плохого, просто немного развлечься.

– Мой брат-принц должен научиться фехтовать, – вызывающе заявила Элизабет.

Эдвард молча уставился ледяным взглядом на няню, но та не обратила на него никакого внимания.

– Все в свое время, как решит король, – изрекла госпожа Пенн. – Его высочество еще в коротких штанишках. И, милорд принц, вы прекрасно знаете, что вам нельзя рисковать. Когда вам придет время учиться фехтованию, вас будет обучать опытный наставник, который обеспечит вашу безопасность.

Элизабет нахмурилась. Барнаби открыл было рот, чтобы возразить, но его тут же заставили замолчать слова няни, обращенные к сердито смотревшему на нее Эдварду:

– Вы позволили себе ослушаться, сэр, и, боюсь, Барнаби придется за это поплатиться.

Барнаби застонал.

Глава 7

1543

Зеленое придворное платье с изящными рукавами и длинным шлейфом казалось невероятно тяжелым; украшенные жемчугом края выреза неприятно впились в стройные плечи Элизабет, но она изо всех сил старалась не обращать внимания – ведь сегодня она была в числе главных почетных гостей на бракосочетании ее отца.

Рядом с ней в золоченом великолепии праздничного придела королевской часовни во дворце Хэмптон-корт торжественно наблюдала за церемонией леди Мэри, в платье из темно-желтого дамаста, с ярко-красными бархатными нарукавниками. Столь же роскошно одеты были и другие лорды и леди, и все они, следуя примеру короля, пребывали в приподнятом, праздничном настроении.

Элизабет смотрела, как архиепископ Кранмер вкладывает изящную ладонь невесты в гигантскую лапищу отца и объявляет их мужем и женой. Она видела Екатерину Парр всего несколько раз, но та очень понравилась девочке, и она радовалась, что у нее будет такая мачеха.

Король повернулся к собравшимся, сияя от счастья, и повел новую жену вдоль ряда кланявшихся придворных к галерее, а оттуда через королевские апартаменты в личные покои. Гости последовали за ними, смеясь и обмениваясь шутками. Процессию сопровождали придворные и слуги, которые пытались протолкнуться вперед, чтобы увидеть новую королеву.

Может, она и не такая уж красивая, подумала Элизабет, глядя, как улыбающаяся Екатерина царственно кивает налево и направо, но миловидное лицо в обрамлении золотисто-каштановых волос нравилось девочке. Королева держалась уверенно и с подобающим ей достоинством.

– Она очень образованная женщина, – сказала Кэт, когда узнала, что король собирается жениться на Екатерине.

– Мне ее жаль, – молвила Элизабет. – Побывать замужем сперва за одним стариком, потом за другим – я бы такого не стерпела.

– Я слышала, она была для них не столько женой, сколько нянькой, – ответила Кэт.

Она вдобавок подозревала, что король кое-что об этом знал и готовил той такую же участь, ибо здоровье Генриха после казни Екатерины Говард становилось все хуже. Даже в пышном свадебном одеянии можно было заметить под прекрасными белыми чулками перебинтованные язвы; король то и дело морщился от боли, хромая и тяжело опираясь на трость, а в его рыжей бороде явственно проступала седина. Он основательно раздался, и при дворе тайно шутили, что в его камзол влезут целых трое.

Элизабет терпеть не могла подобных речей и не выносила даже мысли о том, что ее отец смертен. Он был Великим Гарри, императором своего королевства, предводителем Церкви и защитником веры, и Англия в нем нуждалась, как и Элизабет. Ему наверняка скоро станет лучше, думала девочка. Обязательно.

Она не сомневалась, что королева Екатерина ему поможет. Вряд ли он смог бы найти себе женщину лучше и добрее.

– По крайней мере, это не легкомысленная девчонка вроде той, последней, – сказала Мэри во время своего недавнего визита в Хэтфилд. – Хотя, боюсь, у нее подозрительные взгляды на религию.

– Эта женщина питает истинную любовь к Евангелию, – заявил доктор Коукс в классной комнате в Хертфорде. – Она станет другом каждому, кто желает реформирования Церкви изнутри.

– Фрейлины, которых она себе выбрала, все до одной в этом убеждены, – фыркнула Мэри. – Будь крайне осторожна, Элизабет, чтобы они не заразили тебя своими идеями.

– Для вас самое лучшее – последовать ее примеру, – советовал Элизабет доктор Коукс. – Она наставит вас на путь здоровых принципов.

Элизабет решила, что будет себе на уме. Екатерина Парр уже проявила к ней материнский интерес, пригласив во дворец, как только объявили о предстоящей свадьбе. Элизабет не была там уже много месяцев и крайне обрадовалась, когда ее привели к будущей мачехе.

– Миледи Элизабет! – воскликнула вдовствующая леди Латимер – каковой она в то время являлась, – почтительно приседая в реверансе и простирая руки к девочке. – Добро пожаловать во дворец! – сказала она сердечно, целуя Элизабет. – Для меня большая честь познакомиться с вами.

Она улыбнулась леди Мэри, которая сидела рядом, когда Элизабет вошла в покои. Элизабет почувствовала густой запах летних цветов, стоявших в горшках и вазах по всей комнате. Леди Латимер явно любила цветы. Девочка также заметила прекрасные бархатные туфли Екатерины с золотым шитьем, видневшиеся из-под алой шелковой юбки.

Мэри, прежде не жаловавшая Екатерину, теперь, к удивлению Элизабет, вполне дружелюбно улыбалась ей.

– Леди Латимер только что напомнила, что ее мать когда-то служила моей, – сказала она.

– Она была полностью предана королеве Екатерине, – подтвердила леди Латимер. – Но это было много лет назад, миледи Элизабет, и вам с миледи Мэри пришлось пережить немало несчастий. Искренне надеюсь, что вы обе сочтете меня любящей мачехой, которая желает служить вам, насколько это возможно.

Элизабет удивилась, увидев слезы в глазах Мэри, и та неожиданно обняла Екатерину.

– Уверена, мы станем любящими подругами, – молвила Мэри.

– И вы тоже, Элизабет, – сказала Екатерина, протягивая руку. – Вы еще ребенок и нуждаетесь в материнской любви и заботе. Я знаю, что у вас превосходная гувернантка Кэтрин Чампернаун, но, надеюсь, вы будете считать меня матерью и приходить ко мне каждый раз, когда понадобится содействие или совет. Всегда рада буду вам помочь, и не только из чувства долга.

– Обязательно, мадам, – просияла Элизабет.

Гостям подали легкие закуски, и Элизабет до отвала наелась конфет и засахаренных фруктов, пока взрослые были заняты вином и беседами, не обращая внимания на маленькую жадину, которая наталкивалась сладостями.

Король с новой королевой ходили среди гостей, по очереди приветствуя каждого.

– Мои поздравления, сир, – молвил лорд Хертфорд. – Вашему величеству чрезвычайно повезло. – Он вежливо поклонился Екатерине.

Элизабет с интересом взглянула на бывшего зятя короля, серьезного мужчину с худощавым лицом, большим носом и густой каштановой бородой. После смерти сестры, королевы Джейн, ему удалось остаться возле трона благодаря родству с юным принцем, которому он приходился дядей, и определенной политической проницательности.

– Воистину, милорд! – хлопнул его по спине Генрих, подмигивая Екатерине. – Самое время обзавестись новой женой – для блага королевства и утешения в старости.

– Вы еще далеко не стары, сэр, – улыбнулась Екатерина, и король просиял. – Как дела у принца, милорд Хертфорд?

– Мадам, мой племянник в добром здравии и блистает в учебе. Рад, что у него наконец появилась заботливая мачеха.

– Жаль, что его нет сейчас с нами, – ответила та. – Сэр, нельзя ли привезти принца? Все-таки здесь его сестры.

Король покачал головой:

– Вряд ли я мог бы вам отказать, Кейт, но здоровье принца для меня важнее всего. Как вам известно, при дворе может завестись любая зараза, а если он ее подхватит... Страшно даже подумать, ибо его жизнь – все, что стоит между мной и гражданской войной.

– Конечно, сэр, я вовсе не настаиваю, – поспешно согласилась она.

– Но если со временем у нас появится сын, Кейт, – похотливо прищурившись, продолжил Генрих, – то мне уже не придется столь рьяно заботиться о благополучии Эдварда.

– Буду об этом молиться, милорд, – спокойно заверила его Екатерина, даже не покраснев.

– Молись, – пробормотал стоявший неподалеку Джон Дадли, виконт де Лисль, обращаясь к племяннице Генриха, леди Маргарет Дуглас. Элизабет, только что стянувшая под их прикрытием очередную засахаренную сливу, слышала каждое слово. – Чтобы этого добиться, ей потребуется больше чем чудо!

К небольшой группе присоединилась Анна Клевская, приглашенная на свадьбу как возлюбленная сестра короля.

– Здравствуйте, леди Маргарет, милорд де Лисль, – приветствовала она их, бросая взгляд на новобрачных. – Хорошее бремя взвалила на себя мадам, ничего не скажешь.

– Как я слышала, – тихо проговорила леди Маргарет, – наша новая королева предпочла бы выйти замуж за другого.

– За младшего брата Хертфорда, сэра Томаса Сеймура, – подсказал Дадли.

– Вот как? Что ж, он весьма симпатичный, – заметила Анна.

Элизабет часто видела того при дворе и была с ней полностью согласна.

– Он тот еще проказник, – улыбнулась леди Маргарет, – и, насколько мне известно, она была в него влюблена. Но король, мой добрый дядя, отправил его восвояси. Я слышала, он уехал в Брюссель.

– Удобная дипломатическая миссия, – добавил Дадли. – Ручаюсь, мы его долго не увидим.

– Я слышала, – прошептала Анна, – что, когда король предложил леди выйти за него замуж, она сказала, что скорее стала бы его любовницей, чем женой.

– Стоит ли ее винить? – спросила Маргарет Дуглас. – Вспомните Анну Болейн и Екатерину Говард! И как он поступил со мной! Я дважды побывала в Тауэре, и все из-за того, что любила мужчин, которых он не одобрял.

Элизабет, которая без зазрения совести слушала увлекательную беседу, слегка встревожилась, узнав, что новая королева любила другого мужчину. Ей отчаянно хотелось предупредить Екатерину, чтобы та была поосторожнее, – жену короля, любившую кого-то еще, мог ждать ужасный конец. Уж это Элизабет было известно лучше других.

Услышав же о наказаниях, которым подверглась Маргарет Дуглас, она, к своему ужасу, начала понимать, что, когда придет время, ей будет не так-то просто противостоять воле отца. Девочке стало не по себе.

– Да это же леди Элизабет! – воскликнула принцесса Клевская, заметив, кто стоит рядом, и заключила девочку в теплые объятия, от которых той немного полегчало.

Дадли бросил настороженный взгляд на леди Маргарет, и все разошлись в разные стороны. Принцесса повела девочку назад, к уставленному яствами столу, но отчего-то сласти, которыми угощала ее Анна, уже не казались Элизабет столь привлекательными.

Позже, когда Кэт помогала Элизабет раздеться, та пересказала ей услышанное.

– Хорошо, что этого не слышал король, – тревожно заметила Кэт. – Иначе леди Маргарет могла бы в третий раз оказаться в Тауэре!

– Думаешь, это правда – что королева любила Томаса Сеймура до того, как отец сделал ей предложение? – спросила Элизабет, садясь на стул, чтобы Кэт могла расчесать ей волосы.

– Ходили такие слухи, – ответила Кэт, – но это могли быть придворные сплетни. Все считают, что она очень любит вашего отца.

– Я рада, что он на ней женился, – сказала Элизабет. – По-моему, из нее получится очень хорошая королева и добрая любящая мачеха. Я всегда о такой мечтала.

Кэт ощутила укол ревности. Во всех отношениях матерью для Элизабет стала она, оставаясь центром ее мира в течение многих лет и считая свое положение незыблемым. Конечно, она радовалась, что новая королева столь хорошо относится к ее подопечной, но в душе опасалась, что Екатерина Парр может стать ей соперницей в борьбе за привязанность девочки. Ни немецкая принцесса, ни легкомысленная девчонка Екатерина Говард не угрожали положению Кэт в такой степени, как эта очаровательная вдова, искренне заботившаяся о благополучии девочки и имевшая все возможности ей помочь.

Кэт решила, что никто и никогда не узурпирует ее место в жизни Элизабет – даже королева Англии.

– Я думаю, Элизабет, тебе понравится мое предложение, – сказала королева. – Я обратилась к королю, и он позволил тебе постоянно жить во дворце, как и леди Мэри. И еще он согласился назначить вас обеих моими главными фрейлинами.

– О мадам! – восторженно воскликнула Элизабет. Она уже успела полюбить новую мачеху, а теперь была признательна ей до глубины души. – Я так вам благодарна! Вряд ли я достойна такой милости.

– Вздор! Я знала, что тебе понравится, – широко улыбнулась Екатерина и тут же настояла на знакомстве Элизабет с ее новыми апартаментами. – Они рядом с моими, с окнами на реку, – пояснила она, шествуя по галерее. – И в Уайтхолле будет так же, я уже отдала соответствующие распоряжения.

– Вы столь добры ко мне, ваше величество. – Элизабет чуть не приплясывала от радости. – Не могу дождаться, когда перееду сюда и буду жить рядом с вами, – давно мечтала о таком счастье! Какие прекрасные комнаты!

Она восхищенно разглядывала пестрые гобелены, турецкие ковры, блестящую резную мебель и яркие занавески. Все для нее одной!

– Я попросила поставить твой стол прямо у окна, – сказала королева, – чтобы было побольше света для занятий.

– Не знаю, как вас благодарить!

Элизабет, никогда прежде особо не проявлявшая чувств, подбежала к мачехе и, крепко обняв, поцеловала ее. Кэт, которая уже обустроилась и разбирала сундук, готова была расплакаться от обиды.

– Обещаю, – поклялась девочка, – что вам никогда не придется на меня жаловаться, я буду прилежной и послушной.

– Нисколько не сомневаюсь, – улыбнулась королева. – Сейчас ты поможешь привести в порядок свое имущество, а после ужина я приму тебя в моих личных покоях.

Она расцеловала падчерицу в обе щеки и, вежливо кивнув Кэт, вышла.

– Присядь ко мне, – пригласила Екатерина, и Элизабет устроилась у ее ног. – Прошу вас, оставьте нас, миссис Чампернаун, – велела королева.

Кэт вышла с высоко поднятой головой.

– Знаешь, ты действительно очень хороша, – сказала мачеха Элизабет. – Нужно будет заказать тебе несколько новых платьев, раз ты теперь живешь при дворе.

– О, это было бы чудесно! – выдохнула девочка.

– Этим мы займемся завтра, – продолжала Екатерина. – А пока хотелось бы поговорить о твоём обучении. Мы с королем отметили твой ум и способности, а потому ты должна понимать,

что миссис Чампернаун, сколь бы образованна она ни была, мало чему может тебя научить. Король говорит, что ты брала некоторые уроки вместе с братом, но теперь ты стала старше и живешь при дворе, так что будет вполне разумно, если у тебя появится собственный учитель. Твой преисполненный мудрости отец желает, чтобы у тебя имелись все возможности стать образцом женской добродетели и украшением династии Тюдоров, и потому он доверил мне подыскать тебе достойного наставника. Рада сообщить, что я нашла такого человека. Его зовут Уильям Гриндал, он выдающийся знаток греческого.

- Греческого? Значит, меня будут учить греческому? – воскликнула Элизабет.
- И многому другому, – отозвалась королева, поглаживая ее по голове.
- Скорее бы! – пылко заявила девочка. – Не могу дождаться!

Седовласый Уильям Гриндал был уже немолод, но очень образован, и от него исходило умиротворяющее спокойствие. В первый же день он достал расписание уроков и протянул его ученице.

– Если ваша светлость не против, мы будем изучать языки по утрам, когда память крепче всего, – заговорил он невозмутимо и властно. – Насколько я понимаю, вы уже немного знаете латынь, французский, итальянский и испанский?

– И валлийский, сэр, – добавила Элизабет.

– В самом деле? Интересно. Очень хорошо. Что ж, тогда мы, конечно, начнем с этих языков, а также вы станете изучать греческий, поскольку знание его важно для понимания Нового Завета и таких трудов древних, как трагедии Софокла и речи Исократа. Таким образом, вы сами приобретете ораторские способности.

– Надеюсь, что не разочарую вас, сэр, – смиренно проговорила Элизабет, благословляя отца и мачеху за предоставленные возможности.

– По три часа в день мы будем изучать историю, – продолжал мастер Гриндал. – Это должно войти в привычку. Изучая историю, мы больше узнаем о нашей цивилизации. Потом займемся древней и современной философией. И конечно, вам нужно практиковаться в каллиграфии и рукоделии с миссис Чампернаун. Опытный мастер Баттиста Кастильоне будет дважды в неделю обучать вас итальянскому, и, как я понимаю, королева наняла не только нового учителя музыки, чтобы вы могли совершенствоваться в игре на лютне, клавесине и виоле, но, – вздохнул он, – и учителя танцев. Такова уж суетность этого мира, но, поскольку вам предстоит украшать собой королевские дворы, вы должны достойно этому соответствовать. Ее величество желает, чтобы вы ежедневно бывали на воздухе, – по ее словам, вы обожаете прогулки и верховую езду. И еще: король распорядился, чтобы вас обучали пользоваться арбалетом. Он видел, сколь хорошо вы фехтуете, и полагает, что вам следует попробовать себя в стрельбе. – Гриндал криво усмехнулся. – Не мне оспаривать мудрость его величества, – добавил он.

– С удовольствием! – радостно заверила его Элизабет.

Кэт отнеслась к новости о назначении мастера Гриндала достаточно спокойно, но внутри у нее все кипело. Выходит, ее низвели до обучения каллиграфии и рукоделию? Но исправить она ничего не могла. Будучи честной женщиной, она была вынуждена признать, что вряд ли смогла бы научить Элизабет большему, и тем не менее чувствовала себя уязвленной и обиженной.

Естественно, она знала, кого проклинать. Еще одна зарубка на память не в пользу ее соперницы.

Прибыв в Эшридж на празднование дня рождения Эдварда, которому исполнилось шесть лет, Элизабет, к своей радости, увидела его в длинных панталонах.

– Твой костюм достоин настоящего мужчины, братец! – похвалила она мальчика, который стоял, расставив ноги и уперев одну руку в бок, а другой сжимая рукоять меча.

Во всех отношениях он выглядел миниатюрной копией отца. Сняв шляпу с пером, Эдвард поклонился в ответ на реверанс сестры.

– Благодарю тебя, милая сестрица, – ответил он. – Пора уже вырасти из коротких штаншек.

Навстречу Элизабет вышел доктор Коукс.

– Его высочество теперь выглядит как настоящий принц, – улыбнулся он.

– Доктор Коукс – мой новый гувернер, – гордо объявил Эдвард. – С сегодняшнего дня женщины больше мной не командуют. Леди Брайан и госпожа Пенн уже уехали.

Голос его звучал бесстрастно, будто речь шла о чем-то несущественном, вроде погоды. Элизабет попыталась представить, как бы она себя чувствовала, если бы ее покинула любимая Кэт. Холодность брата обескураживала.

– Тебе не грустно? – спросила она. – Эти женщины заботились о тебе с рождения. Ты по ним не скучаешь?

– Наследнику трона не подобает подчиняться женщинам, – высокомерно изрек Эдвард, явно повторяя слова, которые за последние дни наверняка слышал не раз, и сменил тему. – Пойдем познакомимся с юными джентльменами, которые будут учиться и играть вместе со мной, как приказал отец.

Он повернулся к полутора десяткам выстроившихся в ряд мальчиков из аристократических семей и по очереди представил каждого Элизабет:

– Генри Брэндон, сын герцога Саффолка... Генри, лорд Гастингс... – (Каждый низко кланялся Элизабет, обходившей строй). – Роберт Дадли, сын виконта де Лисля.

Элизабет встретила с дерзким взглядом мальчугана, почувствовав в нем родственную душу. Роберт Дадли, примерно ее ровесник, походил смуглой кожей и лисьим лицом на цыгана или сатира; в его глазах мерцал озорной огонек. Он преувеличенно поклонился, явно желая привлечь к себе внимание. «Надо быть с ним поосторожнее, – подумала Элизабет. – Хорошо бы поучить его манерам...»

По случаю дня рождения Эдварда уроки отменили, и принц наконец мог удовлетворить свое долгожданное желание. Король разрешил ему обучаться фехтованию и верховой езде. Мальчики возбужденно болтали, сбрасывая камзолы и проверяя острие затупленных рапир.

– Миледи Элизабет, прошу вас, садитесь, – пригласил доктор Коукс, указывая на высокое резное кресло на помосте и придвигая табурет. – Отсюда все будет отлично видно.

– Мне что, можно только смотреть? – возмутилась Элизабет. – Барнаби знает, я владею рапирой не хуже любого мальчишки. Он сам меня учил.

Услышав ее слова, Барнаби Фитцпатрик широко улыбнулся:

– Совершенно верно, сэр. Леди Элизабет посрамит любого из нас.

– Девчонка – и фехтование? – язвительно вскинулся Роберт Дадли.

– Вы чересчур дерзки, сэр, – высокомерно заявила Элизабет. – Я вам покажу. Могу я быть партнером этого джентльмена? – обратилась она к учителю фехтования.

У Роберта отвисла челюсть. Элизабет радушно улыбнулась:

– Сейчас увидим, кто лучше, мальчик или девочка.

– Но, ваша светлость, как вы будете фехтовать в длинной юбке? – заметил Барнаби. – Мастер Роберт получит преимущество.

– И пусть! – рассмеялась Элизабет.

Щеки Роберта порозовели от досады.

– Стоит ли, сэр? – обратился он к доктору Коуксу.

– Мы не можем перечить юной леди, особенно дочери короля, – ответил тот, довольно улыбаясь. Этого мелкого гордеца не помешает немного унижить.

Остальных мальчиков разбили на пары. Учитель продемонстрировал правильную стойку и несколько точных выпадов.

– Есть два вида фехтовальщиков. Дуэлянт полагается на свой опыт и рапиру, – объяснил он. – Атлет добивается победы за счет работы ногами. Решайте, кем вы будете, джентльмены – и миледи!

– Я буду дуэлянтом, – сверкнула глазами Элизабет.

– Тогда я тоже, – нехотя буркнул Роберт.

– Защищайтесь! – крикнула она и устремила вперед, отражая удар за ударом.

Застигнутый врасплох Роберт, не особо веривший в ее похвалу, оказался не готов к решительной атаке и, пытаясь, неуклюже наткнулся на юного лорда Гастингса. Он попытался перехватить инициативу, но Элизабет твердо держалась на ногах. Через несколько минут учитель увидел, что дело принимает опасный оборот, и прекратил поединок.

– Неплохо для начала, ваша светлость! – воскликнул он, улыбаясь принцу, который тоже показывал себя не с худшей стороны.

Все неохотно вернулись на помост. Роберт, которого уже не пугало возможное поражение от простой девчонки, галантно молвил:

– Вы хорошо сражались, миледи.

Бросив взгляд на темноволосого мальчика, Элизабет, к своему удивлению, увидела в его глазах восхищение.

– У меня был достойный противник, сэра, – ответила девочка.

Она уже показала, на что способна, и теперь могла позволить себе великодушие.

За неделю своего визита Элизабет постоянно видела Роберта Дадли – ей позволили посещать уроки вместе с принцем и его знатными товарищами. В классе Роберт особо не блистал.

– Зачем мне учить греческий? – проворчал он, пользуясь временным отсутствием доктора Коукса и кладя перо.

– Чтобы ты мог стать гуманистом⁹ и изучать труды древних, – ответил Эдвард.

– Я бы лучше покатался верхом, – сказал Роберт, будучи завзятым лошадиником.

– Это понятно, я тоже люблю кататься верхом, – заметила Элизабет. – Но мне нравится и учиться, особенно история и языки.

– С вами все ясно, миледи: вы девочка, и вам не обязательно учить все то, что полагается юному джентльмену, – покровительственно ответил Роберт.

– Уверю вас, мастер Роберт, я изучаю то же, что и вы! – горячо возразила Элизабет.

– Что, и географию, и государственное управление, и классику?

– И это, и многое другое, – гордо заявила она. – И я обожаю каждую минуту уроков.

– Как это возможно? – буркнул Роберт.

– Тсс, – прошипел Генри Брэндон. – Доктор Коукс услышит.

– Он пошел по малой нужде, – ухмыльнулся Гастингс. – Прошу прощения, миледи.

Элизабет улыбнулась. Ей нравились грубые разговоры мальчишек.

– Сестрица, ты же не собираешься становиться королем Англии, – заметил Эдвард. – Зачем все это учить, если ты просто выйдешь замуж и будешь растить детей, как все девочки?

– Я не выйду замуж! – пылко воскликнула Элизабет. – Никогда!

– Еще как выйдешь, – безмятежно парировал принц.

– А вот посмотрим! – вызывающе бросила она.

– Если отец прикажет, тебе придется подчиниться, – самодовольно проговорил тот.

– Это мы еще поглядим!

⁹ Гуманистами называли себя представители светской интеллигенции эпохи Возрождения, социальной группы, вызванной к жизни развивавшимся в Европе с конца XIII века торговым капиталом.

– Хотел бы я поглядеть, как это у вас получится, – встрял Роберт.

Мальчики рассмеялись.

– Он отрубит вам голову! – заорал юный Генри Брэндон.

К его удивлению, внезапно наступила тишина. Пятнадцать пар настороженных глаз неловко уставились на рыжеволосую девочку, хмуро сидевшую в конце длинного стола.

– Ладно, – сказала Элизабет, быстро опомнившись. – Может, лучше вернемся к занятиям? Кажется, доктор Коукс идет.

– Вы вправду так считаете, миледи Элизабет? – спросил Роберт Дадли, поравнявшись с Элизабет.

Девочка вышла на короткую утреннюю прогулку по окружавшему Эшридж лесу в сопровождении Бланш Перри. Было холодно, изо рта летел пар. То был последний день ее визита.

– О чем вы, мастер Роберт?

– О том, что вы говорили вчера, – будто никогда не выйдете замуж. – (Элизабет вдруг увидела в его взгляде странное сочувствие.) – Вы вправду не подчинились бы королю, если бы он приказал?

– Да, – ответила она. – Я отказалась бы. Отец меня любит и никогда не заставит силой что-либо делать.

Роберт с сомнением взглянул на нее:

– Может, он захочет выдать вас за именитого принца или лорда ради какой-то собственной выгоды. И тогда вы не сможете отказаться.

– Смогу, даже если меня пообещают самому императору! – пылко возразила Элизабет. – Я терпеть не могу замужество.

– Мой отец утверждает, что брак – наш долг, – сказал Роберт. – Он говорит, что устраивает все наши браки ради политики или государственной пользы.

– Все?

– У меня много братьев и сестер, некоторые старше меня, – объяснил Роберт. – Полагаю, мне тоже когда-нибудь придется жениться. Но до этого еще далеко, мне всего десять лет.

– Мне тоже, – подхватила Элизабет.

– Что ж, через два года вас могут выдать замуж, – предупредил Роберт.

– Ни за что, – упрямо ответила она.

– Почему вы так боитесь?

– Не скажу.

– Я заметил, что вы расстроились, когда глупец Генри Брэндон пошутил, будто король отрубит вам голову, – решился он. – Догадываюсь почему. Моего деда казнили. Отец говорит, что даже в лучших семьях среди предков найдется изменник.

– Моя мама, королева Анна, не изменница, – возразила Элизабет.

– Мой дед тоже, – вторил ей Роберт. – Но он стал непопулярен, так как повысил налоги для короля Генриха Седьмого, а ваш отец, когда взошел на трон, искал народной любви и потому приказал казнить деда. Не беспокойтесь, – добавил он, увидев ее лицо. – Я ничего не имею ни против вас, ни против короля.

– Надеюсь, – отозвалась Элизабет, и они какое-то время шли молча.

– Похоже, у нас есть нечто общее, – наконец молвила Элизабет.

– Даже более того, – улыбнулся Роберт. – Вы любите верховую езду?

– Обожаю, – призналась та.

– Покатаемся вместе?

– Да! Прямо сейчас!

Развернувшись, она устремила к конюшням, и Роберт последовал за ней.

Глава 8

1544

Жизнь при дворе казалась Элизабет настоящим чудом, о каком она прежде могла лишь мечтать – красочная и шумная, совершенно не похожая на прежнюю, и самое главное, девочка теперь могла быть рядом с отцом. Он был центром вселенной не только для нее, но и для всех остальных – рослый, могучий и величественный. Все вращалось вокруг короля, а от него исходил нескончаемый поток любви и заботы. Элизабет привыкла к толпам просителей, которые постоянно теснились в галереях и королевских апартаментах, жажда получить повышение или просто обменяться словом или кивком с королем, ежедневно направлявшимся со своей свитой в часовню.

Не меньшие знаки внимания оказывали и его дочери. Придворные искали ее благосклонности, кланяясь и расшаркиваясь, когда она проходила мимо. Она наслаждалась ощущением собственной значимости, искренне веря, что остается важной персоной, несмотря на статус незаконнорожденной. Однако она уже достаточно повзрослела, чтобы почувствовать темные стороны придворной жизни: лицемерие, коварные интриги, злословие, раздоры и зависть. И страх – порой почти осязаемый... Да и как могло быть иначе, если недовольство короля означало тюрьму, разорение или даже смерть?

Однако Элизабет предпочитала об этом не задумываться, подобные мысли слишком выбивали ее из колеи. К счастью, вокруг полно было великолепных развлечений – к примеру, первое Рождество для Екатерины в роли королевы, сопровождавшееся роскошными торжествами в Хэмптон-корте. Мачеха пришла в восторг от льняного чепчика, который трудолюбиво вышила для нее Элизабет.

Но в новом, тысяча пятьсот сорок четвертом году король слег из-за больной ноги.

– Можно мне навестить отца? – спросила Элизабет у Екатерины Парр. – Меня беспокоит его здоровье.

– Не сейчас, – рассеянно ответила королева, переставляя в вазах свои любимые цветы. – Он не слишком хорошо себя чувствует, чтобы принимать посетителей.

– Ему станет лучше? – тревожно спросила девочка.

Екатерина с некоторым усилием вернулась с небес на землю.

– Да, конечно, – быстро ответила она с нарочитой уверенностью. – Подожди день-другой, а потом, возможно, тебе разрешат с ним увидеться.

Екатерина сдержала слово, но, когда недель позже Элизабет наконец пустили в королевские покои, она ужаснулась при виде посеревшего и осунувшегося от боли лица Генриха. Туго забинтованная нога опиралась на скамеечку. Элизабет с трудом отбросила мысль о его скорой смерти, не в силах представить себе мир без отца. Ведь он управлял всем на свете, и без него даже день не смел смениться ночью! Он никак не мог умереть! Это было невыносимо.

Стараясь не морщиться от стоявшей в комнате приторной вони, Элизабет присела в почтительном реверансе.

– Встань, дочь моя, – молвил король. – Прости, что не разрешал тебе прийти. Мне не хотелось, чтобы ты видела меня столь низко павшим.

Он страдальчески пошевелился в кресле, вздрогнув от боли, пронзившей голень.

– Кость никуда не годится, – скривился он. – Она докучает мне с тех пор, как много лет назад меня угораздило сверзиться с лошади. И хуже того, эти никудышные доктора убеждают меня ограничиваться в еде. Они говорят, будто я слишком растолстел. Ты тоже так думаешь, Бесси?

– Нет, сир, – ответила Элизабет. – Я не зашла бы в своих мыслях так далеко.

– Вот и я сказал этим мошенникам, что они зашли слишком далеко! Ха! Ты прямо вся в отца, да, Бесси?

Элизабет улыбнулась. Ей нравилось, когда отец называл ее Бесси и смеялся с ней вместе. Она знала, что он ее любит, и переполнялась блаженным ощущением счастья и безопасности.

– Не волнуйся, – молвил король. – Через пару дней я снова буду на ногах, здоровый как лошадь. А пока присядь и расскажи, чему ты в последнее время училась.

– Я изучала Цицерона, – гордо заявила Элизабет.

– *Appetitus rationi pareat* – можешь перевести?

– Да, сэр. Пусть желаниями правит разум.

– Хорошее изречение, – сказал он.

Пожалуй, ему самому стоило следовать тому же принципу, когда он добивался расположения ее матери, не задумываясь о последствиях своей безрассудной страсти. Впрочем, тогда он был моложе и считал себя непобедимым образчиком силы и мужественности. «А теперь, – печально подумал он, – я лишь преждевременно состарившаяся развалина. Да хранит меня Бог, пока не повзрослеет мой маленький сын».

– *Saepe ne utile quidem est scire quid futurum sit*, – грустно процитировал король.

Элизабет неуверенно взглянула на него.

– Это мне тоже перевести, сэр? – нерешительно спросила она.

– Да-да. – Генрих вымученно улыбнулся.

– Часто, – сказала девочка, тщательно подбирая слова, – нет пользы знать, что будет потом.

– Еще один трюизм, – заметил король, – и, увы, столь же верный. Цицерон знал, что говорил.

– Мне особенно нравится другое высказывание, – сказала Элизабет. – *Semper eadem* – всегда одно и то же. Надеюсь, всегда будет одно и то же, и я всегда буду любить вас, королеву и моего брата-принца.

– Рад слышать, что ты столь предана долгу, дитя мое, – ответил Генрих, простирая руку, отягощенную многими перстнями, и глядя девочку по плечу. – Мне очень понравился твой подарок королеве. Сшей мне такой же ночной колпак. – Глаза его озорно блеснули.

– Сэр, я вовсе не хотела вас обойти! – взволнованно возразила Элизабет. – Я просто хотела выразить свое почтение королеве за ее доброту.

– Я просто пошутил, Бесси! – улыбнулся Генрих, посверкивая заплывшими жиром голубыми глазками. – Конечно, ты так и сделала, а я аплодирую твоему усердию, ибо знаю, что ты терпеть не можешь рукоделие!

В дверь постучали.

– Входи, Кейт! – крикнул король.

Явилась королева с серебряной чашей под крышкой.

– Эльберри, сэр, – сказала она, ставя чашу на столик возле кресла и подавая королю серебряную ложечку.

– Ты хорошая жена, Кейт, – улыбнулся он, жадно пробуя десерт.

– Что это, сэр? – поинтересовалась Элизабет, у которой от запаха потекли слюнки.

– Никогда не ела эльберри, Бесси? – спросил король, протягивая ложку. – Что-то вроде хлебного пудинга с фруктами. Попробуй.

– Вкусно, – сказала девочка.

Ее приводило в трепет столь близкое общение с отцом на домашний манер, так как обычно королевская трапеза превращалась в торжественную церемонию.

– Съешь еще ложку, – предложил король.

– Кушайте сами, сэр, вам нужно укрепить силы, – возразила Екатерина.

Она грациозно прошла в другой конец комнаты, разгладила покрывало и взбила подушки.

– Вот видишь, как со мной обращаются, Бесси, – посетовал Генрих. – Твоя добрая мачеха, похоже, забыла, кто я такой.

– Простите, сэр, я вовсе не хотела! – воскликнула Екатерина.

– Знаю, Кейт, – улыбнулся тот. – Успокойся, я просто пошутил. А теперь помоги мне подняться – пойду прилягу. Элизабет, можешь доесть.

Отдав ей ложку, он попытался привстать в кресле, схватившись за подлокотники.

– Плохо, – прохрипел он, снова садясь. – Сил нет.

– Позвать камердинеров, сир? – озабоченно спросила королева.

– Нет, Кейт, не стоит их беспокоить. Им незачем видеть меня таким. Элизабет, можешь идти. Налегай на Цицерона – он еще не раз тебя вознаградит.

Проглотив остатки эльберри, Элизабет присела в реверансе и выскользнула из комнаты.

– Думаю, у нас есть повод гордиться юной леди, – сказал Генрих Екатерине, когда за девочкой закрылась дверь. – Мы еще сделаем из нее доктора!

Улыбнувшись, Екатерина подала ему кубок с вином.

– Мэри тоже изменилась к лучшему, – продолжал он. – Твое общество пошло ей на пользу, Кейт.

– Если позволите сказать, сэр, Мэри давно пора замуж. Если бы вы сумели найти ей мужа... Ей уже двадцать восемь, и она тоскует по замужеству и детям.

Генрих нахмурился:

– Я уже думал об этом – обсуждал варианты, вел переговоры... Боюсь, ее статус незаконнорожденной закрывает ей путь к королевскому союзу, но пока не нашлось придворного, которому я мог бы предложить ее руку. Но я буду помнить.

– Ваше величество, вы, как всегда, заботитесь о ваших детях, – заметила Екатерина, садясь рядом и берясь за шитье.

– Мне хотелось поговорить с тобой наедине, Кейт, – поколебавшись, угрюмо молвил король. – Должен выйти новый закон о престолонаследии, учитывающий наш брак и прочее. Мои советники сочли это разумным.

Он не стал говорить ей, что те настояли на обеспечении престолонаследия в любом случае, ибо опасались, что принц умрет от детской болезни, как часто случалось с детьми. «Они считают, что я долго не протяну, – подумал король, – хотя и не осмеливаются высказать этого вслух, ибо предсказывать смерть короля – высшая степень измены».

Генрих глубоко вздохнул. То, что он собирался сказать Екатерине, крайне унижало его самого, но иного выхода не оставалось.

– Закон ссылается на то, что наш союз может быть благословлен рождением детей, – сказал он. – Не бойся, я на это не рассчитываю. Я не сумел стать тебе хорошим мужем и вряд ли смогу в будущем.

Глаза Екатерины наполнились слезами. Она догадывалась, чего стоили ему подобные слова.

– Конечно же сможете, сэр, – поспешно возразила она. – Просто сейчас вы больны и вам не хватает сил. Но если ваше выздоровление затянется – что ж, я буду счастлива тем, что есть.

Король грустно улыбнулся и погладил ее по руке.

– У меня никогда не было столь милой моему сердцу жены, как ты, Кейт, – тихо сказал он. – Ты свет очей моих, опора моей старости. Я и мои дети во многом тебе благодарны. И ты наверняка рада будешь узнать, что, когда новый закон вступит в силу, Мэри и Элизабет вновь займут место в очереди на трон после Эдварда.

Миловидное лицо королевы осветилось радостью.

– О сэр, вы прекрасно понимаете, что это значит для них обеих.

– Я намерен передать трон моим наследникам, – продолжал Генрих, – а не королеве Шотландии, внучке моей сестры Маргарет. Ее я предназначаю в жены Эдварду, и ни один шотландец от Джедборо до Инвернесса не сможет мне помешать. Шотландия будет моей, и короны объединятся.

– Не означает ли это войну? – осведомилась Екатерина.

– Возможно, – мрачно ответил Генрих. – Но проживем – увидим. Пока же я намерен предоставить моим дочерям право на трон после Эдварда, а вслед за ними – наследникам моей сестры Марии, Брэндонам и Греям. Но до этого никогда не дойдет. Эдвард женится, и у него будут дети, и я могу даже найти мужа для Мэри. – Он улыбнулся жене. – И для Элизабет тоже, если Бог дарует мне столь долгие годы.

– Элизабет рассказывает всем подряд, что никогда не выйдет замуж, – поделилась секретом Екатерина.

– Девичья скромность, да? – усмехнулся Генрих. – Вполне ей подобает. Но она передумает через несколько лет, когда припрет!

– Сир! – покраснела его жена. – Ради всего святого! Серьезно, милорд, похоже, она уже все для себя решила.

– Ну, тогда я решу по-другому, – рассмеялся король. – Она еще слишком мала, чтобы разбираться в этом. Пусть подрастет. Замужество – естественное состояние женщины. Погоди, пока ей не понравится какой-нибудь мужлан!

Королева улыбнулась.

– Что касается дочерей вашего величества, – молвила она, – значит ли это, что их восстаноят в законных правах на престол?

Король нахмурился:

– Нет, Кейт. Иначе я непременно разворошу змеиное гнездо. Они обе – плод незаконных союзов, и я не отменю решений, которые уже принял. Но я король, и, если бы мне захотелось надеть на шест свою шляпу и объявить его моим наследником, я в полном праве так поступить. И потому я могу сделать наследницами своих дочерей, пусть даже незаконнорожденных.

– Ваша мудрость, как всегда, безупречна, ваше величество, – польстила ему Екатерина. Генрих откинулся в кресле, довольный, что выбрал лучший вариант из возможных.

– Я снова стану наследницей? – От удивления Элизабет даже забыла об этикете и пренебрегла отцовским титулом.

Король воспользовался возможностью сообщить хорошие новости ей и Мэри за ужином в его личных покоях, в присутствии лишь королевы и архиепископа Кранмера. Скатерть убрали, слуги удалились, и все закусывали сладким печеньем, запивая его вином с пряностями, известным как вино Гиппократ¹⁰.

На глазах Мэри выступили слезы. Королева Екатерина тоже чуть не расплакалась от радости, глядя на сестер.

– Да, – великодушно ответил король, – но только после Эдварда и его наследников. Потом, Мэри, будешь ты и твои наследники, а за тобой настанет черед Элизабет.

– И мои наследники, сир? – спросила Элизабет.

– Разумеется. Но ходят слухи, юная Бесси, будто ты не собираешься выходить замуж, так что, скорее всего, наследников у тебя не будет, – подмигнул ей король.

¹⁰ Вермут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.